

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

VESTNIK ARHIVISTA /
HERALD OF AN ARCHIVIST

ISSN 2073-0101

2024
№ 1

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

Основан в 1991 г.
Founded in 1991

В ближайших номерах

Каменное храмостроительство в Вологде
и в Троице-Сергиевом монастыре
в последней трети XVI века

Празднование годовщины установления
антибольшевистской власти
в Сибири 7 июня 1919 г. По документам
Омской городской думы

«Оживились антисоветские элементы»:
дневник колхозной практики студентов
Коммунистического университета
национальных меньшинств Запада

Отражение событий Великой
Отечественной войны на реализации
кампаний государственных займов
1946–1957 гг. в СССР

Архивные документы Государственного
комитета по охране природы СССР как
источник по экологической истории
России конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Coming soon

Stone Church Building in Vologda and in the
Trinity-Sergius Monastery in the Last Third
of the 16th Century

Celebration of the anniversary
of the establishment of anti-Bolshevik
Power in Siberia on June 7, 1919. According
to the documents
of the Omsk city council

“Anti-Soviet elements revived”: diary of
collective farm practice of students of the
Communist University of National Minorities
of the West

Impact of the Experience of the Great
Patriotic War on the Implementation of State
Loan Campaigns of 1946–1957 in the USSR

Archival documents of the State Committee
for Nature Protection of the USSR as
a source on the environmental history
of Russia late 1980s – early 1990s

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru

Вестник архивиста.com: www.herald-of-an-archivist.com

Вестник архивиста.TV: www.tv.vestarchive.ru

Вестник архивиста.Vk.com: www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Анфертьев, И. А., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артизов, А. Н., доктор исторических наук, Федеральное архивное агентство, г. Москва, Российская Федерация

Афиани, В. Ю., кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Безбородов, А. Б., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Брянцев, М. В., доктор исторических наук, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Гагиева, А. К., доктор исторических наук, Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Иноземцева, З. П., кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

Исакова, М. С., доктор исторических наук, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Калашникова, Н. П., доктор политических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Козлов, В. П., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Коровин, В. В., доктор исторических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Кулинок, С. В., кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Ланской, Г. Н., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Ларин, М. В., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Мазур, Л. Н., доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Мироненко, С. В., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Петин, Д. И., кандидат исторических наук, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

Пивовар, Е. И., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Прозорова, В. Б., кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе, г. Париж, Франция

Синиченко, В. В., доктор исторических наук, Академия управления МВД, г. Москва, Российская Федерация

Солдатова, О. Н., доктор исторических наук, Российский государственный архив в г. Самаре, г. Самара, Российская Федерация

Суровцева, Н. Г., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Трошина, Т. И., доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

Тюрнина, Е. А., кандидат исторических наук, Российский государственный архив экономики, г. Москва, Российская Федерация

Хорхордина, Т. И., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Чернобаев, А. А., доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Чубарьян, А. О., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

FOUNDER AND PUBLISHER

THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF

Anfertiev, Ivan A., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Artizov, Andrey N., doctor of historical sciences, Federal Archival Agency, Moscow, Russian Federation

Afiani, Vitaly Yu., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bezborodov, Alexander B., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bryantsev, Mikhail V., doctor of historical sciences, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

Gagieva, Anna K., doctor of historical sciences, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russian Federation

Inozemtseva, Zinaida P., PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

Isakova, Mukhae S., doctor of historical sciences, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Kalashnikova, Nataliya P., doctor of Political sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Kozlov, Vladimir P., doctor of historical sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Korovin, Vladimir V., doctor of historical sciences, South-West State University, Kursk, Russian Federation

Kulinok, Svyatoslav V., PhD in History, National Archive of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Lanskoi, Grigory N., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Larin, Mikhail V., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Mazur, Lyudmila N., doctor of historical sciences, First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Mironenko, Sergey V., doctor of historical sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation

Petin, Dmitry I., PhD in History, Historical Archive of the Omsk region, Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

Pivovarov, Efim I., doctor of historical sciences, member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Prozorova, Victoria B., PhD in History, head of the branch of the "Herald of an Archivist" in Europe, Paris, France

Sinichenko, Vladimir V., doctor of historical sciences, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation

Soldatova, Olga N., doctor of historical sciences, Russian State Archive in Samara, Samara, Russian Federation

Surovtseva Nataliya G., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Troshina, Tatiana I., doctor of historical sciences, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

Tyurina, Elena A., PhD in History, Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation

Khorkhordina, Tatiana I., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Chernobaev, Anatoly A., doctor of historical sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Chubaryan, Alexander O., doctor of historical sciences, member of the Russian Academy of Sciences, World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

- Бородихин, А. Ю., Подопригора, В. В. Иностранная часть рукописного собрания академика М. Н. Тихомирова: источники формирования // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 11–27.
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-11-27 11
- Соколов, С. В., Гилевич, Н. Д. Архивные фонды и коллекции документов профессора Г. З. Байера в Санкт-Петербурге и Глазго // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 28–42.
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-28-42 28
- Ляпин, Д. А. Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 43–56. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-43-56 43
- Ванчикова, Ц. П. «Сказание о хождении в Тибет пандита-хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода» как источник по истории буддизма // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 57–70.
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-57-70 57
- Новосельский, С. С. На пути к свободе слова: Особое совещание по составлению нового Устава о печати в 1905 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 71–84. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-71-84 71
- Шишкин, Д. В. Диалог с «вождем»: письма и записки Г. Е. Зиновьеву как средство коммуникации граждан и власти. 1918–1921 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 85–97.
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-85-97 85
- Наумов, А. О., Сенин, А. В. Аншлюс Австрии 1938 г. и позиция «великих держав»: путь к катастрофе. На основе новых архивных документов // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 98–111.
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-98-111 98
- Ананьев, В. Г. «Как нам жить дальше»: комбинаты Ленинградского отделения Художественного фонда СССР накануне «оттепели» на рубеже 1940–1950-х гг. По материалам ЦГАЛИ СПб // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 112–125.
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-112-125 112
- Суданц, Б. М. Внутрипартийная дискуссия по четвертому проекту программы КПСС в 1991 г. По материалам заседания постоянной идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре от 12 июля 1991 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 126–139.
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-126-139 126

Электронные архивы и документы

- Суровцева, Н. Г. Трансформация признаков документа в электронной среде // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 140–153. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-140-153 140

Исторические исследования

- Булгычева, Е. В. Сбор эйфоры в Аттике второй половины IV в. до н. э. По данным договоров об аренде теменов // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 154–165. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-154-165 154
- Маджаров, А. С. «Сказание о Мамаевом побоище»: религиозные символы в структуре исторического описания // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 166–178. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-166-178 166
- Колпаков, П. А. Противодействие распространению антиправительственных изданий на железных дорогах России в последней четверти XIX – начале XX в. По материалам жандармской железнодорожной полиции // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 179–192. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-179-192 179
- Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. А. Российская деревня 1905–1907 гг. в исторической памяти поколения «революционного перелома». На материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 193–204. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-193-204 193
- Бахтурина, А. Ю. Получение российского гражданства подданными неприятельских стран в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: этничность или лояльность // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 205–218. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218 205
- Катцина, Т. А., Мезит, Л. Э. Борьба с беспризорностью несовершеннолетних в Енисейской губернии в контексте деятельности Комиссии по улучшению жизни детей. 1921 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 219–231. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-219-231 219
- Димони, К. О. Хозяйственно-управленческая этика советских руководителей предприятий периода 1930–1940-х гг. По источникам личного происхождения // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 232–245. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-232-245 232
- Бодрова, Е. В., Калинов, В. В. Государственная политика СССР в сфере внедрения достижений науки и техники в середине 1950-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 246–256. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-246-256 246
- ## Научная публикация архивных документов
- Морозов, Д. В. «Все же не получилось великого содружества Ленина со Сталиным»: стенограмма совещания при дирекции Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) по обсуждению научной биографии В. И. Ленина 20 ноября 1940 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 257–270. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-257-270 257

Михеев, М. В., Бедель, А. Э. Специфика кадрового комплектования советского акционерного общества «Висмут»: материалы переписки аппарата Первого главного управления при Совете министров СССР и парторганизаций Свердловского обкома ВКП(б) в 1949 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 271–283. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-271-283	271
Музейные и архивные коллекции	
Синова, И. В. Документы по регламентации детского труда в сфере зрелищ и увеселений конца XIX века. На архивных материалах Санкт-Петербурга // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 284–294. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-284-294	284
Обзоры архивных фондов и коллекций	
Павлюкевич, Р. В., Северьянов, М. Д., Элтеко, Ю. В. Краевые архивные источники по истории молодого города на примере Дивногорска Красноярского края // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 295–304. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-295-304	295
Критика и библиография	
Сушко, А. В. Церковь и «красный террор» на Дону в 1918–1919 гг. в новейшей археографии // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 305–311. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-305-311	305
Указатель материалов / Index of Materials	
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / Vestnik arhivista / Herald of an Archivist» в 2023 г. // Вестник архивиста. 2024. No. 1. С. 312–319. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-312-319. Index of materials published in the “Vestnik arhivista / Herald of an Archivist” in 2023/ Information. In Russ. IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 312–319. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-312-319	312

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

- Borodikhin, Andrey Yu., Podoprigora, Vasilij V. Foreign part
of manuscript collection of academician M. N. Tikhomirov:
The sources of formation (In Russ.). IN: Vestnik Archivista /
Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 11–27,
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-11-2711
- Sokolov, Sergei, V., Gilevich, Nikita D. Archival Funds
and Collections of Professor Gottlieb Bayer
in St. Petersburg and Glasgow (In Russ.).
IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1,
pp. 28–42, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-28-4228
- Lyapin, Denis A. Landrat books of the historical region
of the Belgorod line (In Russ.). IN: Vestnik Archivista /
Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 43–56,
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-43-5643
- Vanchikova, Tsymzhit P. “The Legend of the Tsongol Kin
Pandita Khambo-Lama Zayaev’s Journey to Tibet”
as a Source on the History of Buddhism (In Russ.).
IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1,
pp. 57–70, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-57-7057
- Novoselskiy, Sergey S. Towards Freedom of Speech:
The Special Council to draw up a new Statute on the Press
in 1905 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista /
Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 71–84,
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-71-8471
- Shishkin, Dmitry V. Dialogue with «the leaders»:
letters and notes to G. E. Zinoviev as a means
of communication between citizens
and authorities. 1918–1921 (In Russ.).
IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024,
no. 1, pp. 85–97, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-85-9785
- Naumov, Alexander O., Senin, Alexander V. Anschluss
of Austria and the position of the Great Powers:
the path to disaster. Based on little-known archival
documents. (In Russ.). IN: Vestnik Archivista /
Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 98–111,
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-98-11198

Ananiev, Vitaly G. "How should we live on": combines of the Leningrad branch of the USSR Art Fund on the eve of the "thaw" at the turn of the 1940s–1950s. Based on materials of the TsGALI SPb (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 112–125, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-112-125	112
Sudants, Boris M. Intra-party discussion on the fourth draft programme of the CPSU in 1991. Based on the materials of the meeting of the permanent ideological commission and the commission on science, education and culture of 12 July 1991 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 126–139, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-126-139	126
Digital Archives and Documents	
Surovtseva, Nataliya G. Transformation of recording features in an electronic environment. (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 140–153, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-140-153	140
Historical Research	
Bulycheva, Elena V. The collecting of the eisphora in Attica of the second half of the IV century BC according to the lease agreements of temenos (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 154–165, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-154-165	154
Madzharov, Alexander S. «The Tale of the Massacre of Mamayev»: religious symbols in structure of historical description. (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 166–178, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-166-178	166
Kolpakov, P. A. Counteraction to the spread of anti-government publications on the railroads of Russia in the last quarter of the XIX – early XX century. On the materials of the gendarme railway police (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 179–192, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-179-192	179
Viazinkin, Aleksei Y., Yakimov, Kuzma A. Russian village 1905–1907 in the historical memory of the "revolutionary turning point" generation. Based on materials from the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 193–204, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-193-204	193

Bakhturina, Alexandra Yu. Obtaining Russian citizenship by subjects of enemy countries during World War I, 1914–1918: ethnicity or loyalty (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 205–218, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218	205
Kattsina, T. A., Mezit, L. E. The struggle against homelessness of minors in Yenisei province in the context of the activities of the Commission for the Improvement of Children’s Life. 1921 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 219–231, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-219-231	219
Dimoni, K. O. Economic and managerial ethics of Soviet enterprise managers in the 1930s–1940s. Based on sources of personal origin (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 232–245, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-232-245	232
Bodrova, Elena V., Kalinov, Vyacheslav V. The state policy of the USSR in the field of introduction of achievements of science and technology in the mid–1950s (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 246–256, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-246-256	246
Scientific Publication of Archival Documents	
Morozov, Dmitry V. “Still, the great collaboration between Lenin and Stalin did not work out”: transcript of the meeting at the Directorate of the Marx-Engels-Lenin Institute (IMEL) to discuss the scientific biography of V. I. Lenin. I. Lenin on November 20, 1940 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 257–270, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-257-270	257
Mikheev, M. V., Bedel, A. E. Specifics of staffing of the Soviet joint-stock company “Vismut”: materials of correspondence between the apparatus of the First Main Directorate under the Council of Ministers of the USSR and party organizations of the Sverdlovsk Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks(b) in 1949 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 271–283, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-271-283	271
Museum and Archival Collections	
Sinova, Irina V. Documents on the regulation of child labor in the sphere of entertainment and amusement at the end of the XIX century. On archival materials of St. Petersburg (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 284–294, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-284-294	284

Archival Fonds and Collections Synopsis

- Pavlyukevich, Ruslan V., Severyanov, Mikhail D., Elteko, Juliya V. Regional Archival Sources on the History of a Young City on the Example of Divnogorsk, Krasnoyarsk Region (In Russ). IN: Vestnik Arhivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 295–304, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-295-304 295

Criticizm and Bibliografy

- Sushko, Aleksey V. Church and “red terror” on the Don in 1918–1919 in the latest archaeography (In Russ.). Vestnik Arhivista / Herald of an Archivist, 2023, no. 4, pp. 305–311, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-305-311 305
- Index of materials published in the “Vestnik arhivista / Herald of an Archivist” in 2023/ Information. In Russ. IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 312–319. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-312-319 312

**ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ**

**Archive Science, Source Studies, Document Science
and Archaeography Issues**

Научная статья

УДК 003.07+930.22+001.36+001.814::002+091+001.92+003.62+930.255+
930.23+003.071+930.25+002.2+303.686+303.425+303.436+394.011+
342.71+261.7

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-11-27

Для цитирования

Бородихин, А. Ю., Подопригора, В. В. Иностранная часть рукописного собрания академика М. Н. Тихомирова: источники формирования // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 11–27. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-11-27

Бородихин, А. Ю., Подопригора, В. В.

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация

**Иностранная часть рукописного собрания
академика М. Н. Тихомирова:
источники формирования**

Передача академиком М. Н. Тихомировым своего уникального собрания рукописей, документов и старопечатных книг Сибирскому отделению Академии наук СССР (ныне СО РАН) обозначила ввод коллекции в широкий научный и общественный оборот¹. С тех пор немалая часть исследователей общеславянской и древнерусской тематики в России и за рубежом обращается к этому богатейшему письменному наследию, решая разные задачи источниковедческого, исторического и филологического направлений. Этих областей касается и вопрос источников формирования этого собрания,

еще в середине XX в. получивший глубокую разработку в публикациях знаменитого археографа В. И. Малышева. В первую очередь, речь в них шла о коллекции рукописей и документов военного врача и известного ленинградского коллекционера В. Ф. Груздева (1893–1982), практически полностью переданной в собрание М. Н. Тихомирова².

Однако остаются открытыми многие вопросы выяснения прежних мест хранения и обстоятельств приобретения М. Н. Тихомировым ряда экземпляров коллекции. Это касается прежде всего ее иностранной части. При составлении первых описаний собрания, его приеме и учете в Государственную публичную научно-техническую библиотеку Сибирского отделения Академии наук СССР (ГПНТБ СО АН СССР) специалисты еще не располагали теми возможностями для идентификации этих материалов, какие мы имеем сегодня.

В статье изложены предварительные итоги изучения западноевропейских материалов XIII–XVII вв. Тихомировского собрания – манускриптов и актовых источников.

К коллекции В. Ф. Груздева восходят четыре документа, атрибуция которых вызывала затруднения у владельца. Они оказались в его распоряжении уже после продажи основной части коллекции М. Н. Тихомирову в 1956 г. Древнейший из них – грамота на латыни, написанная выработанным готическим письмом на листе пергамента (высотой 46,5 и шириной 41,0 см). Это перечень общин, деревень и приходов в окрестностях Бремена, выплачивавших ежегодные взносы на содержание моста через Везер. В XIX в. его опубликовали Д. Р. Эмк и В. фон Бишпен в первом томе серии «Bremisches Urkundenbuch»³ под номером 247. Сам текст грамоты не имеет даты, по почерку издатели отнесли его к середине XIII в. Эта датировка указана и на обороте листа в нижнем поле почерком XIX в.: «Sine data (с. 1250), ниже читается помета «Vu», свидетельствующая о происхождении документа из первого городского архива Бремена – Tresekammer (Trese). Изначально этот архив размещался в пяти дубовых шкафах с выдвигаемыми ящиками. Сигла «Vu» указывает на второй шкаф и ящик, где хранились акты, касающиеся Везера

и общины Гесте⁴. Сейчас фонды Trese находятся в Государственном архиве Бремена.

Из того же источника происходит еще один документ – письмо (*breve*) на средненижненемецком языке, составленное от имени землевладельцев Людера и Курда ван ден Гразе. В письме устанавливаются размеры ежегодных доходов с проданного ими надела в Мальсвердене – дома с подворьем и земельным участком, а также с водных угодий и пастбищ на берегу реки Охтум (приток Везера), которые должны быть направлены на погашение долговых обязательств. Документ написан на листе пергамена высотой 19,5 и шириной 31,0 см (закладка для печати – 1,3 см) готическим курсивом конца XIV в. и скреплен пятью вислыми печатями на пергаментных шнурах, из которых сохранилось две. Одна из них, с изображением дерева с пятью ветвями, видимо, была личной печатью Людера ван ден Гразе. Письмо датировано 1399 г., днем Кафедры апостола Петра («*ipso die beati Petri ad cathedram*»), то есть 22 февраля.

Братья Людер и Курд (Конрад) ван ден Гразе и имение в Мальсвердене упоминаются в бременских документах начала XV в., изданных в серии «*Bremisches Urkundenbuch*»⁵. В комментариях к письму архиепископа Отто (5 июня 1401 г.) здесь приводятся ссылки на ряд актов под шифром «Trese 21», т. е. на 21 ящик пятого – самого крупного шкафа бременского архива. На оборотной стороне листа документа из собрания М. Н. Тихомирова обнаруживается именно этот шифр «Trese 21», что позволяет точно установить место его первоначального хранения.

Третий документ на листе пергамена высотой 12,0 и шириной 31,5 см с закладкой для печати в 1,5 см также происходит из Бремена. В нем речь идет о продаже дома бывшим членом городского совета Гердом Блоком и передаче прав собственности покупателям: ратману Альберту Хойеру и бюргеру Гозену Блоку. Сделка засвидетельствована бургомистрами Хинриком Крейе и Хинриком Бреде и 12 ратманами городского совета Бремена.

Письмо скреплено городской печатью с изображением двух сидящих фигур – императора в короне с регалиями и апостола Петра в инфуле с мечом и ключом в руках, с легендой по

Илл. 1. Снимок печати Бремена по фон Бишпену и на грамоте XV в. из собрания М. Н. Тихомирова

абрису «SIGILLUM BREMENSIS CIVITATIS» (илл. 1). Этот вид печати использовался с 1366 г. до первой трети XIX в.⁶ Акт датирован 1487 г., средой после дня Иоанна Крестителя («*mydwekens negest Johannis Baptiste*»), что для названного года должно соответствовать 27 июня. Обрат сторона не содержит четкой информации о провениенции, читается только шифр с датой «№ 45 / A 1487», который явно пытались смыть.

Четвертый документ из числа купленных М. Н. Тихомировым у В. Ф. Груздева связан уже с другим регионом – окрестностями Бреслау в Нижней Силезии. Он написан на листе пергамента высотой 18,0 и шириной 38,0 см (закладка для печати – 4,7 см) убористой бастардой. На обороте листа помещена современная документу помета «*Consensus regis*» и сигнатура позднего времени на немецком языке, сейчас читаемая лишь фрагментарно. Отчетливо видны только шифр «*Num. 38*» и дата «1447». Однако верная дата содержится в самом документе – это 1440 г., день праздника освобождения апостола Петра от вериг («*ipso die ad vincula Petri apostoli*»), т. е. 1 августа.

Акт составлен от имени Альбрехта фон Кольдица (лат. *Albertus de Culdicz*) – представителя знатного силезского рода, сторонника католической церкви во время Гуситских войн, наместника короля Богемии в Свидницком и Яворском княжествах в 1419–1448 гг. Речь в нем об исполнении завещания Николауса Флевтира – алтарного священника и фун-

Илл. 2. Фрагмент печати Альбрехта фон Кольдица на грамоте из собрания М. Н. Тихомирова (справа) и ее образцы из Национального архива в Праге

датора алтарей, освященных во имя Христа, Девы Марии, мученика Адальберта, святых Анны и Марии Магдалины, в приходской церкви силезского города Фрейбург (ныне Свободнице в Польше). Во исполнение его воли, в присутствии свидетелей – нескольких свидницких клириков, а также бургграфа замка Фюрстенштейн, была установлена ежегодная выплата в 15 марок для преемников Николауса Флевтира – священнослужителей при названных алтарях.

От скреплявшей акт королевской печати сохранился лишь небольшой фрагмент. По публикации документов из Национального архива в Праге на портале Monasterium.net удалось соотнести этот фрагмент с сохранившимися восковыми печатями на других грамотах Альбрехта фон Кольдица. В целостном виде они представлены на документах от 3 августа 1439 г.⁷ и 17 августа 1446 г.⁸ Здесь помещены изображения сидящей на троне фигуры монарха с регалиями между двумя гербовыми щитами (львом по правую сторону от трона и орлом – по левую), расположенными на декоративных ветвях. На осколке печати тихомировской грамоты удастся распознать фрагменты подножия трона, ног и небольшие участки ветвей (илл. 2).

Плодотворным стало исследование рукописи Тих. 10-ин., возможно, связанной по месту своего происхождения с грамотой 1440 г. Она датируется сегодня в диапазоне 1620–1650-х гг., при поступлении в фонд ГПНТБ СО АН СССР получила название «Альбом гербов» (далее – Альбом)⁹.

Размеры книги: 16,0×19,0 см (книжный блок – 15,4×18,2 см). Переплет – картон в коже с тиснением в виде орнамента, выделенного позолотой, шитье блока на 4 шнурах, выступающих на корешке. Обрез книжного блока орнаментирован и позолочен. Пагинация архивная (XIX в.) выполнена пером и чернилами в верхнем правом углу листа.

Имя владельца помещено на титульном листе Альбома: «Zacharias Allert von Breßlau». Подобный тип книг в немецкой традиции XVI – середины XIX в. обозначается термином *Stammbuch*, что переводится как «генеалогическая книга». Такое обозначение применялось для разных вариантов рукописных книг, с одной стороны, для родословных таблиц (генеалогические древа членов одной разветвленной семьи), с другой – оно использовалось метафорически – «генеалогическое древо круга друзей». В таком значении использовались также обозначения *Album amicorum*, *Philothecon*, *Stamm-* или *Gesellenbüchlein*.

Этот жанр зародился под влиянием Реформации в первой трети XVI в., предположительно, в Виттенберге. В истоках его лежит распространившийся в это время культ поиска и приобретения посвящений, собственноручно составленных знаменитыми реформаторами М. Лютером и Ф. Меланхтоном. Таким образом, первоначально представляя собой сборник автографов, постепенно он преобразуется в собрание аллегорий, разных по смыслу и способу выражения, становясь универсальной подборкой выполненных от руки разного рода изречений и сентенций. Формировались они из проложенных листами чистой бумаги оригиналов-отпечатков или копировавших их рукописных изображений, близких по содержанию и исполнению к известным в Европе материалам так называемых книг эмблем.

В круг составляющих такую книгу участников непременно включались лица высшего света – представители власти, профессора, покровители владельцев таких сборников из числа знати, их родственники, друзья и знакомые, что приводило к созданию своего рода документа, отражавшего духовный мир как заполнявших страницы этой книги людей, так и самих владельцев. Это превращало подобные поучитель-

ные документы времени в своеобразные хроники текущих событий и интересные источники истории культуры, личности, семьи.

До сих пор нам не удавалось обнаружить каких-либо сведений о владельце этого Альбома и исторических обстоятельствах его появления. Лишь недавно благодаря возможностям поиска в публикациях электронных репозиториев была найдена цифровая копия «Дневника Захарии Аллерта 1627 года» в публикации 1887 г.¹⁰, которую подготовил доктор Юлиус Кребс для 64-го ежегодника Силезского общества изучения отечественной культуры. Во вступительной статье к этой публикации автор-составитель помещает краткое описание Альбома, находившегося в то время в городском архиве Бреславы (польск. Вроцлав), а сегодня хранящегося в Тихомировском собрании ГПНТБ СО РАН.

На форзацных листах верхней крышки Альбома сохранились записи, датированные 1893 и 1894 гг. и фиксирующие отсутствие в альбоме двух листов, а также лист с дважды проставленным номером страницы 395, в дальнейшем также утраченный. С учетом этой пометы в настоящее время подобных утрат насчитывается 44 листа: выпавшие из блока либо вырванные, судя по остаткам бумаги в корешковой области. Особенно много лакун в разделе, условно названном нами «Календарь», где остались только январь, март, апрель и ноябрь (илл. 3), а все остальные месяцы утрачены. Вероятно, ими могли пользоваться как своеобразными открытками, которые владевшие в какой-то момент рукописью лица могли вручать в подарок знакомым. Яркие многоцветные изображения европейских ландшафтов, бытовых зарисовок, картин рыбной ловли или сезонных работ в лесу и на полях могли служить искусным поздравлением к разного рода событиям, например, дням рождения. Это, на наш взгляд, может служить поводом для определения направлений поиска утраченных частей Альбома.

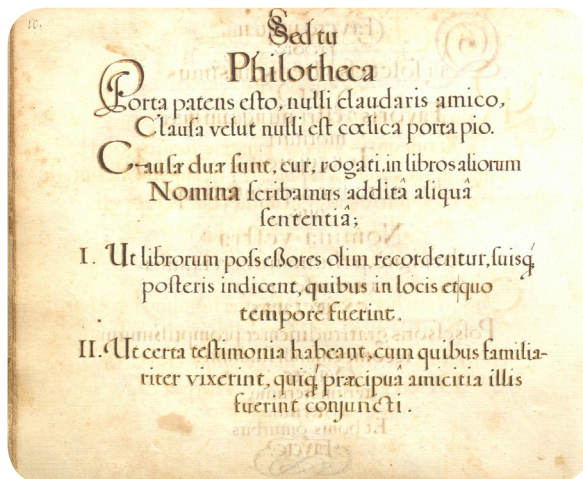
В настоящее время листовой блок кодекса состоит из 3 форзацных + 260 (520 с.) бумажных листов, а также девяти пергаменных листов с цветными картинками. Для подготовки Альбома преимущественно была использована бумага

Илл. 3. Ianuarius (январь, астрологический знак Водолея); зимний городской пейзаж; обитатели ночлежки (Penner)

с водяным знаком «Две башни» в сопровождении литеры «L» с шестиконечной звездой (вариант 1) или петлеобразного знака (вариант 2) у основания башен. Датировка варианта 1: альбом Диановой, Костюхиной № 29, 1620 г. (коллекция Н. И. Тихомирова, Муз. 4160)¹¹; варианта 2: альбом Брике № 15940 (1582–1598 гг.)¹². Кроме того, в блоке встречаются единичные знаки: «Серна» на щите под короной (Лауцявичюс, № 3642, 1626–1629 гг.)¹³, «Двуглавый орел» с державой на груди (Лауцявичюс, № 496, 1647 г.), «Корона» с литерами МММ (Лауцявичюс, № 1604, 1627 г.), знак неопределенного содержания: «Круг» с литерой R наверху (по альбомам не определен).

Вступительные разделы *Stammbuch* написаны на латыни самим Аллертом и содержат определение жанра книги – «*Philotheca*» (илл. 4), собравшей под одной обложкой имена его знакомых, покровителей, друзей. В данном случае книга отходит от принципа генеалогического древа и представляет собой образцы записей, внесенных по просьбе владельца лицами различного происхождения. Это могут быть либо

Илл. 4. «Но ты, филотека, будь вратами открытыми, и никогда ты не будешь закрыта для друга...»

девизы, либо какие-либо комментарии к различным устойчивым выражениям из Библии, либо гербы. Большая часть листов оставлена пустыми, для того чтобы работа над ней продолжалась, прирастая записями старых и новых знакомых автора сборника.

Альбом начинается переписанными Аллертом произведениями ведущих немецких поэтов эпохи, по существу, представляющими собой прижизненные публикации. Раздел посвящений открывает стихотворение Мартина Опица (1597–1639) – создателя первой поэтики на немецком языке, установившего теоретические правила стихосложения. Стоит отметить, что именно в Бреславле в 1624 г. было выпущено его пособие по версификации¹⁴. Характерно, что в круг его поклонников и друзей попадает и владелец тихомировского Альбома.

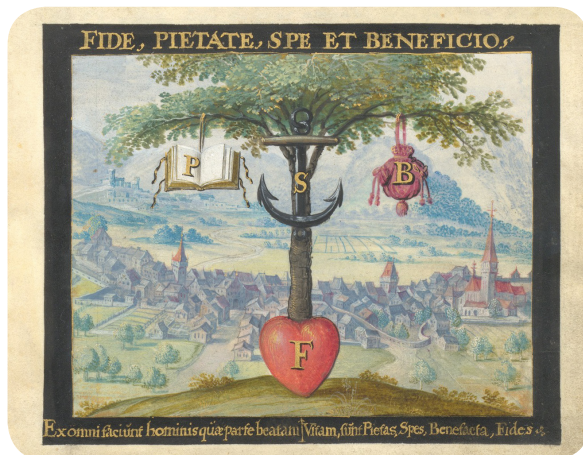
Помещенные затем стихи поэтов старшего поколения как раз высказывают мысль о важности и необходимости для общества подобного рукописного жанра. «Rasa tabella meus liber est» – стихотворение Фридриха Таубмана (1565–1613) – немецкого ученого, филолога, новолатинского поэта,

Илл. 5. Родовой герб князей Олесницких (Нижняя Силезия). «Dominus protector meus» (лат. «Господь – мой защитник»). Carolus Fridericus Dux Monstherbergensis ... (лат. Карл Фридрих герцог Мюнстербергский)

профессора поэзии и изящных искусств в университете Виттенберга. Другой автор – Иоганнес Герман (1585–1647) – немецкий поэт, богослов и гимнодист, жизненный путь его был связан с Бреславлем, где в юности он обучался в гимназии.

Среди множества исполненных в цвете гербов, девизов и изящных иллюстраций, сопровождаемых собственноручными записями, стоит выделить имена покровителей и друзей Захариаса Аллерта – герцогов Иоганна Кристиана фон Брига; Георга Рудольфа фон Лигнитца; Георга III и Людвига фон Бригов; Генриха Венцеля фон Мюнстерберга; Карла Фридриха фон Олса (илл. 5); принца, фельдмаршала имперской и саксонской армий Франца Альбрехта фон Саксен-Лауэнбурга; Высочайшего канцлера Чешского королевства Зденко фон Лобковитца; фельдмаршала и дипломата графа Генриха Матеса фон Турн и многих других. Отметим, что большинство из круга знакомых Захариаса в той или иной степени принимали самое непосредственное участие в значимых событиях эпохи: контрреформация, протестантское движение, Тридцатилетняя война.

Илл. 6. Четыре добродетели:
Вера, Благочестие, Надежда и Благоедеяние

Аллегорические изображения в Альбоме сопровождаются соответствующими латинскими сентенциями и девизами. Сам владделец вполне освоил игровой характер компанейского общения, в каждом отдельном случае опираясь на традиционно полную форму эмблемы – важнейшего инструмента художественного мышления в эпоху барокко. Характерный в этом случае пример: изображение на с. 239 (илл. 6). Красочная иллюстрация – дерево на холме, растущее прямо из сердца, на фоне города и природного ландшафта, ограниченного горой на горизонте. Надпись: «Fide, Pietate, Spe et Beneficio» (лат. «Верой, Благочестием, Надеждой и Благоедеянием»); подпись: «Ex omni faciunt hominis quae parte beatam // Vitam sunt Pietas, Spes, Benefacta, Fides» (лат. «Всё, что делает человеческую жизнь счастливой, приносят Благочестие, Надежда, Благоедеяние и Вера»). На древе расположены предметы-символы с литерными подсказками их значений: Книга (P), Морской якорь (S), Фонарь (B) и сердце (F) – Благочестие, Надежда, Благоедеяние и Вера.

Таким образом, обращение к электронным ресурсам позволило установить провениенции части иностранных рукописей

и документов собрания М. Н. Тихомирова. Ценные результаты дало обнаружение давно пропавших из поля зрения исследователей сведений о рукописи Захарии Аллерта и документе середины XIII в. из бременского Tresekammer. Интересной, хотя и непростой задачей является выяснение обстоятельств их вхождения в состав книжного собрания В. Ф. Груздева. Мы надеемся, что дальнейшее изучение источников формирования коллекции М. Н. Тихомирова окажется не менее плодотворным.

Примечания

¹ Рогов, А. И., Покровский, Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению СО АН СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. Москва: Наука, 1966. С. 162–172.

² Дергачева-Скоп, Е. И. Некоторые вопросы локализации рукописей. Коллекция В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46.

³ Ehmck, D. R., Bippen, W. von (eds.). Bremisches Urkundenbuch. Im Auftrage des Senats der freien Hansestadt Bremen. Bd. 1. Bremen, 1873. S. 285–289.

⁴ Ibid. S. XI.

⁵ Ibid. Bd. 4. Bremen, 1886. S. 363–365.

⁶ Bippen, W. von. Die Entwicklung des bremischen Wappens. IN: Jahrbuch der bremischen Sammlungen. Band 4, Bremen, 1911. S. 4–5.

⁷ Národní archiv Maltézští rytíři – české velkopřevorství (1085–1875), № 1760 // Monasterium.net [On-line]. Available at: <https://www.monasterium.net/mom/CZ-NA/RM/1760/charter> (accessed 01.10.2023).

⁸ Ibid., № 487.

⁹ Дрвелехранилище им. Е. И. Дергачевой-Скоп ГПНТБ СО РАН, Тих. 10-ин. Альбом гербов.

¹⁰ Krebs, J. (ed.). Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627. Breslau, G. P. Aderholz Buchhandlung, 1887.

¹¹ Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. Отв. ред. В. И. Буганов. Москва: б. и., 1980. 172 с.

¹² Briquet, C.-M. Les Filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier, dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. A facsimile of the 1907

edition with supplementary material contributed by a number of scholars. Edited by Allan Stevenson. Amsterdam: The paper publications society (Labarre foundation). MCMLXVIII (1968).

¹³ Laucevičius, E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.: Atlasas. Vilnius, Leidykla „Mintis“, 1967.

¹⁴ Martini Opitii Buch von der Deutschen Poeterey. Breßlaw, 1624.

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам выявления источников формирования собрания рукописей, старопечатных книг и документов академика М. Н. Тихомирова, переданного в дар по завещанию владельца Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Академии наук (ГПНТБ СО АН) СССР. Целью исследования стали уточнение атрибуции и датировки материалов на иностранных языках, установление их провениенций. Для этого применены методы палеографии, кодикологии и использованы возможности поиска и анализа данных электронных библиотек и интернет-ресурсов. Уделено внимание такому важному аспекту источниковедения, как реконструкция социального контекста и условий происхождения и бытования определенного документа (рукописи, печатного издания, грамоты и т. п.). Идентифицированы актовые источники – грамоты на пергамене, приобретенные М. Н. Тихомировым у ленинградского коллекционера, военного врача В. Ф. Груздева. Три из них по своему происхождению связаны с Бременом, четвертый – с Нижней Силезией. Установлено место первоначального бытования как минимум двух из них – Tresekammer (Trese), старейший фонд городского архива Бремена. Даны точные датировки актовых источников в хронологическом диапазоне от середины XIII до последней четверти XV в., их краткое палеографическое описание, идентифицируются некоторые сфрагистические данные. Приводится археографическое описание роскошной рукописи XVII в., определенной при передаче тихомировского собрания в ГПНТБ как Альбом гербов. Ценные сведения о ней обнаружены в публикации 1887 г. («Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627» («Дневник Захарии Аллерта 1627 года»). По приведенному в ней краткому описанию Альбома, находившегося в то время в городском архиве Бреслава (польск. Вроцлав), было установлено его тождество с рукописью тихомировского собрания. В статье приводится характеристика Альбома, выявляется круг причастных к его созданию лиц и обстоятельства их биографий, определяется его жанровая и композиционная специфика, обусловленная эстетикой немецкого барокко.

Особенно ценные результаты дало обнаружение сведений о рукописях и документах, уже практически век назад пропавших из поля зрения исследователей.

Ключевые слова: Собрание М. Н. Тихомирова, источниковедение, латинская палеография, филигранология, геральдика, цифровые библиотеки, документы и рукописи Западной Европы, Силезия.

Список литературы

Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. Отв. ред. В. И. Буганов. Москва: б. и., 1980. 172 с.

Дергачева-Скоп, Е. И. Некоторые вопросы локализации рукописей. Коллекция В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46.

Рогов, А. И., Покровский, Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению СО АН СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. Москва: Наука, 1966. С.162. Biren, W., von. Die Entwicklung des bremischen Wappens. IN: Jahrbuch der bremischen Sammlungen. Band 4, Bremen, 1911, pp. 1–10.

Bremisches Urkundenbuch. Im Auftrage des Senats der freien Hansestadt Bremen. Herausg. von D. R. Ehmck und W. von Bippen. Bd. 1. Bremen, 1873. 704 p.

Bremisches Urkundenbuch. Im Auftrage des Senats der freien Hansestadt Bremen. Herausg. von D. R. Ehmck und W. von Bippen. Bd. 4. Bremen, 1886. 606 p.

Krebs, J. (ed.). Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627. Breslau, G. P. Aderholz Buchhandlung, 1887. 121 p.

Сведения об авторах

Бородихин Андрей Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия наук, Сибирское отделение, Государственная публичная научно-техническая библиотека, отдел редких книг и рукописей, заведующий отделом, г. Новосибирск, Российская Федерация, 8-383-373-06-19, borodichin@spsl.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-7680-0595

Подопривога Василий Вячеславович, кандидат филологических наук, Российская академия наук, Сибирское отделение, Государственная публичная научно-техническая библиотека, отдел редких книг и рукописей, научный сотрудник отдела, г. Новосибирск, Российская Федерация, 8-383-373-34-06, podoprivoga@spsl.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-8655-3217

Сведения о грантах

Статья выполнена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект № 122040600049-8 «Депозитарий книжных памятников Сибири и Дальнего Востока: выявление, система цифрового хранения и организации доступа для исследования».

В редакцию статья поступила 06.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-11-27

For citation

Borodikhin, Andrey Yu., Podoprigora, Vasilij V. Foreign part of manuscript collection of academician M. N. Tikhomirov: The sources of formation (In Russ). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 11–27. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-11-27.

Borodikhin, Andrey Yu., Podoprigora, Vasilij V. State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch, Novosibirsk, Russian Federation
Foreign part of manuscript collection of academician M. N. Tikhomirov: The sources of formation

Abstract

The article deals with solving actual issues of identifying the sources of formation the collections of manuscripts, old printed book and acts of academician M. N. Tikhomirov, donated by the owner's will to the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Academy of Sciences (SPSTL SB RAS) of USSR. The purpose of the study is to clarify the attribution and dating of materials in foreign languages and to establish their provenances. For this purpose, the methods of palaeography and codicology were applied and the possibilities of searching and analyzing data from digital libraries and Internet resources. Attention is paid to such an important aspect of source criticism as the reconstruction of the social context and conditions of origin and existence of a certain document (manuscript, printed edition, acts, etc.). The article identifies the acts – records on parchment, purchased by M. N. Tikhomirov from Leningrad collector and military doctor V. F. Gruzdev. The article gives correct dates of the act sources in the chronological range from the middle of 13th to the last quarter of 15th centuries, presents their brief paleographic description,

and identifies some sphragistic data. Three of them refer to Bremen by their origin, the fourth with Lower Silesia. The original storage of at least two of them is identified – Tresekammer (Trese) – the oldest fund of Bremen Staatsarchiv. An archaeographic description of album de luxe of the 17th century, attributed during the admission of Tikhomirov's collection to the SPSTL SB RAS as an Album of Coats of Arms. Valuable information about it was found in in the publication of 1887 “Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627” (The Diary of Zacharias Allert of 1627). According to the brief description of the Album given in it, which was at that time in the city archive of Breslau (Wrocław), its identity with the manuscript of the Tikhomirov's collection was established. The article characterizes the Album, reveals the circle of persons involved in its creation and the circumstances of their biographies, determines its genre and compositional specifics due to the German baroque aesthetics. Especially valuable results were obtained by the discovery of information about manuscripts and documents that had disappeared from the field of view of researchers almost a century ago.

Keywords

M. N. Tikhomirov's collection, source studies, Latin paleography, filigranology, heraldry, digital libraries, Western European documents and manuscripts, Silesia.

References

Watermarks on manuscripts of Russia in the 17th century. Based on the materials of the Manuscripts Department of the GIM / Comp. T. T. V. Dianova, L. M. Kostyukhina. Rev. ed. V. I. Buganov. I. Buganov. (In Russ.). Moscow: b. i., 1980. 172 p.

Dergacheva-Skop, E. I. Some questions of localization of manuscripts. The Collection of V. F. Gruzdev in the Collection of M. N. Tikhomirov (In Russ.). IN: The Siberian Collection of M. N. Tikhomirov and Problems of Archaeography. Novosibirsk, 1981. pp. 37-46.

Rogov, A. I., Pokrovsky, N. N. The collection of manuscripts of Academician M. N. Tikhomirov, transferred to the Siberian Branch of the Siberian Branch of the Siberian Branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR (In Russ.). IN: Archaeographical Yearbook for 1965. Moscow: Nauka publ., 1966. pp. 162-172.

Bippen W., von. Die Entwicklung des bremischen Wappens. IN: Jahrbuch der bremischen Sammlungen, Band 4, Bremen 1911, pp. 1-10.

Bremisches Urkundenbuch. Im Auftrage des Senats der freien Hansestadt Bremen. Herausg. von D. R. Ehmck und W. von Bippen. Bd. 1. Bremen, 1873. 704 p.

Bremisches Urkundenbuch. Im Auftrage des Senats der freien Hansestadt Bremen. Herausg. von D. R. Ehmck und W. von Bippen. Bd. 4. Bremen, 1886. 606 p.

Krebs J. (ed.). Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627. Breslau, G. P. Aderholz Buchhandlung, 1887. 121 p.

About the authors

Borodikhin Andrey Yu., PhD in Philology, associate professor, Head of the department of rare books and manuscripts of the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS), Novosibirsk, Russian Federation, +7-383-373-06-19, borodichin@spsl.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-7680-0595

Podoprigora Vasily V., PhD in Philology, researcher of the department of rare books and manuscripts of the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS), Novosibirsk, Russian Federation, +7-383-373-34-06, podoprigora@spsl.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-8655-3217

Grant information

The article has been prepared within the research plan of the SPSTL SB RAS, project no. 122040600049-8 “Depositary of book monuments of Siberia and Far East: Identification, system of digital storage, and organizing access for research”.

The article was received in the editorial office on 06.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 001.38+001.89+061.6+930.1+001.4+001.53+001.812+001.92+001.814+001.814.2+001.814.4+001.816+001.818+655.253+655.52+06.048.6+303.01+303.02+303.4+303.6+303.8+001.891+93/94+930.85+929.535+929.532.9+929
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-28-42

Для цитирования

Соколов, С. В., Гилевич, Н. Д. Архивные фонды и коллекции документов профессора Г. З. Байера в Санкт-Петербурге и Глазго // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 28–42. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-28-42

Соколов, С. В., Гилевич, Н. Д.

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Архивные фонды и коллекции документов профессора Г. З. Байера в Санкт-Петербурге и Глазго

Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738) – востоковед, филолог, историк, один из первых профессоров Петербургской академии наук. Его биография и научные труды привлекали ранее внимание исследователей¹. Родился Байер в Кенигсберге, обучался в гимназии и Кенигсбергском университете. После окончания университета он совершает учебное путешествие (Studienreise) по немецким землям. Сферой его научных интересов являлись античность, история церкви, восточные языки. В конце 1725 г. Байер получает место в Петербургской академии наук. Будучи в Петербурге, Байер посчитал нужным расширить проблематику своих научных изысканий, включив исследования по русской истории, истории государств и народов Северного Причерноморья. В российской исторической науке Байер известен как «первый норманист», хотя тема происхождения варяжских князей осталась лишь эпизодом в его научной деятельности.

За годы пребывания в России он издал несколько крупных сочинений, внес большой вклад в работу Академической гим-

назии, но в силу ряда обстоятельств решил подать в отставку и вернуться в Кенигсберг. В 1737 г. Байер получает разрешение на отъезд из Петербурга, отправляет в Кенигсберг свою библиотеку и часть бумаг, намереваясь вскоре последовать за ними², но тяжело заболевает и умирает 10 (21) февраля 1738 г. Таким образом, личный архив Байера оказался разделен на две части.

Рукописное наследие умерших академиков принималось в Конференц-архив в «связки», формируемые по авторскому принципу. Особое внимание при составлении архива уделялось сохранению корреспонденции ученого и его научных трудов. Часть оставшихся в Санкт-Петербурге документов Байера поступили в Конференц-архив Академии. К сожалению, в этот перечень не попали издания библиотеки Байера. По свидетельству Г. Ф. Миллера, вдова Байера пыталась продать библиотеку ученого Академии, однако не преуспела в этом³.

В 1819 г. некоторые работы Байера были изъяты из Конференц-архива⁴ и переданы в фонды Библиотеки АН. В итоге они оказались в составе формируемого Азиатского музея (в 1930 г. вошел в Институт востоковедения АН СССР). Среди переданных документов были многотомный китайско-латинский словарь, статья о варягах и две другие статьи, различные бумаги (научные труды, заметки, копии манускриптов других лиц, письма), в том числе три документа за авторством С. Негри, одного из наставников Байера во время его *Studienreise*. Большинство документов связаны с изучением китайского, персидского, арабского, маньчжурского, монгольского, калмыцкого, татарского языков, истории и культуры этих народов⁵. В дальнейшем эти материалы вошли в состав фонда 784 – личного фонда Байера в СПбФ АРАН (Оп. 1. Д. 1–23, 25, 26, 36). Интересно, что для Азиатского музея в 1829 г. были приобретены письма XVIII в., написанные членами иезуитской миссии в Пекине, которые «ранее находились во владении Академии»⁶. Переписку с ними поддерживал Байер. В Архиве Академии наук (Архиве Конференции) же оставались, согласно обозрению 1933 г., заметки Байера, касающиеся русской истории, выдержки и выписки

из книг, бумаги, относящиеся к передаче в Академию рукописного наследия, список книг, оставшихся после его смерти, письма к Байеру за 1710–1737 гг. от разных лиц⁷.

В 1949 г. документы Байера были переданы из Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР и в совокупности с материалами Архива АН составили основу личного фонда 784, находящегося ныне в СПбФ АРАН⁸. Материалы фонда объединены в две описи: «Рукописи трудов и материалы о Байере Т. З.» (Оп. 1. Д. 1–56) и «Переписка» (Оп. 2. Д. 1–8).

В первой описи представлены несколько категорий материалов. Во-первых, рукописи научных сочинений Байера, опубликованные и неопубликованные. Среди них можно выделить китайско-латинский словарь (Д. 1–23), рукописи статей по хронологии, географии, нумизматике и языку народов Азии (Д. 25–27, 29–30, 32). Сюда же можно отнести его работы по истории Восточной Европы (Д. 25, 28, 31, 35), включающие рукописи опубликованных статей, черновики и наброски, вошедшие в опубликованные статьи (например, заметка о походе князя Олега на Константинополь⁹), а также несколько неопубликованных небольших по объему заметок: «О Рюрике», «О святой княгине Ольге», «О князе Владимире I». Вторая небольшая категория – это предложения Байера по научным и организационным вопросам (Д. 33–34): об изготовлении Малабарской карты или о воспитании знатных юношей. Третья обширная категория – это выписки, копии писем разных лиц, переводы источников и различные подсобные материалы для исследований (Д. 29, 36–44, 56). Следующая категория – это документы, являющиеся частью делопроизводства Академии либо составленные Байером по служебной необходимости, а также связанные с публикацией его трудов и историей формирования фонда (Д. 25, 45–46, 49, 51, 52–55). Следует особо отметить «каталог книг проф. Байера» (Д. 47–48), «Похвальное слово академику Байеру» В. Е. Ададурова (Д. 50) и опубликованное¹⁰ «Похвальное слово Екатерине I» самого Байера (Д. 24).

Вторая опись состоит из восьми дел, сформированных в основном по хронологическому принципу. Здесь представлены письма к Байеру от различных лиц, копии отправлен-

ных писем Байера, а также его черновые автографы. Корреспонденция отражает широту и разнообразие академических и личных связей ученого. Байер получал письма из Индии, Китая, Англии, Франции, германских государств, поддерживал интенсивную переписку с различными лицами в России. Основное содержание переписки – обсуждение научных вопросов, обмен книгами и новостями. Часть писем посвящена административным делам. Например, работа Академической гимназии обсуждается в письмах к президенту И. А. Корфу (Д. 6. Л. 9–37об.). Стоит специально отметить довольно объемную переписку Байера с архиепископом Феофаном (Прокоповичем), иллюстрирующую взаимоотношения высокопоставленного лица империи и профессора Академии (Ф. 784. Оп. 2. Д. 2–3, 5, 8; Ф. 121. Оп. 2. Д. 120). Переписка велась Байером на латинском и немецком языках. Имеются единичные письма на русском и французском. Также довольно часто в письмах встречаются фрагменты на языках тех народов, о которых идет речь в тексте.

Как уже упоминалось, материалы, связанные с деятельностью Байера в СПбФ АРАН, имеются и в других фондах. Переписка отложилась в личных фондах, например Г. Ф. Миллера (Ф. 21. Оп. 2. Д. 2, 4; Оп. 3. Д. 35), Л. Л. Блюментроста (Ф. 121. Оп. 2. Д. 3.), И. Д. Шумахера (Ф. 121. Оп. 2. Д. 2.), Л. Эйлера (Ф. 136. Оп. 2. Д. 5), и т. д. В силу наличия в личном фонде Миллера коллекции документов по истории Академии, в нем отложилась не только переписка с Байером, но и другие важные документы: три небольшие автобиографии Байера, его биография, написанная Миллером (Оп. 1. Д. 105 б), инструкция Байера для учителей, каталоги лекций и книг для Академической гимназии (Д. 103)¹¹ и другие. Также письма Байера можно найти в переписке Конференц-архива (Ф. 1. Оп. 3. Д. 10 и далее). Научная деятельность Байера обильно задокументирована в протоколах Конференции (Оп. 1–2)¹².

Документы организационно-распорядительного характера, кадровые, информационно-справочные и финансовые, связанные с деятельностью Байера, отложились в фонде бывшего архива Академической канцелярии (Ф. 3). Сохранились два контракта Байера с Академией наук 1725 и 1733 гг.

(Ф. 3. Оп. 1. Д. 700), распоряжение о переводе для Байера текста источника (Д. 77), посмертные документы о переводе его статей (Д. 105, 107), переписка вдовы Байера с Академией и решение по ее вопросу (Д. 35, 150), справка о размере жалования (Д. 101) и т. д. (Д. 3, 5, 75, 99, 779; Оп. 7. Д. 1; Оп. 9. Д. 5–6; Оп. 10. Д. 4 и другие). Кроме того, документы, связанные с Байером, можно встретить в разрядах с первого по шестой. Состав этих документов разнообразен: переписка, записки, похвальное слово Байеру В. Е. Ададунова (дубль в Ф. 784), документы по Гимназии. В качестве обширного комплекса можно выделить переписку с иезуитскими миссионерами в Китае (Р. II. Оп. 1. Д. 187; Р. III. Оп. 1. Д. 6, 82)¹³.

Перейдем к обзору материалов коллекции библиотеки Университета Глазго. После смерти Байера его вдова продала часть материалов, которые были уже переправлены в Кенигсберг¹⁴. Невозможно определить точный состав коллекции, попавшей в Кенигсберг, собрание не было продано как единое целое. Часть материалов Байера была приобретена лютеранским священником, членом Лондонского королевского общества Хайнрихом Гердесом (1690–1741). После смерти Гердеса коллекция документов была выкуплена у его вдовы Уильямом Хантером (1718–1783), шотландским врачом и филантропом. Хантер завещал свою коллекцию рукописей и печатных изданий Университетской библиотеке Глазго, где она и оказалась в 1807 г.¹⁵

Материалы Байера были описаны Д. Вестоном, который в течение многих лет был хранителем специальных коллекций в Университетской библиотеке¹⁶. Каталог коллекции Байера может включать незначительное количество документов, не имеющих отношения к ученому (собранных Гердесом), однако абсолютное большинство несомненно принадлежали Байеру. Состав коллекции весьма разнообразен. В физическом отношении она включает подшитые в тетради (тома) манускрипты, разрозненные рукописи, печатные книги как европейские (8 единиц), так и азиатского происхождения (60), рукописи на пальмовых листьях (12). В общей сложности коллекция насчитывает 261 единицу хранения. Манускрипты коллекции можно разделить на две части: материалы

для научной работы Байера, заметки, черновые варианты статей (номерные Ms Hunter, а также Ms Hunter В/Е, 108 единиц) и переписка (Ms Hunter В/А–D, 73 документа). Каждая единица хранения описана в каталоге Вестона в достаточной для понимания содержания степени.

Отметим некоторые особенности состава коллекции в Глазго. Прежде всего нужно подчеркнуть, что коллекция почти исключительно посвящена ориенталистике. Подбор материалов объясняется интересами первого покупателя коллекции. В коллекции представлено множество манускриптов на различных языках народов Азии, Поволжья, Урала, Сибири: китайском, телугу, монгольском (а также ойратском), калмыцком, тибетском, арабском, персидском, бирманском, турецком, мансийском, татарском и других. Собственные работы Байера, его конспекты выполнены на латинском или немецком. Встречаются и документы на других европейских языках. Отклонения от ориенталистской тематики редки. Имеется, например, два стихотворения архиепископа Феофана (Прокоповича), перечень русских порядковых числительных с переводом на римские цифры (H211), весьма интересна запись Байером беседы с Феофаном, в которой тот вспоминал о своей юности (E12). Есть автографы других ученых, помимо писем, это заметки, автобиографические записки С. Негри (H211). Довольно значительная часть манускриптов относится к периоду до приезда Байера в Россию. Некоторые содержат пометы личного характера – «устал от работы» (H299).

Большую часть корреспонденции в глазгианской коллекции составляет переписка с иезуитскими миссионерами в Китае за 1732–1737 гг. (А–В, 32 письма). По составу это оригиналы писем из Китая и отпуски писем Байера. Письма идентичны копиям, хранящимся в СПбФ АРАН, однако представлены в более полном составе. В комплексе имеются также копии писем иезуитов к другим адресатам в России (С, 16 писем). Содержание переписки с обширными цитатами пересказано в монографии К. Лундбека¹⁷. Упомянутые в письмах китайские, маньчжурские и тибетские манускрипты и печатные книги можно найти в глазгианской коллекции. Письма, не относящиеся к иезуитскому комплексу, малочисленны,

часть адресатов пересекается с адресатами из СПбФ АРАН (Г. Ф. Миллер, Г. Слоан, И. А. Корф, Ж. Н. Делиль). Имеется автограф письма к Байеру прусского дипломата И. Г. Фоккеродта и выписки из письма В. Н. Татищева в Академию наук (Н211). Последние письма в коллекции датированы 30 января 1738 г.

В отличие от личного фонда в СПбФ АРАН, в Глазго представлены печатные книги из библиотеки Байера. Их общее число невелико (68), что можно объяснить отбором перед продажей Гердесу. Большинство книг – китайской печати. Рукописные книги содержатся в собрании манускриптов, причем некоторые из них упомянуты в каталоге книг Байера из фондов СПбФ АРАН.

Две коллекции объединяют также несколько дубликатов. Помимо уже упомянутого комплекса переписки с иезуитами, и в Глазго, и в Петербурге имеются рукописи работ и конспектов Байера «*Doctrina temporum Indica*», «*Elementa Calmucica*», «*Geographia Calmucica*», «*Numophylacium Sinicum*», вопросы Байера к русскому посланнику в Китае Л. Лангу.

Перечень опубликованных научных трудов ученого приводится в книге Ф. Бабингера и российском сборнике, посвященном Байеру¹⁸. Публикация других документов (в основном переписки) из архивных коллекций Байера началась в XVIII в. Письма извлекались главным образом из не описанных в настоящей статье немецких коллекций. Эти издания, а также другие публикации материалов Байера XVIII–XX вв. перечислены в каталоге Вестона¹⁹. В России с середины XIX в. документы Байера из академических архивов начали публиковаться в связи с разработкой истории Академии наук²⁰. В XX в. в странах советского блока архивные материалы Байера также можно найти в некоторых работах²¹. В 1986 г. на английском языке вышла монография, посвященная синологическим студиям Байера с обильным цитированием документов из коллекции в Глазго²². Из новейших работ следует отметить публикацию О. А. Кириковой переводов отрывков из архивных документов СПбФ АРАН: автобиографии Байера, торжественной речи в честь Екатерины I, заметки о составлении карты Руси и других²³. Кроме того, появились иссле-

дования тибето-монгольских штудий Байера с приложением публикации материалов из коллекции в Глазго²⁴. Приведенный нами перечень публикаций архивных материалов – не исчерпывающий и может быть расширен за счет изданий, где цитируются фрагменты сочинений Байера.

Архивные материалы Байера в Санкт-Петербурге и в Глазго во многом взаимодополняют друг друга. Фонды СПбФ АРАН гораздо богаче в отношении переписки ученого. Коллекция в Глазго дает больше для понимания востоковедческих исследований Байера. На основе архивных документов из обоих собраний можно не только реконструировать научные представления историка, но и «заглянуть» в его кабинет, понять, какую огромную черновую работу вел Байер: неутомимо собирал тексты на самых разнообразных восточных языках, копировал, делал выписки и комментарии. По обширной переписке ученого можно исследовать научные связи эпохи, составить представление о трансляции знаний, обмене книгами и мнениями.

Примечания

¹ Пекарский, П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. Санкт-Петербург: Издание Императорской академии наук, 1870. С. 180–196; Babinger, F. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. München: J. Schon publ., 1915. 86 s.; Lunbaek, K. T. S. Bayer, 1694–1738: Pioneer Sinologist. Malmö: Curzon Press, 1986, pp. 154–170; Готлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской академии наук / Под ред. Н. П. Копаневой, С. Б. Кореневой, А. В. Прохоренко. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1996. 79 с.

² Пекарский, П. П. Указ. соч. С. 192.

³ Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 6. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1890. С. 47.

⁴ Dorn, B. A. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1846, 216 p.

⁵ Ibid., pp. 119–120.

⁶ Ibid., p. 115.

⁷ Архив Академии наук СССР: обозрение архивных материалов Т. 1. / Под ред. Г. А. Князева. Ленинград: АН СССР, 1933. С. 173–174.

⁸ Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: А–В / Науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. Санкт-Петербург: Реноме, 2018. С. 33–34.

⁹ [Bayer, T. S.] Krieger und Friedens-Geschäfte derer Großfürsten Oleg und Igor mit dem Griechischen Kayserthum // Sammlung Russischer Geschichte. 1734. Bd. 1. St. 5, pp. 407–419.

¹⁰ Gottsched, J. C. Ausführliche Redekunst. Leipzig, 1743, pp. 660–674.

¹¹ О деятельности Байера по Академической гимназии см.: Костина, Т. В., Кирикова, О. А. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // Детские чтения. 2018. Т. 13. № 4. С. 194–219.

¹² Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук. Т. 1. 1725–1743 гг. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1897. 873 с.

¹³ Пересказ некоторых писем: Кулябко, Е. С., Перельмутер, И. А. Из научной переписки петербургских ученых XVIII в. // Страны и народы Востока. Вып. VIII. Москва: Наука, 1969. С. 138–144.

¹⁴ Часть рукописных материалов осталась в Кенигсберге, они упомянуты Ф. Бабингером. См.: Babinger, F. Op. cit., p. 83.

¹⁵ Weston, D. The Bayer Collection. A preliminary catalogue. Glasgow: University of Glasgow, 2022, pp. 9–10.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Lunbaek, K. Op. cit., pp. 154–170.

¹⁸ Babinger, F. Op. cit., pp. 72–79; Копанева, Н. П. Указ. соч. С. 67–71.

¹⁹ Weston, D. Op. cit., pp. 8–11. См. также описания отдельных документов, при наличии публикации дана ссылка.

²⁰ См.: Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1885. 732 с.

²¹ Помимо указанных выше см.: Grau C. Der Wirtshaftsoorganisator ... Tatischev. Berlin: Academie Verlag, 1963, p. 212; В. Н. Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. Москва: Наука, 1990. С. 142.

²² Lundbek, K. Op. cit.

²³ Кирикова, О. А. Теофил Зигфрид Байер // Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. С. 199–213.

²⁴ См.: Zorin, A., Menyev, B., Walravens, H. G. S. Bayer and Gabriel the Mongol: Some of the Earliest Documents on Tibetan and Mongolian Studies in Europe. IN: Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies, 2022. Vol. 26, pp. 99–163.

Аннотация

В статье представлен обзор архивных документов, связанных с Готлибом Зигфридом Байером (1694–1738), профессором первого состава Санкт-Петербургской академии наук. Научные интересы Байера были весьма разнообразны и включали изучение языков и культуры народов Востока, Поволжья, Урала, Сибири, историю Причерноморья, вопросы происхождения варягов и Руси. Документы Байера в основном сконцентрированы в двух хранилищах: Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) и в фонде Специальных коллекций Университетской библиотеки Глазго (ULG). В статье рассматривается история формирования и состав архивных коллекций, а также наиболее значимые публикации документов. В СПбФ АРАН существует личный фонд Байера, сформированный в советский период. Фонд включает две описи: рукописи трудов, материалы и переписку ученого, в общей сложности 64 дела. Помимо личного фонда, документы Байера можно найти и в других фондах и разрядах СПбФ АРАН. В архиве хранятся записки, проекты, организационно-распорядительная, кадровая, финансовая документация, в том числе связанная с деятельностью Байера на посту инспектора Академической гимназии. Документы Байера в Университетской библиотеке Глазго осели там в начале XIX в. Коллекция составлена из документов, отправленных незадолго до смерти ученого в Кенигсберг, и включает черновики статей, заметки, разнообразные копии и выписки, переписку, книги из библиотеки Байера, всего 261 единица хранения. Практически все документы в Глазго связаны с востоковедческими интересами Байера. Комплексы документов в Санкт-Петербурге и в Глазго включают автографы ученого. Большая часть документов – рукописи. В незначительном количестве встречаются печатные издания, в том числе китайского происхождения (ULG). Отдельные документы дублируются в обоих комплексах, например, переписка Байера с иезуитскими миссионерами в Китае. Первые публикации архивных документов Байера сделаны еще в XVIII в. Выдержки из документов публиковались в различных изданиях XIX в. по истории Академии наук. В ряде научных статей и монографий приводились пространные цитаты из переписки Байера. Значительный объем единиц хранения был пересказан и процитирован в каталоге коллекции Байера в Глазго. Несколько переводов текстов Байера приведены в новейшем издании по истории Академии наук. Архивные коллекции Байера взаимно дополняют друг друга, позволяют оценить исследовательские практики ученого, проследить связи и взаимодействие в академической среде XVIII в.

Ключевые слова: Готлиб Байер, Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, библиотека Университета Глазго, исторические источники, происхождение варягов, история Руси, академическая среда XVIII в., профессор первого состава Санкт-Петербургской академии наук, античность, история церкви, восточные языки, происхождения варяжских князей.

Список литературы

Архив Академии наук СССР: обозрение архивных материалов Т. 1. / Под ред. Г. А. Князева. Ленинград: АН СССР, 1933. С. 173–174.

Готлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской академии наук / Под ред. Н. П. Копаневой, С. Б. Кореневой, А. В. Прохоренко. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1996. 79 с.

В. Н. Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. Москва: Наука, 1990. 436 с.

Кирикова, О. А. Теофил Зигфрид Байер // Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. С. 199–213.

Костина, Т. В., Кирикова, О. А. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // Детские чтения. 2018. Т. 13. № 4. С. 194–219.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1885. 732 с.

Пекарский, П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. Санкт-Петербург: Издание Императорской академии наук, 1870. С. 180–196.

Кулябко, Е. С., Перельмутер, И. А. Из научной переписки петербургских ученых XVIII в. // Страны и народы Востока. Вып. VIII. Москва: Наука, 1969. С. 138–144.

Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук. Т. 1. 1725–1743 гг. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1897. 873 с.

Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: А–В / Науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. Санкт-Петербург: Реноме, 2018. С. 33–34.

Weston, D. The Bayer Collection. A preliminary catalogue. Glasgow: University of Glasgow, 2022, 261 p.

[Bayer, T. S.] Kriegen und Friedens-Geschäfte derer Großfürsten Oleg und Igor mit dem Griechischen Kayserthum. IN: Sammlung Russischer Geschichte. 1734. Bd. 1. St. 5, pp. 407–419.

Babinger, F. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. München: J. Schon publ., 1915, 86 s. Dorn, B. A. Das Asiatische Museum der

Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1846, 216 p.

Lunbaek, K. T. S. Bayer, 1694–1738 gg.: Pioneer Sinologist. Malmo: Curzon Press, 1986, 241 p.

Dorn, B. A. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1846, 216 p.

[Bayer, T. S.] Krieger und Friedens-Geschäfte derer Großfürsten Oleg und Igor mit dem Griechischen Kayserthum // Sammlung Russischer Geschichte. 1734. Bd. 1. St. 5, pp. 407–419.

Zorin, A., Menyev, B., Walravens, H. G. S. Bayer and Gabriel the Mongol: Some of the Earliest Documents on Tibetan and Mongolian Studies in Europe. IN: Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies, 2022. Vol. 26, pp. 99–163.

Сведения об авторах

Соколов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кафедра истории России, заведующий кафедрой, старший научный сотрудник, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-343-389-94-69, sokolovsv@urfu.ru

Гилевич Никита Дмитриевич, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, лаборатория цифровых технологий в историко-культурных исследованиях, инженер-исследователь, кафедра истории России, аспирант, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-902-448-45-78, gilevich.nikita@urfu.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-01692 «Народы Восточной Европы и начальная история Древней Руси в научном наследии Готлиба Зигфрида Байера».

В редакцию статья поступила 05.09.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-28-42

For citation

Sokolov, Sergei, V., Gilevich, Nikita D. Archival Funds and Collections of Professor Gottlieb Bayer in St. Petersburg and Glasgow (In Russ). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 28–42. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-28-42.

Sokolov, Sergei, V., Gilevich, Nikita D. First President of Russia
B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
**Archival Funds and Collections of Professor Gottlieb Bayer in
St. Petersburg and Glasgow**

Abstract

The article provides an overview of archival documents related to Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738), professor of the first staff of the St. Petersburg Academy of Sciences. Bayer's research interests were quite diverse and included the study of the languages and culture of Asia, the Volga region, the Urals, Siberia, history of the Black Sea region, origin of the Varangians and Rus'. Bayer's documents are mainly concentrated in two repositories: the St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN) and in the Special Collections of the University of Glasgow Library (UGL). The article examines the history of the formation and composition of archival collections, as well as the most significant publications. In the St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences there is a personal collection of Bayer, formed in the Soviet period. The fund includes two inventories: manuscripts of works and materials and correspondence of the scientist, with a total of 64 files. In addition to the personal fund, Bayer's documents can be found in other funds and categories of the St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences. The archive contains notes, projects, organizational, administrative, personnel, financial documentation, including those related to Bayer's activities as inspector of the Academic Gymnasium. Bayer's papers in the University of Glasgow Library arrived there at the beginning of the 19th century. The collection is made up of documents sent shortly before the scientist's death to Königsberg and includes draft articles, notes, various copies and extracts, correspondence, books from his personal library, a total of 261 items. Almost all the documents in Glasgow are related to Bayer's orientalist interests. Complexes of documents in St. Petersburg and Glasgow include the scholar's autographs. Most of the documents are manuscripts. There are a small number of printed books, including those of Chinese origin (UGL). Certain documents are duplicated in both complexes, for example, Bayer's correspondence with Jesuit missionaries in China. The first publications of Bayer's archival documents were made in the 18th century. Extracts from the documents appeared in various publications of the 19th century on the history of the Academy of Sciences. Several articles and monographs cited extensive quotations from Bayer's correspondence. A significant number of items were abstracted and cited in the Catalogue of the Bayer collection in

Glasgow. A few translations of Bayer's texts are given in the new volume on the history of the Academy of Sciences. Bayer's archival collections complement each other, allowing one to evaluate the academic research practices and trace connections and interactions in the 18th-century scholars.

Keywords

Gottlieb Bayer, St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, University of Glasgow Library, historical sources, origin of Varangians, history of Russia, academic environment of the 18th century, professors of the first St. Petersburg Academy of Sciences, antiquity, church history, eastern languages, of the origin of the Varangian princes.

References

Archives of the Academy of Sciences of the USSR: review of archival materials Vol. 1. / Edited by G. A. Knyazev. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ., 1933, pp. 173–174.

Gottlieb Siegfried Bayer – Academician of the St. Petersburg Academy of Sciences / Edited by N. P. Kopaneva, S. B. Koreneva, A. V. Prokhorenko. St. Petersburg: European House publ., 1996, 79 p.

B. N. Tatischev. Notes. Letters. 1717–1750 gg. Moscow: Nauka publ., 1990. 436 c.
Kirikova, O. A. Theophilus Siegfried Bayer (In Russ.). IN: Peter the Great and the foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences. St. Petersburg: Nestor-History publ., 2022, pp. 199–213.

Kostina, T. V., Kirikova O. A. Study books in the gymnasium of the Academy of Sciences in the 1730s (In Russ.). IN: Children's Readings. A. Study books in the gymnasium of the Academy of Sciences in the 1730s (In Russ.). IN: Children's Readings. 2018. T. 13. № 4. pp. 194–219.

Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. T. 1. St. Petersburg: Tip. IAS publ., 1885, 732 p.

Pekarsky, P. P. History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. T. 1. St. Petersburg: Edition of the Imperial Academy of Sciences publ., 1870. pp. 180–196.

Kulyabko, E. S., Perelmuter, I. A. From scientific correspondence of St. Petersburg scientists of the XVIII century (In Russ.). IN: Countries and peoples of the East. Vyp. VIII. Moscow: Nauka publ., 1969, pp. 138–144.

Proceedings of the Conference of the Imperial Academy of Sciences. T. 1. 1725–1743. St. Petersburg: Tip. IAS publ., 1897, 873 p.

Scientists – fund-formers of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: A-V / Nauchny. ed. and comp. E. Yu. Basargina, I. V. Tunkina. St. Petersburg: Renome publ., 2018, pp. 33–34.

Weston, D. The Bayer Collection. A preliminary catalogue. Glasgow: University of Glasgow publ., 2022, 261 p.

Babinger, F. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. München: J. Schon publ., 1915, 86 p.

[Bayer, T. S.] Krieger und Friedens-Geschäfte derer Großfürsten Oleg und Igor mit dem Griechischen Kayserthum. IN: Sammlung Russischer Geschichte. 1734. Bd. 1. St. 5, pp. 407–419.

Dorn, B. A. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1846, 216 p.

Lunbaek, K. T.S. Bayer, 1694–1738: Pioneer Sinologist. Malmo: Curzon Press publ., 1986, 241 p.

About the authors

Sokolov Sergei V., PhD in History, associate professor, First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, laboratory for the study of primary sources, senior researcher, department of Russian history, head of the department, Ekaterinburg, Russian Federation, +7-343-389-94-69, sokolovsv@urfu.ru

Gilevich Nikita D., First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, department of Russian history, postgraduate student, laboratory of digital technologies in historical and cultural research, research engineer, Ekaterinburg, Russian Federation, +7-902-448-45-78, gilevich.nikita@urfu.ru

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01692 “East European Peoples and Early History of Kievan Rus’ in Academic Legacy of Gottlieb Siegfried Bayer”.

The article was received in the editorial office on 05.09.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 930.25+651.5+314.8.062.2+331.347.99+331.109.6+331.07+331.109.38+351.82+910.3+930.85+083.77+001.36+001.53+003.63+002.513.5+002.53+651.928+304.2+304.442+304.444+304.9+364.12+364.14+364.126+364.124.66+364.122.6+711.132+314.012 +314.02+314.044+314.06+314.133+314.135+314.88

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-43-56

Для цитирования

Ляпин, Д. А. Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 43–56. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-43-56

Ляпин, Д. А.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
г. Елец, Российская Федерация

Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг.

Ландратские книги, последние подворные переписи населения, составлявшиеся в 1716–1719 гг., относятся к числу малоизученных массовых источников¹. В исследовании представлены результаты изучения четырех ландратских переписей: Белгородского, Воронежского, Елецкого и Козловского уездов (в 1715–1719 гг. – ландратских долей), и обращено особое внимание на их информативные возможности. Ландратские книги оказались в центре внимания научного сообщества в начале XX в., после появления работ А. А. Кизеветтера и П. Н. Милюкова, которые сделали выводы о резком снижении численности населения в Петровскую эпоху². По подсчетам последнего, убыль населения с 1678 г. по 1710 г. (годы подворных переписей) составила почти 20%³. Эта цифра вызвала дискуссии и возникла необходимость проверить сделанные учеными выводы, привлекая иные массовые источники этого времени.

За эту работу взялся начинающий исследователь М. В. Ключков. В 1911 г. была издана его магистерская диссертация, посвященная переписям первой трети XVIII в. Ученый показал

историю составления подворных описаний, выявил особенности структуры переписных книг и, для примера, привел обширные выписки. Однако М. В. Ключков усомнился в данных П. Н. Милюкова о сокращении населения на 19,5% и предложил цифру в 10%, правда, с многочисленными оговорками⁴. Затем в отдельной обширной статье (1915) историк показал специфику проведения первой ревизии подушевого налогообложения (1718–1728), сменившей традиционные подворные переписи. В конце работы он обратил особое внимание на то, что по ее завершении в 1728 г. правительство инициировало сбор сведений об итогах ревизии для сравнения их с данными переписи 1678 г. Чиновники подсчитали, что в переписных книгах 1678 г. было зафиксировано 2 135 784 чел., а по новым данным оказалось 2 922 598 чел. В итоге, новая перепись позволила расширить число налогоплательщиков и «этим порадовала власти»⁵. Однозначные выводы о росте численности населения исследователь в своей работе не делал.

Тем не менее историки, вернувшиеся к этой теме после большого перерыва, стали считать, что несостоятельность ландратских книг как исторического источника очевидна, поскольку сравнительные данные переписи 1678 г. и первой ревизии, сделанные в 1728 г., якобы свидетельствуют о естественном приросте населения. В этом уверяют читателя «Очерки истории СССР» (1954) с ссылками на М. В. Ключкова и цифры из его статьи, где дается сравнение данных переписи 1678 г. и первой ревизии 1728 г.⁶ С этого времени начинается тенденция скептического отношения к материалам ландратских переписей. Так, Я. Е. Водарский, изучавший демографические процессы в России, не стал использовать их данные, считая, что они требуют отдельного изучения. Осторожен в оценках переписи был и В. М. Кабузан, отметивший несовершенство всех массовых источников XVIII в.⁷ Скептически настроенный Е. В. Анисимов полагал, что к ландратским книгам следует относиться как к неудачному опыту налогообложения⁸. Современная историография сохранила настороженное отношение к петровским переписям, а описание 1710 г., от которого, между прочим, отталкивались составители ландратской переписи, иногда прямо характеризуется как полный провал⁹.

Между тем сравнение данных двух совершенно разных переписей, а именно с этого началась история скептического восприятия ландратских книг, никак не может дать точных данных по динамике численности населения. Известно, что на проведение подушной переписи понадобилось 10 лет, а в 1678 г. перепись проводилась всего год. Охват населения в подушной переписи был гораздо шире. Так, в 1725 г. было решено переписать для обложения налогом сирот, лиц старых, больных, находящихся в богадельнях, госпиталях, и нищих – всех тех, кто «шатается без служб» и никакой «пользы государству не приносит»¹⁰. Эти категории населения никогда не попадали в предыдущие описания. Следует также учитывать, что подушная перепись стремилась соотнести число податного населения с размерами выплат и на деле «душа» превращалась в некую условную единицу налогообложения¹¹. Напротив, переписчики в 1678 г. исходили из наличия конкретного двора и его владельца.

Конечно, ландратские книги не совершенны, но они дают ценную информацию по разным отраслям исторического знания. По-видимому, отсутствие должного внимания к ландратским книгам связано не только с тем, что они рассматривались в контексте изучения колебаний численности, но и в самой сложности их структуры. Получить общие систематические данные из этих объемных книг – трудоемкая задача. Подсчеты переписчиков часто сложны и запутанны: они вычитают «убылое» население после 1678 г. или же после 1710 г., потом прибавляют «прибылое», а тех, «что налицо», расписывают по категориям в разных частях книги. Полноценная работа с ландратскими книгами возможна только при условии ясного понимания формуляра (схемы построения) каждой книги в отдельности.

Материалы, используемые для написания статьи, определяются границами Белгородского, Воронежского, Елецкого и Козловского уездов. Эта вытянутая с запада на восток территория относится к историческому региону Белгородской черты – комплексу военно-оборонительных сооружений, возведенному в середине XVII в. Строительство массивных укреплений стало важнейшим событием для этих окраинных

земель, поскольку дало толчок их интенсивному хозяйственному освоению, связанному с резким увеличением численности местного населения.

На момент проведения ландратской переписи (1716–1719) основной административной единицей деления губернии являлись доли, однако перепись исходила из границ старых административных образований – уездов. Переписчики опирались на предыдущие «уездные» материалы (1678 и 1710 гг.) и постоянно употребляли термин «уезд». Ландратские книги Азовской губернии сохранились в фонде 350 РГАДА и обозначены в первой описи. Сюда вошли материалы самых разных переписей 1709–1718 гг. (городов, станов, посадов, категорий населения по отдельности), различные перечневые выписки, данные по выплате налогов (оброчных и откупных статей), описание земель из воеводских и губернских канцелярий, а также переписная документация Камер-коллегии – учреждения, ведавшего раскладкой и сбором государственных доходов. Исходя из цели статьи, демонстрации практического опыта и конкретных информативных возможностей ландратских переписей по каждой из четырех книг был проанализирован формуляр и, в качестве примера, подробно рассмотрены три наиболее крупных сельских поселения.

Ландратская книга Белгородского уезда в описи РГАДА значится как переписная и отнесена к 1718 г.¹² На этом основании она была помещена в опись 1 «Материалы подворных переписей 1707–1718 гг.». Однако на последней странице рукописи (с. 769) имеется запись работника архива 1847 г., которая относит документ к «ревизским сказкам» первой ревизии и, видимо ошибочно, датирует его 1719 г.

Белгородская перепись фиксирует податное население, состоящее из священнослужителей и служилых людей различных категорий, выделяя в отдельные группы однодворцев и «черкас» (выходцев из Запорожья). Перепись не содержит информации о крестьянах, бобылях и дворовых людях, и, соответственно, ни слова в ней не сказано об их владельцах – представителях элиты. Составитель книги сделал акцент на сборе податей, причем переписчик сам определял возможности выплаты оклада: так, он мог повысить, понизить

или же оставить его размер прежним. Например, по указанию писца, в с. Покровское «живут меж черкас русские люди однодворцы, скудные и беспоместные, оклад на них положен за их скудостью по малу числу, а в дворовом числе против драгун за скудостью тягла содержать не могут»¹³. В другом случае вдова Ксения Глазкова из д. Лески ранее платила рубль, «а ныне за скудостью и для убылого сложено 13 алтын и 2 деньги, платить 20 алтын»¹⁴. Вне зависимости от имущественного состояния каждый двор был обязан платить банные (если двор имел баню), ямские и рыбные выплаты, а некоторые платили еще и «речные деньги».

Информативные возможности белгородской переписи 1718 г. определяются содержащейся в ней следующей информацией: социальные категории, половозрастной состав, численность представителей разных градаций, состав семьи, причины убыли и прибыли населения на 1718 г. К дополнительным сведениям можно отнести размеры и виды налогообложения и данные по количеству бань.

В ходе работы подробно изучены сведения по трем самым крупным населенным пунктам Белгородского уезда: с. Покровское, д. Лески и с. Ольшанец¹⁵. Всего здесь зафиксировано 13 различных категорий податного населения. Исключая священнослужителей, все они – служилые люди, потомки детей боярских, первых колонизаторов южной окраины Российского государства. Половозрастная структура местного общества свидетельствует о резком и стабильном падении численности населения в возрасте от 16 лет. До 60 лет здесь доживало только 19% населения, а до 40 лет – 35%. Убыль была связана со сменой места жительства или вступлением в брак, но основной причиной являлась смертность.

Воронежская ландратская книга 1716 г. имеет сложный формуляр¹⁶. Сельские поселения здесь описаны два, иногда три раза в разных местах книги: вначале следуют описания бобылей, дворовых людей, а также крестьян, принадлежащих атаманам, копейщикам и солдатам, а затем вновь следуют крестьяне, но уже те, кто принадлежал помещикам и вотчинникам. В итоге объем книги составил 1793 листа, хотя сохранилась она не полностью. Воронежский переписчик указывал

данные по составу двора на момент проведения переписи (1716), данные на 1678 и 1710 гг., возраст проживавших на момент каждой из переписей и их родственные связи: кто «убыл», кто «прибыл» во двор с 1678 г., а также годы «убыли» и «прибыли», иногда примерные. Почти в каждом населенном пункте следует информация об «убылых целыми дворами» после переписей 1678 и 1710 гг. В некоторых случаях переписчики складывали «убылое» и «прибылое» население, а также то, что «ныне налицо».

Для анализа были выбраны крупнейшие села: Усмань, Чертовицкое и Пруцкое. В первом населенном пункте проживали служилые люди – бывшие дети боярские, в Чертовицком – крестьяне и бобыли князя Юрия Федоровича Кольцова-Мосальского, а Пруцкое было типичным помещичьим селом. Информация о женском населении в книге неполна и представлена фрагментарно. Зато переписчик подробно сообщает о причинах убыли жителей каждого двора. Прежде всего, это смертность, составлявшая 82% случаев. К остальным причинам относятся: бегство, замужество, «передача в приданое», продажа, «перевод» к другим помещикам, отправка на работы в Санкт-Петербург.

Приведем для примера описание крестьянских дворов князя Ю. Ф. Кольцова-Мосальского в с. Чертовицком¹⁷. Согласно данным переписи, в 1716 г. «налицо» здесь было 26 дворов, в которых проживали 92 мужчины и 103 женщины (195). При этом по переписи 1710 г. значился 41 двор, т. е. за 6 лет число дворов уменьшилось на 15 единиц и на 28 человек соответственно. Далее следуют подсчеты возраста убывших – от полугода до 90 лет, а затем информация о причинах убыли: умерло 11 чел., переведено в другое место жительства 9 чел., бежали 5 чел., отправлены в Санкт-Петербург в работники 3 чел.

Итак, информативные возможности воронежской книги, несмотря на запутанный формуляр, достаточно велики. Она содержит информацию о социальных группах населения, населенных пунктах, возрасте жителей и составе их семей.

Елецкая ландратская книга 1716 г. имеет достаточно четкую схему построения¹⁸. Для анализа данных были выбраны с. Архангельское (Новосильское), д. Ищеино и с. Пищулино.

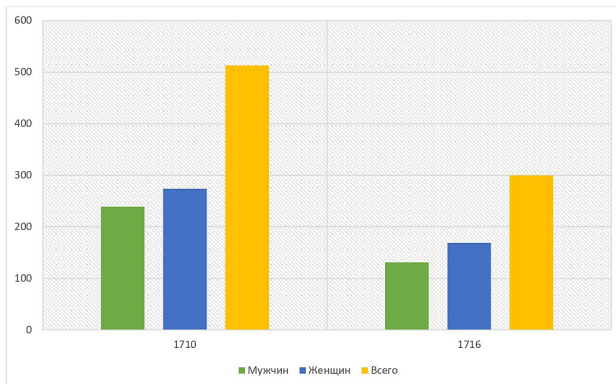

Диаграмма 1. Данные об изменении численности населения по с. Пищулино, д. Ищеино и с. Архангельское (Новосильское) с 1710 по 1716 г.

Diagram 1. Data on population changes (Pishchulino, Ishcheino and Arkhangelskoye) from 1710 to 1716

В книге описывается только служилое население и не упоминаются крестьяне, бобылы, дворовые люди. В итоге, социальных категорий здесь меньше, чем в соседних уездах (6). По каждому населенному пункту в источниках представлена конкретная информация об «убыли» и «прибыли» населения с 1710 г., аккуратно разделенная на столбцы. Общие сведения об изменении численности населения в изученных населенных пунктах можно представить в виде диаграммы.

Данные ландратской книги указывают на резкое падение численности податного служилого населения Елецкого уезда в период с 1710 по 1716 г. Число жителей изученных поселений упало на 58%, а именно с 513 до 300 человек. Численность «прибылых» с 1710 г. составила всего 105 чел. (включая 53 родившихся). Вызывают интерес данные о числе дворов в изученных поселениях. Количество пустых дворовладений (41) было немногим меньше жилых, включая вдовы (59). Это обстоятельство свидетельствует о том, что население стабильно сокращалось на протяжении последних лет.

Структура ландратской книги Козловского уезда традиционна для подобного рода документации¹⁹. В ней содержится

следующая информация: дворовладелец, число живущих в его дворе, число убывших и прибылых с 1710 г., указывались также пол, возраст людей, увечья, причина убыли и прибыли. К сожалению, сохранилась информация только по одному стану. Для получения данных были выбраны три крупнейших села: Напольное, Сарай и Красный Бузулук.

По данным источника, общее количество проживавшего здесь населения составило около 1 200 чел., тогда как количество убылых с 1710 г. – 454 чел. Подобного рода потери можно охарактеризовать как весьма существенные, если исключить число родившихся и переселившихся (около 200 человек), то они составили почти 50%.

Причины убыли населения сводились к следующим: 1) умер; 2) переехал (сменил место жительства); 3) пропал без вести; 4) «бродит меж дворов»; 5) в солдатах; 6) попал в плен. Смена места проживания женщины обычно была связана с браком, вызвавшим ее переезд в другое село. Информация о попавших в плен («полон») достаточно компактна. Всего в неволе оказались пять семей. О каком именно набеге на Козловский уезд идет речь, трудно сказать, но точно зафиксирован его год – 1713.

Ландратская книга Козловского уезда очень информативна. Она упоминает даже увечья и болезни местных жителей: слепота, «нога сохнет», «рука сохнет», «живот выворачивает», раны, отсутствие пальцев, «падучая», перелом, горб, глухота, бельмо на глазу, «в ногах болезнь». Встречаем такие характеристики, как старость, древность, «простодушие»²⁰. Интересны записи в козловских селах о людях старше 100 лет. Так, по словам солдата с. Сарай, его матери было 105 лет, а в соседнем дворе отцу, со слов сына, было 100 лет. В Красном Бузулуке родитель местного жителя умер в возрасте 130 лет, согласно «сказке» его старшего сына.

Таким образом, не следует отказываться от использования ландратских книг как источника информации. Как было показано, они содержат сведения по целому ряду важных показателей: социальной градации, составу семьи, движению населения, налогам, городам и сельским поселениям, рождаемости и смертности. Конечно, критическое отношение к данным переписей всегда должно присутствовать, но это вовсе не

исключает их широкие возможности для изучения истории России в эпоху важнейших государственных преобразований Петра I.

Примечания

¹ Ляпин, Д. А. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. 2021. Вып. 9 (1). С. 254–264.

² Кизеветтер, А. А. Посадская община в России XVIII столетия. Москва: Университетская типография, 1903. 810 с.; Милуков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

³ Милуков, П. Н. Указ. соч. С. 152.

⁴ Клочков, М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1911. 435 с.

⁵ Клочков, М. В. Очерки подушной переписи при Петре Великом // *Журнал Министерства народного просвещения*. Январь. 1915. С. 150.

⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / Под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. Москва: АН СССР, 1954. С. 154.

⁷ Кабузан, В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. Москва: Наука, 1990. С. 13.

⁸ Анисимов, Е. В. Податная реформа Петра I. Ленинград: АН СССР, 1982. С. 7.

⁹ Зенченко, М. Ю. Как провалилась перепись 1710 года // *Родина*. 2010. № 8. С. 52–54.

¹⁰ ПСЗ РИ. Т. 7. Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. № 4522. С. 298–299.

¹¹ Ключевский, В. О. Подушная подать и отмена холопства в России // *Сочинения в девяти томах*. Т. VIII. / Под ред. В. Л. Янина. Москва: Мысль, 1990. С. 202–203.

¹² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 21.

¹³ Там же. Л. 293.

¹⁴ Там же. Л. 495.

¹⁵ Там же. Л. 292–295, 495–502, 684–697.

- ¹⁶ Там же. Д. 94. Ч. 1.
¹⁷ Там же. Л. 60–68; 1648–1663.
¹⁸ Там же. Д. 113.
¹⁹ Там же. Д. 188.
²⁰ Там же. Л. 16, 178.

Аннотация

Статья посвящена изучению ландратских книг исторического региона Белгородской черты: Белгородского, Воронежского, Елецкого и Козловского уездов (ландратских доль). Ландратские книги – последние, самые обширные и подробные подворные переписи, составленные в 1716–1719 гг. ландратами – помощниками губернатора. В науке традиционно сложилось скептическое отношение к данным ландратских книг. Автор считает это отношение необоснованным, поскольку оно исходит из неверного толкования выводов историка М. В. Ключкова (1915 г.): якобы ученый доказывал неполноценность подворных переписей Петровского времени путем сравнения материалов описания 1678 г. и итогов «ревизских сказок» 1728 г. Это ошибочное мнение попало в «Очерки истории СССР» (1954) и положило начало недоверию историков, которые отказывались использовать ландратские книги как источник. Статья написана в контексте работ по своеобразной научной реабилитации подворных переписей Петровского времени. Исследуемые документы сохранились в Ф. 350. Оп. 1. РГАДА. Сюда попали различные материалы 1709–1718 гг. (описания городов, станов, посадов, категорий населения по отдельности), перечневые выписки, раскладка оброчных и откупных выплат, описания земель из воеводских и губернских канцелярий, а также переписная документация Камер-коллегии – учреждения, ведавшего сбором государственных доходов. Географические рамки определяются большой ролью Белгородской черты – комплекса военно-оборонительных сооружений, возведенных еще в середине XVII в. на территории Белгородского, Воронежского, Елецкого и Козловского уездов. Постройка оборонительных укреплений позволила начать планомерное хозяйственное освоение региона. Исходя из цели статьи – демонстрации практического опыта и информативных возможностей ландратских переписей, по каждой книге был проанализирован формуляр и, в качестве примера, подробно рассмотрены три наиболее крупных сельских поселения. По итогам проделанной работы автор отмечает, что полноценная работа с ландратскими книгами возможна только при условии полного понимания формуляра каждой книги. Все изученные материалы содержат информацию

о половозрастном составе, движении населения, родственных связях, населенных пунктах и социальной градации общества. Анализ четырех ландратских книг демонстрирует возможности использования этого вида документации в исторических исследованиях. Приведенные сведения указывают на то, что не следует отказываться от использования ландратских книг. Критическое отношение к данным переписей всегда должно иметь место, но это вовсе не исключает их широкие возможности в качестве источника информации по истории России первой трети XVIII в.

Ключевые слова: история России, ландратские книги, переписи, Петр I, фискальная политика, Белгородская черта, численность населения, формулярный анализ, Белгородский уезд, Воронежский уезд, Елецкий уезд, Козловский уезд, социальный состав.

Список литературы

Анисимов, Е. В. Податная реформа Петра I. Ленинград: АН СССР, 1982. 296 с.

Водарский, Я. Е. К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // История СССР. 1968. № 2. С. 133–143.

Водарский, Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в.: численность, сословно-классовый состав, размещение. Москва: АН СССР, 1977. 263 с.

Зенченко, М. Ю. Как провалилась перепись 1710 года // Родина. 2010. № 8. С. 52–54.

Кабузан, В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. Москва: Наука, 1990. 256 с.

Ключевский, В. О. Подушная подать и отмена холопства в России // Сочинения в девяти томах. Т. VIII. / Под ред. В. Л. Янина. Москва: Мысль, 1990. С. 202–203.

Кизеветтер, А. А. Посадская община в России XVIII ст. Москва: Университетская типография, 1903. 810 с.

Клочков, М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1911. 435 с.

Клочков, М. В. Очерки подушной переписи при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. Январь. 1915. С. 110–150.

Ляпин, Д. А. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. 2021. Вып. 9 (1). С. 254–264.

Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / Под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. Москва: АН СССР, 1954. 815 с.

Фурсов, С. В. Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г. // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 86–94.

Сведения об авторах

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, кафедра истории и историко-культурного наследия, заведующий кафедрой, г. Елец, Российская Федерация, 8-905-683-33-35, lyapin-denis@yandex.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

В редакцию статья поступила 08.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-43-56

For citation

Lyapin, Denis A. Landrat books of the historical region of the Belgorod line (In Russ). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 43–56. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-43-56

Lyapin, Denis A., Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation
Landrat books of the historical region of the Belgorod line 1716–1719

Abstract

The article is devoted to the study of Landrat books of the historical region of the Belgorod region: Belgorod, Voronezh, Yelets and Kozlovsky districts (Landrat shares). Landrat books are the latest, most extensive and detailed household censuses of the population of Russia. This was done in 1716-1719. Landrat – special assistants to the governor. In science, there has traditionally been a skeptical attitude towards the data of the Landrat books. This source is considered unreliable. The author is confident that this attitude is based on an erroneous understanding of the conclusions of

Mikhail Klochkov made in an article in 1915. It is believed that the scientist proved the inferiority of household censuses of Peter's time by comparing the materials of the description of 1678 and the results of the revision tales of 1728. This erroneous opinion is contained in "Essays on the History of the USSR" (1954) and from that time on, researchers refused to use the Landrat books, thinking that they were erroneous. The documents we studied were preserved in the fund 350 of the RGADA. There are many different materials here: small censuses of 1709–1718 (cities, regions, towns, population categories separately), various final extracts, population census for the purpose of collecting taxes, descriptions of lands from provincial offices. The documents of the Chamber Collegium, an institution that at that time was in charge of the allocation and collection of state revenues, are also kept here. The geographical boundaries of the article are determined by the great role of the Belgorod Line – a complex of military-defensive structures erected in the middle of the 17th century. on the territory of Belgorod, Voronezh, Yelets and Kozlov districts. Based on the purpose of the article – to demonstrate the practical experience and informative capabilities of Landrat censuses, the form of each book was analyzed and the three largest rural settlements were examined in detail. Based on the results of the work done, the author notes that full-fledged work with Landrat books is possible only if you fully understand the form of each book separately. The landrat book of a separate county has its own characteristics, but they all contain information about the gender and age composition, population movements, family ties, settlements and social gradation of society. An analysis of four Landrat books demonstrates the possibilities of using this type of documentation in historical research.

Keywords

History of Russia, landrat books, censuses, Peter I, fiscal policy, Belgorod line, population, formulary analysis, Belgorod district, Voronezh district, Yeletsky district, Kozlovsky district, social composition.

References

- Anisimov, E. V. The tax reform of Peter the Great. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ., 1982. 296 p.
- Vodarsky, Ya. E. To the question of the reliability of the XVII century census books. (In Russ.). IN: History of the USSR. 1968, № 2, pp. 133–143.
- Vodarsky, Y. E. Population of Russia at the end of the XVII-beginning of the XVIII century: the number, class composition, placement). Moscow: USSR Academy of Sciences publ., 1977, 263 p.
- Zenchenko, M. Yu. How the census of 1710 failed. (In Russ.). IN: // Rodina. 2010. № 8, pp. 52–54.

- Kabuzan, V. M. Peoples of Russia in the XVIII century. Numerosity and ethnic composition. Moscow: Nauka publ., 1990. 256 p.
- Kliuchevsky, V. O. Podushnaya podushnaya poduza and the abolition of villeinage in Russia. (In Russ.). IN: Works in nine volumes. T. VIII. / Edited by V. L. Yanin. L. Yanin. Moscow: Mysl publ., 1990, pp. 202–203.
- Kizevetter, A. A. Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st. Moscow: Universitetskaya tipografiya publ., 1903, 810 p.
- Klochkov, M. V. Population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. T. 1. St. Petersburg: Senate Printing House, 1911, 435 p.
- Klochkov, M. V. Sketches of the per capita census at Peter the Great. (In Russ.). IN: Journal of the Ministry of National Education. January, 1915, pp. 110–150.
- Milyukov, P. N. State economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great. St. Petersburg: Tipography of M. M. Stasiulevich publ., 1905, 678 p.
- Sketches of the History of the USSR. Period of Feudalism. Russia in the first quarter of the XVIII century. Transformations of Peter I / Edited by B. B. Kafengauz, N. I. Pavlenko. Moscow: USSR Academy of Sciences publ., 1954, 815 p.
- Fursov, S. V. The city of Dobry and uyezd according to the materials of the Landrath census of 1716. (In Russ.). IN: History: facts and symbols. 2018, № 4 (17), pp. 86–94.

About the authors

Lyapin Denis A., Doctor of Historical Sciences, Professor, I. A. Bunin Yelets State University, Department of History and Historical and Cultural Heritage, Head of the Department, Elets, Russian Federation, +7-905-683-33-35, lyapin-denis@yandex.ru

Grant information

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00400) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education « Bunin Yelets State University»

The article was received in the editorial office on 08.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 930.25+93/94+294.321+091+914/919+003.074+003.088+294.3+303.042+930.24+303.028+323.3+341.231+325.1+930.85+930.22+006.95+351.881+32.019.5+172.3+261.7+348.71+325.11+332.025+314.7+911.37+631.164+332.362+332.364+332.365+392.7+81'373.23+929+910.3+910.26
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-57-70

Для цитирования

Ванчикова, Ц. П. «Сказание о хождении в Тибет пандита-хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода» как источник по истории буддизма // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 57–70. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-57-70

Ванчикова, Ц. П.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

«Сказание о хождении в Тибет пандита-хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода» как источник по истории буддизма

К числу самых ранних бурятских исторических сочинений относятся «Путевые заметки» (списки которого известны также под названием «О дальних и близких местах»)¹ и автобиография Д.-Д. Заяева (1711–1776), ценные своими сведениями о начальном этапе распространения буддизма среди бурят, его институализации и инкорпорации в российскую административную систему, изучение которых ввиду скудости источников по истории этого периода становится актуальным. «Путевые заметки» являются первым и единственным бурятским сочинением жанра хождения (путешествия), написанным в XVIII в. Д.-Д. Заяевым, который совершил путешествие в Тибет как с паломнической целью, поклониться святыням Тибета, его монастырям и духовным иерархам, так и с целью получения духовного образования и посвящений. Упоминания о нем встречаются в летописях «Бишихэн запискэ» (1833 г.), Т. Тобоева (1863 г.), Д.-Ж. Ломбоцыренова (1868 г.), В. Юмсунова (1875 г.) и др.

Целью статьи является выявление источников в фондах ЦВРК, связанных с Д.-Д. Заяевым, их источниковедческая характеристика и анализ, выявление и уточнение сведений о некоторых датах его жизни и основных событиях в истории буддизма в Забайкалье. В связи с чем были обнаружены и атрибутированы 6 сочинений. Выявленные в ЦВРК источники о Д.-Д. Заяеве можно разделить на три группы: 1) «Описания хождения» («Путевые заметки»), сохранившиеся в разных копиях и списках; 2) его биографии на тибетском и старописьменном монгольском языках; 3) сборники, в которых включены вместе сочинения из предыдущих двух групп. Следует подчеркнуть, что приведенное деление достаточно условное, т. к. зачастую сведения о хождении и биографические сведения в разной степени полноты встречаются в сочинениях указанных всех трех групп. В результате сличения содержания выявленных сочинений установлено, что наиболее полные сведения содержатся в «Сказании о хождении в Тибет пандита-хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода» (*ᠰᠣᠩᠶᠣᠯ ᠣᠪᠣᠢ-ᠤᠨ ᠪᠯᠠᠮ-᠎ᠠ ᠪᠠᠨᠳᠢᠳᠠ ᠮᠬᠠᠨᠪᠠ ᠵᠠᠶ᠋ᠭᠠ-ᠶᠢᠨ ᠲᠣᠪᠡᠳ ᠶᠠᠵᠠᠷᠠ ᠶᠠᠪᠤᠶᠤᠰᠠᠨ ᠳᠣᠮᠣᠶ*)². Отличительной чертой этой анонимной рукописи является то, что в ней объединены и текст описания его хождения, и материалы автобиографии, и биографические сведения, а также краткое описание буддистских монастырей и святынь Тибета и Монголии, Индии и Непала, делающие эту рукопись своего рода сборником, самым полным из всех известных источников о Д.-Д. Заяеве. Она написана на 23 страницах ученической тетради простым карандашом (16,8×20,7 см., текст местами блеклый), хранится в монгольском фонде ЦВРК в коллекции В. Д. Борбоева под номером 3499/2. В ней не указаны ни время ее составления, ни ее составитель. Можно предположить, что она была составлена В. Д. Борбоевым после 1952 г., если судить по дате выпуска тетради, напечатанной в 1952 г., который собрал вместе все доступные ему источники в одной рукописи.

Сведения о цели составления описания путешествия в Тибет приведены на с. 9 в начале 2-й части рукописи, повествующие о том, оно было написано по требованию Екатерины II описать то, что Д.-Д. Заяев видел во время своего путе-

шествия в Тибет, о расстоянии между населенными пунктами, о народах, встреченных им по пути, и об их образе жизни, высказанному Заяеву во время его участия в 1767–1769 гг. в мероприятиях по разработке нового российского свода законов. Согласно упоминанию в его сочинении года захвата Тибета, он написал свои заметки, будучи в Петербурге, в 1768 г.: «...прошло еще не более 55 лет, от этого 1768 года, как он стал подчиненным китайского императора»³.

Эта рукопись состоит из трех частей:

I. Автобиография Д.-Д. Заяева и история строительства Цонгольского дацана⁴.

II. Текст хождения в Тибет⁵.

III. Описание буддистских святынь Индии, Непала, Тибета и Монголии⁶.

Первая часть содержит сведения биографического характера, взятые как из автобиографии Д.-Д. Заяева, так и из сочинений других авторов. Сочинение начинается традиционными приветственными словами благопожелания счастья и благоденствия, сообщением о том, что им были приняты буддистские монашеские обеты и что, в силу предыдущих добродетелей, он смог попасть в Тибет. Далее повествование в этой части продолжается от первого лица, что свидетельствует о том, что при ее написании был использован текст автобиографии. К сожалению, автобиография хамбо-ламы Заяева на старописьменном монгольском языке вряд ли сохранилась, особенно, если учесть сообщение, содержащееся в самой поздней копии его биографии, составленной ламой Цонгольского дацана Очировым в 1917 г., о том, что «Из старых дел нашего дацана дела ранее 1850 г. не сохранились. От времен лам Заяева и Хэтуркеева не сохранилось ничего, кроме нескольких листов дел. Да и более поздние дела исчезли»⁷.

После небольшого краткого сообщения о посещении Тибета, о поклонении святыням Лхасы, о встрече с панчен-ламой и далай-ламой и повествования об учебе, обучении на протяжении семи лет на философском факультете Даши Гоман монастыря Балдан Брайбунлин⁸ и монастыря Санпу⁹, получении духовной степени габчжу¹⁰, следует рассказ о возвращении на родину, об истории распространения буддизма среди

селенгинских бурят. В основном это изложение истории строительства первого бурятского Цонгольского дацана начиная от первого богослужения-хурала, посвященного новому году, состоявшегося в 1741 г. и длившегося девять дней. Как пишет Д.-Д. Заяев, хурал был проведен по правилам богослужений, проводимых в трех самых крупных и известных тибетских монастырях – Сэра, Брайбун и Гандан. История Цонгольского дацана изложена в следующей хронологической последовательности:

1741 г – первое богослужение на Цагаан сар (новый год по восточному стилю); в том же году был построен большой войлочный храм, в котором службы проводились на протяжении нескольких лет. Далее «<...> по примеру и образцу этого войлочного дугана ламы разных аймаков, каждый в своем аймаке, основали дуганы и с тех пор стали совершать молебны»¹¹;

1745 г. – строительство гелоном Агван-Пунцоком, цоржиламой из амдоского монастыря Чжонэ, деревянного дацана, в котором «несколько лет служили молебны»;

1766 г. – завершение строительства нового каменного храма, которому предшествовали длительные переговоры и согласования о разрешении его возведения, обсуждение вопросов о стоимости и финансировании строительства, переписка с российскими властями; после получения разрешения на строительство в год желтой зайчихи (1759 г.) было заложено основание дацана, возведение которого было завершено в 1766 г., когда «мне было от роду 66¹² лет, [ибо] я родился в год железной зайчихи с одним белым мэнгэ¹³ [1711 г.]»¹⁴.

Заканчивается данный раздел описанием обрядов и праздничных мероприятий по случаю освящения дацана и многими благопожеланиями «тысячам людей: вельможам, чиновникам, простолюдинам, мужчинам и женщинам, мальчикам и девочкам... всем, кто принимал личное участие в строительстве вместе возродиться в первой калпе правления Майтреи и в начале этого же периода обрести высшее состояние Будды»¹⁵.

Эти подробные сведения о жизни и о деятельности хамбо-ламы по распространению буддизма среди бурят, о начале первых богослужений не встречаются в других бурятских исторических сочинениях.

Вторая часть представляет собой текст описания хождения Д.-Д. Заяева в Тибет, изложенный на с. 9–15. Выявлено, что данный раздел почти идентичен по содержанию с текстом, опубликованным А. М. Поздневым¹⁶ и А. Г. Сазыкиным¹⁷. Начинается она с преамбулы: указания причины составления хождения, а именно, что оно было написано по требованию императрицы. В этой части нет сведений о Д.-Д. Заяеве, об учебе, о сроках его пребывания в Тибете, а приводятся только краткое описание путей и дорог в Тибет, повествование о виденном, о монастырях и о Лхасе, о нуждах и условиях жизни, в основном, тангутов. Сведения, содержащиеся в этой части, представляют интерес для изучения истории и социально-экономического положения населения Тибета и сопредельных стран второй половины XVIII в.

Содержание этой части таково:

повествование начинается с сообщения о том, что путь от Кяхты до Пекина занял один месяц;

на путь от Пекина до Амдо «по территории, заселенной китайцами», потребовалось три месяца;

представляет интерес описание Амдо, северо-восточного района Тибета, сведения об образе жизни местного населения;

сообщение о политическом статусе амдосцев, о том, что они являются китайскими подданными, но, тем не менее, не платят податей, что в административном отношении амдосцы делятся по родам, возглавляемым своими нойонами, что по образу жизни они не скотоводы, потому у них мало скота и живут они хлебопашеством;

амдосцы по вероисповеданию – буддисты. Автор сообщает о наличии большого количества монастырей и храмов, о количестве лам в разных монастырях в зависимости от их размеров, от трех тысяч в больших монастырях до пятидесяти – в самых маленьких, что в отличие от жилых глинобитных домов, буддистские храмы строятся из обожженных кирпичей;

дорога от Амдо до границы с Тибетом заняла три месяца, а от нее до Лхасы – 12 дней пешего пути;

описание Лхасы, ее основных реликвий и монастырей. В отличие от амдосских домов и монастырских зданий, в Лхасе и дома, и монастыри все строятся из горных камней.

Перечислены четыре наиболее крупных монастыря в области Уй, наибольшим из которых является монастырь Балдан Брайбун, состоящий из семи дацанов. Далее приводятся краткие данные о монастырях Сэра, Галдан и Санпу;

сообщение об экономическом снабжении монастырей, которые обеспечиваются за счет прикрепленных к ним или к определенным монастырским общинам «хлеборобов из подданных тибетского царя для того, чтобы они сеяли хлеб для монастырей, дацанов, камцанов и мицанов, которые равномерно раздают ежемесячно каждому обучающемуся хуваруку или ламе»¹⁸.

Также приводится небольшое повествование о том, что Тибет, хотя и вошел в состав Китая, «это было только формальное вхождение в состав китайской империи, так как [Тибет] не платит дани. До сих пор тибетский народ соответственно своим собственным обычаям продолжает распространять святое учение и так же [как прежде] люди становятся послушниками и ламами». Заканчивается этот раздел общей оценкой тибетского монашества: «Вообще, в Тибете ламы и послушники постоянно, без усталости, занимаются учебной и изучением святого учения. Ежедневно, по утрам и в полдень, они собираются в своих храмах, где совершают молебны и читают священные книги»¹⁹.

В третьем разделе приводится краткое описание буддистских святых мест Индии, Непала, Тибета и Монголии. Из святых мест Индии и Непала упоминаются только Бодхгайя, где «Будда Шакьямуни повернул колесо учения», мифическое ядовитое озеро, настолько ядовитое, что «через него можно только перелететь посредством сверхъестественных сил», и непальская ступа Джарун Хашор. Немного подробнее описаны Лхаса, Потала и монастыри вокруг тибетской столицы. Более детальные сведения приведены про большие и малые монастыри Тибета и Монголии с указанием основных реликвий и достопримечательностей, школьной принадлежности, также упоминаются названия местностей, направления, расстояния и время пути между ними, горные перевалы, пустыни, озера, реки, колодцы или источники воды. В этом же разделе приводятся два распространенных сюжета, связанные

с Абатай-ханом и с распространением буддизма в Монголии. Перечислены 10 из упоминаемых 13 монастырей Амдо, в которых проживают амдосцы и китайцы. Сообщаются краткие сведения о 33 хошунах олетов, проживающих вокруг Кукунора и о шести хошунах олетов, проживающих в Алашани. К северо-востоку от Алашаня через несколько дней пути, как пишет автор, начинаются пустынные земли, к востоку от них, от гор Гурбан сайхан, начинаются халхасские отоки монгольских земель, восточнее которых проходит центральная харачинская уртонная дорога.

Повествование о монгольских монастырях автор начинает с краткого описания Их хурээ, резиденции Богдо-гэгэна: «далее на восток отсюда на расстоянии шести или семи уртонов на северной стороне горы Богдо-уула, на северном берегу реки Толы находится резиденция Богдо-гэгэна. Их хурээ делится на 27 аймаков»²⁰. Далее упоминаются крупные монгольские монастыри Даши-Чойнхор или Манджушри-хийд²¹, Шаддублинг²², Западный монастырь²³, Эрдэни дзу²⁴, Амарбаясгаланту²⁵ с указанием их месторасположения по отношению к Их хурээ, например, «к северо-востоку от Их хурээ, на восточной стороне реки Сельбэ, впадающей в Толу, находится монастырь Дамба-Даржа»²⁶.

Заканчивается эта рукопись указанием о том, что существуют три разные дороги в Тибет: восточный путь через Долоннор, средний путь по центральной халхасской дороге, который проходит через пустыню Шаргий и западный путь через Хух-хото. По времени до достижения Тибета эти дороги занимают от 50 до 60 суток²⁷.

Таким образом, в монгольском и архивном фондах ЦВРК обнаружено 6 сочинений, связанных с первым бурятским хамбо-ламой Д.-Д. Заяевым, в которых содержатся сведения как биографического содержания, так и разные варианты описания его хождения в Тибет или же сочинения, в которых объединены и биографии, и тексты его хождений. Одно из последних рассмотрено в данной статье. Ценность этого сборника заключается в том, что он наиболее подробен и детален по содержащейся в нем информации. Автор – составитель сборника соединил в своей рукописи и материалы автобиографии,

и биографические сведения из разных источников, и текст хождения, и устные предания, бытовавшие среди лам и населения, что делают это сочинение особо интересным и притягательным, особенно в первой и заключительной частях, в которых приводятся фольклорные материалы о Заяеве, написанные на основании устных рассказов, что подтверждается частым употреблением слова *gedeg* (монг.) – “говорят”.

В этом сочинении наиболее полно отражены все этапы строительства Цонгольского дацана начиная от возведения первого кошмового, затем деревянного и заканчивая историей сооружения каменного цогчен-дацана, с приведением сведений о его стоимости, сборе средств и пожертвований, об испрашивании у царя разрешения на его строительство и т. п.

Язык изложения текста хождения лаконичный и сухой, повествование не эмоциональное, в отличие от биографии и третьей части, что объясняется официальным характером документа, который был предназначен для Екатерины II.

Это сочинение, хотя и небольшое по объему, достаточно ярко отражает реалии периода жизни и деятельности Д.-Д. Заяева, местные нужды и условия жизни, в основном тангутов, и роль Д.-Д. Заяева в истории бурят, оно свидетельствует о том, что ему принадлежит заслуга в усилении влияния буддизма и буддийских монахов, положения буддийской церкви и в официальном признании буддизма в Российской империи, чему в немалой степени способствовали геополитические интересы России на востоке страны, этим могли быть обусловлены интересы политиков и Екатерины II к путешествию Д.-Д. Заяева в Тибет и просьба составить описание своего хождения в Тибет с указанием маршрута. Во-вторых, утверждение его в 1764 г. в звании пандита-хамбо-ламы, направленное косвенно на ограничение связей бурят с зарубежными буддистскими центрами, способствовало созданию бурятской автокефальной буддистской церкви и объединению верующих бурят под сенью единой церковной организации, создав тем самым предпосылки для объединения разных этнических групп бурят и для формирования единой этноконфессиональной общности. В заключение следует сказать, что хамбо-лама Д.-Д. Заяев был не только религиозным и общественным деятелем.

лем, но и автором «Путевых заметок», первого бурятского сочинения в жанре хождений, написанного в 1768 г., что делает его самым ранним из бурятских исторических сочинений, положивших начало бурятской литературе, а также отметить важность публикации источников, связанных с Д.-Д. Заяевым, которые позволят расширить источниковую базу исследований истории буддизма и истории Бурятии в целом.

Примечания

¹ См.: Балданмаксарова, Е. Е. Особенности раннего периода развития бурят-монгольской литературы // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 1. С. 320–337; Позднеев, А. М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук, 1900. 416 с.; Дугар-Нимаев, Ц.-А. Бурятская литература в ряду других монголоязычных литератур в XVIII–XIX вв. // *Литературные связи Монголии*. Москва: Наука, 1981. С. 327–342; Сазыкин, А. Г. Описание путешествий в литературном наследии монгольских народов // *Страны и народы Востока*. Вып. 28. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1994. С. 26–35; Сазыкин, А. Г. Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // *Страны и народы Востока*. Т. 26. Москва: Наука, 1989. С. 117–125; *Проблемы алтаистики и монголоведения*. Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 17–19 мая 1972 г. Серия литературы, фольклора и истории. Вып. 1. Элиста, Б. и., 1974. 253 с.

² Сказание о хождении в Тибет пандита-хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Коллекция Борбоева. Инв. № 3499/2. Л. 23.

³ Там же. Инв. № 3499/2. С. 14.

⁴ Там же. С. 1–8.

⁵ Там же. С. 9–15.

⁶ Там же. С. 15–23.

⁷ Хотя это сочинение и озаглавлено «Путевые заметки», оно практически содержит биографические сведения, а о его путешествии в Тибет только упоминается. ЦВРК ИМБТ СО РАН. № М1-19. Л. 5 в.

⁸ Балдан Брайбунлин – самый крупный из гелугпинских монастырей, основан в 1416 г. Расположен в окрестностях Лхасы. Даши Гоман – факультет философии монастыря Брайбун, к которому прикреплялись монгольские и бурятские ламы.

⁹ Монастырь Санпу (или Санпо, тиб. *gsang phu sne'u thog*), находится в окрестностях Лхасы, основан в 1073 г.

¹⁰ Габчжу (тиб. *dka'a bcu*, монг. *arban berke*, букв. “десять трудностей”) – ученая степень, присваиваемая ламам, овладевшим знаниями 10 буддийских наук.

¹¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. С. 3.

¹² Здесь возраст указан ошибочно, Заяеву в 1766 г. было 55 лет.

¹³ Мэнгэ – знак, обозначающий качество дня, человека, дня, года в астрологических календарях, присущий каждому человеку и влияющий на жизнь. Существуют 9 мэнгэ – белый, черный, голубой, зеленый, желтый, белый, красный, белый, красный. Это уточнение вносит ясность в определении года рождения Д.-Д. Заяева.

¹⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. С. 4–7.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Позднеев, А. М. Указ. соч. С. 29–40.

¹⁷ Сазыкин, А. Г. Указ. соч. С. 117–125.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 13–15.

²⁰ Там же. С. 21–22.

²¹ Монастырь Даши-Чойнхор – тибетское название монастыря Манджуши-хийд (совр. халх. Манзшир-хийд), построен в 1733–1748 гг., расположен в 70 км от Улан-Батора. Разрушен в 1930-е годы.

²² Шаддублинг – тибетское название монастыря *Зүүн-хүрээ* (Восточный монастырь). Построен в 1711 г.

²³ Баруун-хийд или Богдын Баруун-хүрээ (1654–1680), находится к северо-востоку от Эрдэни Дзу.

²⁴ Эрдэни Дзу – первый монастырь, построенный в Халха-Монголии в 1585–1586 гг.

²⁵ Монастырь Амарбаясгаланту (Амарбаясгалант хийд), основан в 1727 г.

²⁶ Монастырь Дамба-Доржи, находится к северу от Улан-Батора, построен в 1765 г.

²⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 3499/2. С. 23.

Аннотация

История буддизма и начальный период его распространения в Забайкалье в XVII–XVIII вв. недостаточно изучена из-за отсутствия достоверных архивных материалов и источников, а в сохранившихся исторических сочинениях приводятся разные сведения о некоторых событиях, таких как год строительства первого буддистского храма

и совершение первой проповеди, годы жизни Д.-Д. Заяева. Самыми ранними из дошедших до нашего времени источниками являются «Автобиография» и «Путевые заметки», написанные Д.-Д. Заяевым в 1768 г. В них содержатся ценные сведения об истории бурятского буддизма, о жизни и деятельности Дамба-Даржа Заяева (1711–1776), прославившегося не только своими деяниями по распространению буддизма среди бурят и его институализации в Российской империи, но и своим хождением в Тибет, основными целями которого было поклонение буддистским святыням, обучение и получение посвящений на проповедование буддистского учения среди бурятского населения. Текст его хождения содержит важную информацию для уточнения некоторых дат по ранней истории бурятского буддизма. В Центре восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) выявлены и проанализированы сочинения, связанные с ним. Установлено, что из обнаруженных шести источников наиболее информативным сочинением является «Сказание о хождении в Тибет пандита-хамболымы Заяева из цонгольского рода» на старописьменном монгольском языке, хранящемся в монгольском фонде ЦВРК. В результате исследования сделан вывод о том, это сочинение представляет собой позднюю рукопись, в которой были объединены «Путевые заметки», биография Д.-Д. Заяева и краткое описание святых мест Монголии, Тибета, Непала и Индии, составившие три его части. Установлено, что этот сборник содержит сведения о социально-экономическом положении населения Тибета и сопредельных стран, а также сведения об истории буддизма в Забайкалье середины XVIII в. Оно также свидетельствует о геополитическом интересе России к региону Внутренней Азии и народам, проживающим там, о чем сообщает автор, говоря, что оно было написано по повелению Екатерины II, очертившей круг вопросов: «описать, что видел во время хождения в Тибет, о протяженности пути и расстоянии, а также о нравах и обычаях людей». Уникальные сведения, сохраненные бурятским паломником и российским подданным Д.-Д. Заяевым, актуальны и для проведения сравнительно-сопоставительных исследований феномена современного паломничества.

Ключевые слова: Дамба-Даржа Заяев, источники о жизни и деятельности, путевые заметки, паломничество в Тибет, буддизм в Бурятии.

Список литературы

Балданмаксарова, Е. Е. Особенности раннего периода развития бурят-монгольской литературы // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 1. С. 320–337.

Дугар-Нимаев, Ц.-А. Бурятская литература в ряду других монголоязычных литератур в XVIII–XIX вв. // Литературные связи Монголии. Москва: Наука, 1981. С. 327–342.

Позднеев, А. М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук, 1900. 416 с.

Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 17–19 мая 1972 г. Серия литературы, фольклора и истории. Вып. 1. Элиста, Б. и., 1974. 253 с.

Сазыкин, А. Г. Описание путешествий в литературном наследии монгольских народов // Страны и народы Востока. Вып. 28. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1994. С. 26–35.

Сазыкин, А. Г. Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Т. 26. Москва: Наука, 1989. С. 117–125.

Сведения об авторах

Ванчикова Цымыжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Центр восточных рукописей и ксилографов, главный научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-924-775-01-30, vanchikova2@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-20001) «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас».

В редакцию статья поступила 06.09.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-57-70

For citation

Vanchikova, Tsymzhit P. “The Legend of the Tsongol Kin Pandita Khambo-Lama Zayaev’s Journey to Tibet” as a Source on the History of Buddhism (In Russ). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 57–70. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-57-70.

Vanchikova, Tsymzhit P., Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

“The Legend of the Tsongol Kin Pandita Khambo-Lama Zayaev’s Journey to Tibet” as a Source on the History of Buddhism

Abstract

The history of Buddhism and the initial period of its spread in Transbaikalia in the XVII-XVIII centuries are insufficiently studied due to the lack of archival materials and sources, while the surviving historical records provide different information about some events, such as the year of construction of the first Buddhist temple and the first sermon, the years of D.-D. Zayaev’s life. The earliest extant sources are “Autobiography” and “Travel Notes” written by D.-D. Zayaev in 1768. They contain valuable information not only about the history of Buryat Buddhism, but also about the life and activities of D.-D. Zayaev (1711–1776), the first Buryat pandita Khambo-Lama, whose name is associated with the beginning of the spread of Buddhism among the Buryats and its institutionalization in the Russian Empire, but also with the description of his pilgrimage to Tibet. In this regard, in order to clarify some dates on the early history of Buryat Buddhism, texts related to him have been searched for and analyzed in the funds of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (CVRK) of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. It was established that of the six sources found, the most informative work is “The Legend of the Tsongol Kin Pandita Khambo-Lama Zayaev’s Journey to Tibet” in the Old Mongolian script, stored in the Mongolian collection of the CVRK. As a result of the study, it was revealed that this work is a late manuscript consisting of the “Travel Notes”, the Biography of D.-D. Zayaev and of an anonymous manuscript containing a brief description of Buddhist sacred places and shrines in India, Nepal, Tibet and Mongolia, what has determined its structure consisting of 3 parts. It was found out that this manuscript contains information about the socio-economic situation of the population of Tibet and neighboring countries, as well as information about the history of Buddhism in Transbaikal region in the middle of the XVIII century. It testifies to Russia’s geopolitical interests in this region of Inner Asia and the peoples living there, as the author reports, saying that it was written at the behest of Catherine II, who outlined a range of issues: “to describe what I’ve seen on my way to Tibet, the length of the road and distance, as well as about the customs and habits of people”. The unique historical information preserved by the Buryat pilgrim and the Russian citizen D.-D. Zayaev is also relevant for conducting comparative studies of the phenomenon of modern pilgrimage that is becoming popular not only for believers but among ordinary lay population.

Keywords

Damba-Darzha Zayaev, sources about life and activities, travel notes, pilgrimage to Tibet, Buddhism in Buryatia.

References

Baldanmaksarova, E. E. Features of the early period of development of Buryat-Mongolian literature (In Russ.). IN: Studia Litterarum. 2021. T. 6. № 1, pp. 320–337.

Dugar-Nimaev, Ts.-A. Buryat literature among other Mongolian-language literatures in the XVIII-XIX centuries (In Russ.). IN: Literary ties of Mongolia. Moscow: Nauka, 1981, pp. 327–342.

Pozdneeov, A. M. Mongolian Khrestomathy for Initial Teaching. (In Russ.). St. Petersburg: Tipography of the Imperial Academy of Sciences, 1900, 416 p.

Problems of Altaistics and Mongol Studies. Materials of the All-Union Conference. Elista, May 17-19, 1972. Series of literature, folklore and history. Vyp. 1 (In Russ.). Elista, 1974. 253 p.

About authors

Vanchikova Tsymzhit P., doctor of historical sciences, professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, chief researcher, Ulan-Ude, Russian Federation, +7-924-775-01-30, vanchikova2@yandex.ru

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Science Foundation (science project no. 15-14-11002/15) “Buryat Buddhists-pilgrims to the holy places of Tibet: historical and cultural atlas”.

The article was received in the editorial office on 06.09.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 93/94+930.25+930.1+930.23+930.253+651.5+001.5+001.53+001.9+001.85+303.05+303.092+303.094.5+32.019.5+659.4+323.21+323.213+323.22+323.225+323.232+323.232.019.57+323.3+323.4+329.286+329.61+329.8+342.97+342.922+364.24+364.25+364.253+364.29+379.8+379.821+379.8.092.2

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-71-84

Для цитирования

Новосельский, С. С. На пути к свободе слова: Особое совещание по составлению нового Устава о печати в 1905 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 71–84. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-71-84

Новосельский, С. С.

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

На пути к свободе слова: Особое совещание по составлению нового Устава о печати в 1905 г.

В 1905 г. в России возникла свободная пресса. Это стало возможным отнюдь не только благодаря провозглашению в Манифесте 17 октября свободы слова. Такому решительному шагу предшествовала большая подготовительная работа, подогреваемая широкой общественной дискуссией. Естественные в условиях Русско-японской войны 1904–1905 гг. ограничения работы печати эти обсуждения скорее подстегивали. По тогдашней традиции почву для реформы должно было подготовить Особое совещание по составлению нового Устава о печати, работавшее с 10 февраля по 18 декабря 1905 г. Кажется бы, сюжет хорошо известный. Подробно изучены состав совещания¹, механизмы и результаты его работы². Последние, как часто случалось с подобными «комиссиями», остались только на бумаге. Поэтому интерес представляют не они, а само совещание – идеи и смыслы, которые конструировали его участники. Они руководствовались не только своими политическими убеждениями и общественными идеалами, но и обстоятельствами момента, которые менялись буквально на глазах.

Открывая 10 февраля 1905 г. первое заседание Особого совещания, его председатель Д. Ф. Кобеко произнес речь, радикальности которой могли бы позавидовать участники «банкетной кампании». Она, как известно, была приурочена к 40-летию судебной реформы Александра II. И на многих банкетах ораторы говорили о том, что за прошедшие десятилетия суть реформы была извращена настолько, «что в настоящее время законодатель не узнал бы своего детища»³. Похожую мысль в отношении закона о печати 1865 г. высказал Д. Ф. Кобеко. Последующие преобразования сводили на нет главную идею закона – облегчить положение печати, которой, по словам председателя, «в течение всего этого периода было предоставлено только одно право – право страдать»⁴.

Д. Ф. Кобеко неоднократно подчеркивал, что главная задача совещания как раз в обратном – расширить свободу печати⁵ и обеспечить ей «возможность говорить правду»⁶. На это председателю намекал и император Николай II, указывая, что совещание должно было разработать новый Устав «не о цензуре, а о печати»⁷. А значит нужно было не просто вернуться к законодательному образцу великих реформ, но и превзойти его. И это вполне отвечало общественным настроениям. Провозгласить свободу слова считали необходимым еще славянофилы. К началу 1905 г. на ней настаивали даже явные антагонисты – неославянофил С. Ф. Шарапов⁸ и «Союз освобождения». Пересмотра законодательства о печати требовали от государя и сановники⁹. Особую актуальность свобода слова обретала в связи с ожиданиями объявления о созыве народного представительства, которыми в феврале 1905 г. жила российская общественность.

В историографии существует два взгляда на состав совещания. Один из них восходит к оценке В. Д. Набокова¹⁰ и разделяет членов Особого совещания на либералов, консерваторов и центристов. Второй, не отрицая различий в политических взглядах участников «Комиссии», настаивает на особой роли юристов в ее работе¹¹. В действительности среди членов совещания можно безоговорочно выделить лишь консерваторов – В. П. Мещерского, Д. И. Пихно, Д. П. Голицына, Д. Н. Цертелева, Б. М. Юзефовича. Остальные, невзирая на разногласия

по отдельным вопросам, все же настаивали на расширении (в той или иной мере) свободы печати.

При всей условности подобных типологий и «реформаторы», и «реакционеры» в своих суждениях исходили из ряда базовых, но отличных друг от друга установок. Для сторонников расширения свободы печати одной из них стала убежденность в искажении в годы царствования Александра III идеи великих реформ. А. Ф. Кони сравнивал цензуру в печати с сокращением с 1886 г. числа гласных судебных заседаний, хотя, по его мнению, именно гласность способствовала более добросовестной работе судей и помогала гарантировать правосудию защиту его имени от несправедливого обвинения¹². Эта идея, как отмечалось выше, была одной из ключевых для «банкетной кампании».

Другой установкой была ориентация на германскую государственно-правовую традицию. Именно немецким, а не британским и французским образцам, несмотря на стремительный рост революционных настроений в обществе осенью 1905 г., в вопросах народного представительства отдавала предпочтение бюрократия. Уговаривая императора Николая II подписать Манифест 17 октября, Д. Ф. Трепов заклинал его не бояться «прусской конституции»¹³. Но и в начале марта 1905 г. многие участники совещания предлагали взять за основу новых правил о печати именно германское законодательство. Согласно ему, цензуре подвергались лишь сведения, составлявшие военную тайну. Остальные случаи предусмотреть в законе было бы трудно. «Разве, например, возможно в мирное время запретить говорить о недостатках средств обороны?», – задавался вопросом К. К. Арсеньев¹⁴.

Следующая установка стала ответом на вызовы «смуты». Согласно ей, свобода слова не играла на руку революционерам, а, напротив, помогала бы с ними бороться. Если бы намерения бунтовщиков свободно обсуждались в газетах, то они не были бы сюрпризом для властей. А. С. Суворин вспоминал, что Г. А. Гапон еще 5 января 1905 г. прямо заявлял в интервью о намерении устроить в столице беспорядки, если требования рабочих не будут удовлетворены. Эти интервью, конечно, не печатались. Поэтому редакторам и издателям о планах

Г. А. Гапона стало известно на три дня раньше, чем министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому¹⁵. Однако все, кроме революционеров, имели очень туманное представление не только о практической, но и об идейной стороне революционного движения. В. К. Случевский настаивал на том, что именно «знакомство с антисоциальными движениями обуславливает успех борьбы с ними»¹⁶. Аргументы участников совещания сводились и к тому, что в условиях свободы слова революционные идеи окажутся попросту неконкурентоспособными¹⁷.

Еще одна установка сторонников преобразований проявилась во время дискуссии о «вредном направлении». Относилось ли к нему то или другое издание, правые определяли интуитивно (и потому, на их взгляд, безошибочно). Власть стремилась обозначить «вредное направление» более конкретно. По заключению министра внутренних дел А. Г. Булыгина, «газеты, тенденциозно и односторонне освещавшие общественную жизнь, принадлежали к определенному «направлению». «Вредным» же его делало «стремление подорвать доверие общества к правительству»¹⁸.

Председателя совещания такое определение не устраивало. Заочно полемизируя с министром, Д. Ф. Кобеко утверждал, что обличение пороков правительственных учреждений и должностных лиц идет государству только на пользу¹⁹. Проблема заключалась и в том, что правительственная политика в условиях революционного кризиса не была монолитной. Как точно заметил А. Ф. Кони, «что вчера считалось противным видам правительства, вредным направлением, сегодня признается полезным и желательным»²⁰. А раз сама власть стремительно меняла «правила игры», то и общество становилось более свободным в оценках.

Большинство участников совещания указывали и на то, что определить «вредное направление» на языке права, «вписать» это явление в действующее законодательство было попросту невозможно. В. К. Случевский в шутку сетовал, что «социальная токсикология, как наука, еще не существует»²¹. А всерьез утверждал, что подобная дефиниция была способна породить лишь административный произвол в отношении

прессе. Примеров тому члены «комиссии» приводили немало. Подозрения во «вредном направлении» порой падали даже на такие благонадежные издания, как «Гражданин» и «Московские Ведомости». А иногда жертвой цензуры оказывался сам император. Так, одной приволжской газете было запрещено напечатать Высочайшее повеление, на основании которого работало совещание²². Епископ Антонин вспомнил совсем уж анекдотичный случай, когда цензор не допустил напечатать речь императора Александра II, обращенную к войскам, уходившим из Кишинева на войну, поскольку, «по его мнению, государь не должен был так говорить»²³.

В этом заключалась еще одна особенность сторонников преобразований российской печати – они говорили со своими оппонентами не языком политической целесообразности, а языком права. Тем более удивителен случай, когда стороны не просто пришли к консенсусу, а оказались единодушными. Примечательно, что это случилось, когда речь зашла о традиционном остром и проблемном вопросе – национальном. Точнее – о положении инородческой печати, которую совещание единогласно постановило уравнивать в правах с русской²⁴. Решение встроить печать национальных окраин в общеимперский «ландшафт» было продиктовано двумя обстоятельствами. Во-первых, отсутствие единого правового поля для журналистики в империи неизбежно порождало бы конфликты между центром и окраинами²⁵. Во-вторых, с созывом Государственной думы подданным по всей стране предоставлялись политические права. И пресса, освещающая предвыборную кампанию, должна была стать союзником, а не противником власти²⁶.

Установки присутствовавших на совещании правых вполне отвечали актуальной консервативной повестке. Одной из них был тезис о «чрезвычайном времени», которое требовало чрезвычайных мер и законов. «Мы пишем устав для нашего времени смуты и брожения. Этим только и объясняется возникшее в нашей среде разногласие. В то ненормальное время, которое мы переживаем, нельзя всех пускать на газетное поприще. <...> Ничто не мешает, когда время станет нормальным, изменить те постановления, которые могут быть

вызваны условиями ненормального времени», – утверждал В. П. Мещерский²⁷. Очень похожие рассуждения встречались на страницах «Московских Ведомостей». Главный редактор газеты В. А. Грингмут, рассуждая весной о Государственной думе, сокрушался, что преобразования, «зачатые в психопатической среде» русской смуты, «выходят на свет заклеяемыми наследственным психопатическим недугом и могут <...> порождать во внутренней жизни России одни лишь болезненные явления общественного и государственного психоза»²⁸.

Другая установка правых несколько опережала свое время. Д. И. Пихно одним из первых предчувствовал необходимость создания проправительственного печатного органа в условиях парламентаризма. 17 февраля 1905 г. он говорил о том, что в России еще предстоит возникнуть не только партийной, но и «официозной» печати. Отказавшись от цензуры, правительство, по мнению Д. И. Пихно, должно было сохранить влияние на общественное мнение, в том числе посредством пресловутых «рептилий»²⁹.

В правительственных кругах об этом заговорили лишь два месяца спустя. 20 апреля А. Г. Булыгин предложил императору Николаю II в качестве противовеса прокламациям революционеров выпускать специальные листки с официальной оценкой происходящего в стране. В дальнейшем разъяснения уже свершенных или готовящихся реформ предполагалось сосредоточить в одном издании – «Сельском вестнике». Ведь именно крестьянство, по убеждению министра, особенно нуждалось в защите от революционной агитации³⁰. А вскоре А. Г. Булыгин, в точности повторяя мысль Д. И. Пихно, предлагал открыто оказывать покровительство частным печатным изданиям и тем самым обеспечить их лояльность престолу. Как и редактор «Киевлянина», министр апеллировал при этом к опыту европейских, прежде всего германских, властей³¹.

Власть и в дальнейшем не оставляла попыток создать мощное проправительственное издание. И не слишком преуспела. Усилия председателя Совета министров С. Ю. Витте в основном сводились к реорганизации уже существующих газет. Проблему их эффективности премьер стремился решить путем назначений на ответственные посты своих доверенных

лиц. Однако нового информационно-пропагандистского рупора у правительства в 1905 г. так и не появилось.

Еще одна установка правых сводилась к тому, что печать должна была только разъяснять значение правительственных постановлений. 18 февраля было официально объявлено о намерении власти созвать народных представителей. А уже 22 февраля на очередном заседании совещания выступал Б. М. Юзефович. Он утверждал, что вольное прочтение и толкование прессой государственных актов таили в себе большую опасность. Если государь планировал учредить законосовещательную Государственную думу, а газеты трубили о парламенте, то недовольство публики будет направлено не на напрасно обнадежившую ее печать, а на законодателя³².

На необходимости опубликовать в «Правительственном вестнике» разъяснения законодательным актам император Николай II настаивал еще весной 1905 г. К моменту издания Манифеста 17 октября потребность в этом стала еще более насущной. В корректной интерпретации Манифеста была заинтересована уже не только власть. И кадеты, и правые опасались уступить во многом популистской агитации социал-демократов. И потому остро нуждались в «переводе» Манифеста 17 октября на понятный народу язык.

В 1905 г. существовало два взгляда на будущее российской печати. Первый, бюрократический, сводился к необходимости усиления контроля над прессой и создания новых курирующих ее органов. Для координации правительственной пропаганды А. Г. Булыгин предлагал учредить Особое, а Б. В. Штюмер – Правительственное бюро печати³³. Второй, общественный, взгляд, напротив, выражал надежду на отказ от гипертрофированной опеки над прессой. Обе тенденции нашли отражение в работе совещания, особенно в ходе дискуссии о порядке регистрации печатных изданий. Представивший Министерство внутренних дел Н. В. Шаховской настаивал, что если на открытие аптеки требовалось разрешение, то и на газету, чьи возможные «яды» намного опаснее для общества, оно было тем более необходимо³⁴. Логика чиновника, однако, не встретила сочувствия. Большинство членов совещания высказалось за явочный порядок открытия

и печатных изданий³⁵, и типографий³⁶, и книжных лавок³⁷. Существовавший концессионный порядок не давал необходимых гарантий от крамолы. Очевидно, что революционеры не спрашивали разрешения на печать прокламаций и распространение нелегальной литературы.

Тем временем страна все глубже погружалась в революцию. Менялись настроения и в правительственных кругах. Еще в конце сентября 1905 г. С. Ю. Витте был категорически против репрессий в отношении прессы. А в середине ноября готов был бороться с ней любыми средствами. Неудивительно, что Совет министров предложил ужесточить уголовную ответственность для печати за подстрекательство к стачкам³⁸.

Совещание не слишком активно противостояло усилившемуся тренду на репрессии в отношении печати. Лишь А. С. Суворин сомневался в том, что можно принимать разные законы «для революции» и «для диктатуры» и уверял собравшихся, что новые правила не помогут победить революцию, а «дадут только правительству возможность прижать иногда неприятного журналиста»³⁹. Но издатель «Нового времени» А. С. Суворин остался в одиночестве. Д. Ф. Кобeko назвал опубликованные 24 ноября 1905 г. временные правила о печати «боевым законом»⁴⁰. Совещание завершало свою работу в духе времени. На последнем заседании 18 декабря большинство членов «Комиссии» высказались и за сохранение приостановки повременного издания в качестве карательной меры, и за практику ареста номеров до вынесения приговора суда⁴¹. А сам председатель призывал отказаться от сокращения срока давности для преступлений печати и говорил, что в законе необходима «известная остратка»⁴². Революционная обстановка ожесточила даже вчерашних сторонников свобод.

Особое совещание по составлению нового Устава о печати в 1905 г. прошло тот же путь, что и значительная часть российской бюрократии и общественности. Требования свобод уступили место сочувствию подавления революционных протестов. Правда, к этому моменту вожаемые свободы уже были достигнуты. Совещание выявило ключевые установки главных общественных сил. Для реформаторов это были свобода и законность. Для консерваторов – политическая целесо-

образность. При этом и те и другие в защиту своих убеждений часто приводили в пример Германскую империю. Переход к конституционной монархии по немецкому образцу в 1906 г. выглядел естественно.

Совещание было не просто площадкой для работы экспертного сообщества. Оно образовало особое пространство интеграции. В нем общественность, которая стремилась к коалиции с государством и осуществлению ненасильственных преобразований, приобщалась к законотворчеству. Необходимым условием этой интеграции выступала лояльность, которая на практике совсем не означала абсолютного согласия с государственной политикой. Напротив, в сотрудничестве с властью общественность трансформировала «правила игры» на свой вкус. И меняла их до неузнаваемости.

Примечания

¹ Лихоманов, А. В. Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 2. Санкт-Петербург: РНБ, 2005. С. 35–69.

² Сопова, А. П. Правовое регулирование периодической печати в Российской империи начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Москва: б. и., 2021. С. 43–67.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 43. Д. 3617. Л. 6 об.

⁴ Там же. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об., 3, 105.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 653. Л. 35 об.

⁸ Там же. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

⁹ Из дневника Константина Романова // Красный Архив. 1930. Т. 6. С. 105.

¹⁰ Набоков, В. Д. К истории нашего законодательства о печати («Комиссия Кобеко») // Право. 1911. № 33. Ст. 1821–1836.

¹¹ Сопова, А. П. Указ. соч. С. 48.

¹² ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 45.

¹³ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 232. Л. 3.

¹⁴ Там же. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 48 об.

¹⁵ Там же. Л. 48.

- ¹⁶ Там же. Л. 91 об.
¹⁷ Там же. Л. 92.
¹⁸ Там же. Л. 145.
¹⁹ Там же. Л. 145 об.
²⁰ Там же. Л. 11 об.
²¹ Там же. Л. 51 об.
²² Там же. Л. 146.
²³ Там же. Л. 91.
²⁴ Там же. Д. 653. Л. 141–141 об.
²⁵ Там же. Л. 120 об.
²⁶ Там же. Л. 133.
²⁷ Там же. Д. 650. Л. 24.
²⁸ Грингмут, В. А. Когда настанет время для реформ? // Московские ведомости. 1905. № 145.
²⁹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 26–26 об.
³⁰ Лихоманов, А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. Санкт-Петербург: РНБ, 1997. С. 25–27.
³¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 228. Л. 49–50.
³² Там же. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 31.
³³ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 228. Л. 52–53.
³⁴ Там же. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 13 об.
³⁵ Там же. Л. 29.
³⁶ Там же. Д. 653. Л. 7.
³⁷ Там же. Л. 12–12 об.
³⁸ Там же. Л. 169 об.
³⁹ Там же. Л. 173.
⁴⁰ Там же. Л. 187 об.
⁴¹ Там же. Л. 193 об., 194.
⁴² Там же. Л. 192 об.

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссии, которыми сопровождалась работа Особого совещания по составлению нового Устава о печати в 1905 г. Совещание, также известное как «Комиссия Д. Ф. Кобеко», работало с 10 февраля по 18 декабря 1905 г. Протоколы его заседаний, послужившие основным источником для проведения исследования, отложились в личном фонде видного государственного и общественного деятеля, юриста А. Ф. Кони в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Исследователей, которые обращались к ним ранее, в первую очередь интересовали институциональные аспекты деятельности Осо-

бого совещания: порядок его формирования, состав, ход и итоги заседаний. Участники дискуссии, с их взглядами, идеями и предложениями, оставались на втором плане. Между тем в Особом совещании было представлено экспертное сообщество, организованное по инициативе властей. К составлению нового закона о печати, помимо чиновников, были привлечены юристы, издатели, журналисты и общественные деятели различных взглядов. Это определило проблемный характер и остроту обсуждений. В ходе заседаний Особого совещания формулировались и определялись позиции двух наиболее значимых и влиятельных групп российской общественности – идейных сторонников и убежденных противников преобразований. Представители каждой из них руководствовались различными мировоззренческими установками, определявшими их политическую и общественную позицию. В своих суждениях, которые комплексно рассматриваются в историографии, они заходили намного дальше вопросов печати. Их дискуссии обнажали позиции по ключевым проблемам российской общественной мысли в 1905 г. – народному представительству, правовому государству, политическим и гражданским свободам, революции. Фокус интеллектуальной истории позволил поместить высказывания членов совещания в широкий общественно-политический контекст. А привлечение дополнительных, главным образом, неопубликованных делопроизводственных документов – определить, насколько Особое совещание отвечало ключевым тенденциям государственной политики в области печати и пропаганды. И насколько «Комиссия Д. Ф. Кобеко» предугадывала и определяла эти тенденции. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что в 1905 г. российская общественность широко интегрировалась в законотворческий процесс. Это сотрудничество не всегда приносило законодательные плоды. Но существенно меняло политическую повестку, значительно сужая «границы дозволенного» для верховной власти.

Ключевые слова: 1905 г., Первая русская революция, свобода слова, общественная мысль, печать, Особое совещание по составлению нового Устава о печати, Д. Ф. Кобеко.

Список литературы

Лихоманов, А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. Санкт-Петербург: РНБ, 1997. 133 с.

Лихоманов, А. В. Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. Вып. 2. Санкт-Петербург: РНБ, 2005. С. 35–69.

Набоков, В. Д. К истории нашего законодательства о печати («Комиссия Кобеко») // *Право*. 1911. № 33. Ст. 1821–1836.

Сопова, А. П. Правовое регулирование периодической печати в Российской империи начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Москва: б. и., 2021. 294 с.

Сведения об авторах

Новосельский Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра истории и теории исторической науки, доцент, г. Москва, Российская Федерация, 8-915-462-00-25, novoselsky.rggu@gmail.com

ORCID 0000-0002-2449-125X

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

В редакцию статья поступила 09.09.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-71-84

For citation

Novoselskiy, Sergey S. Towards Freedom of Speech: The Special Council to draw up a new Statute on the Press in 1905 (In Russ). IN: *Vestnik Archivista / Herald of an Archivist*, 2024, no. 1, pp. 71–84. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-71-84

Novoselskiy, Sergey S., European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation

Towards Freedom of Speech: The Special Council to draw up a new Statute on the Press in 1905

Abstract

The article deals with the discussions that accompanied the work of the Special Council on drafting a new press statute in 1905. The Council, also known as the «D. F. Kobeko Commission», worked from February 10 to December 18, 1905. The minutes of its meetings, which served as the main source for the study, were deposited in the personal fund of the prominent statesman and public figure, lawyer A. F. Koni in the State Archive of the Russian Federation

(GARF). Researchers who approached them earlier were primarily interested in the institutional aspects of the activity of the The Special Council: the procedure for its formation, composition, course and results of the meetings. The participants in the discussion, with their views, ideas and proposals, remained in the background. Meanwhile at the The Special Council was represented the expert community, organized on the authorities' initiative. In addition to officials, lawyers, publishers, journalists and public figures of various views were involved in drafting the new press law. This determined the problematic nature and acuteness of the discussions. During the meetings of the Special Council, the positions of the two most significant and influential groups of the Russian public – the ideological supporters and the convinced opponents of the reforms – were formulated and determined. Representatives of each of them were guided by different worldviews that determined their political and social position. In their judgments, which for the first time are considered comprehensively in historiography, they went much further than the issues of the press. Their discussions revealed their positions on the key issues of Russian public thought in 1905: representation of the people, constitutional state, political and civil liberties and revolution. The intellectual history's methodology made it possible to place the statements of the members of the Council in a broad socio-political context. And the use of additional (mostly unpublished) office documents allowed to determine to what extent the Special Council corresponded to the key trends of the state policy in the field of press and propaganda. And to what extent the «D. F. Kobeko Commission» foresaw and determined these trends. On the basis of the study it is concluded that in 1905 the Russian public was widely integrated into the lawmaking process. This cooperation did not always bring legislative fruits. But it significantly changed the political agenda, considerably narrowing the «boundaries of permissible» for the supreme power.

Keywords

1905, The First Russian Revolution, Freedom of Speech, public thought, press, The Special Council to draw up a new Statute on the Press, D.F. Kobeko.

References

Likhomanov, A. V. The Struggle of the Autocracy for Public Opinion in 1905–1907. Saint Petersburg, RNB publ., 1997, 133 p.

Likhomanov, A. V. A Special Council to draw up a new Statute on the Press in 1905: personal composition. IN: Censorship in Russia: history and modernity. Vol. 2. Saint Petersburg, RNB publ., 2005, pp. 35–69.

Nabokov, V. D. To the history of our legislation on the press (“Kobeko Commission”) (In Russ.). IN: Pravo. 1911. № 33. Art. 1821–1836.

Sopova, A. P. Legal regulation of periodicals in the Russian Empire in the early twentieth century. In Russ. Dis. ... Ph.D. Moscow, no publ., 2021, 294 p.

About authors

Novoselskiy Sergey S., PhD in History, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, junior researcher, Russian State University for the Humanities, department of history and theory of historical science, docent, Moscow, Russian Federation, +7-915-462-00-25, novoselsky.rggu@gmail.com

ORCID 0000-0002-2449-125X

Grant information

The article has been prepared with financial support from of the Russian Science Foundation no. 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

The article was received in the editorial office on 09.09.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 93/94+930.23+323.396+342.78+930.253+159.99+159.943+159.943.8+001.85+001.5+003.074+930.85+159.944.3+303.04+303.09+303.4+32.019.5+659.4+321.6+321.74+321.74+342.2+323.2+323.21+323.22+323.4+323.3.01/.06+323.329+331.07+338.23+338.26+332.142+338.28+351/354+351.71+351.74/.76+351.82+351.83+351.85+351.9

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-85-97

Для цитирования

Шишкин, Д. В. Диалог с «вождем»: письма и записки Г. Е. Зиновьеву как средство коммуникации граждан и власти. 1918–1921 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 85–97. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-85-97

Шишкин, Д. В.

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Диалог с «вождем»: письма и записки Г. Е. Зиновьеву как средство коммуникации граждан и власти. 1918–1921 гг.

Обращения граждан в руководящие органы и институты советской власти в 1920–1930-е гг. давно являются предметом пристального изучения историков. Так называемые «письма во власть», наряду со сводками и донесениями контролирующих органов, нередко служат источниковой базой при воссоздании общественных настроений прошлого, в частности, различных форм восприятия советской власти, коммунистической партии и конкретных вождей¹. Вместе с тем, среди содержащихся в письмах образах руководителей внимание исследователей привлекают в первую очередь фигуры первых лиц, глав центральных ведомств (В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, М. И. Калинина), в то время как обращения к местным властям рассматриваются эпизодически². С другой стороны, стремление исследователей реконструировать политические взгляды различных групп населения, их отношение к тем или иным мероприятиям властей зачастую отвлекают внимание от анализа поведения

адресатов, их реакций на поступающие обращения. Между тем, для представителей власти, в том числе Г. Е. Зиновьева, занимавшего должности председателя Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, практика диалога с гражданами через письменные обращения была не менее значимой, чем для их авторов.

Предметом исследования статьи выступает практика коммуникации граждан (жителей Петрограда и Северо-Западной области) с партийным лидером и главой исполнительной власти в регионе в период Гражданской войны (1918–1921). Выбор хронологических рамок обусловлен стремлением определить особенности формирования представлений о советской власти и партийных вождах на раннем этапе ее существования, в условиях вооруженного конфликта с их противниками.

Сама категория «письма во власть» требует более детального рассмотрения. Помимо непосредственно писем и приветственных телеграмм, к данному типу источников также следует отнести записки, подаваемые вождям во время их публичных выступлений. В личных фондах Г. Е. Зиновьева³ и в ведомственных фондах Ленинградского губернского Совета, его Исполнительного комитета и канцелярии Центрального исполнительного комитета (ЦИК), Совета комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО)⁴ можно найти примеры всех трех типов. Было рассмотрено в общей сложности 349 обращений, датированных 1918–1921 гг., из которых 207 определены как записки, 142 – как письма.

Каждый из рассматриваемых подвидов обращений к вождям имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при работе с ними. Первое серьезное различие состоит в авторстве. Приветственные телеграммы можно отнести к коллективным обращениям, хотя, как правило, их тексты составлялись агитаторами-коммунистами и лишь затем на собраниях принималось решение об их отправке в виде резолюций. В свою очередь, установление авторства писем и записок порой вызывает вопросы. С одной стороны, большинство обращений, содержащих просьбу, требование, донос или другое сообщение частного характера, подписывались их

авторами. В таких случаях подпись призвана помочь идентифицировать просителя, продемонстрировать серьезность его намерений и искренность. С другой стороны, среди писем, а чаще среди записок имеются обращения без подписи. Как правило, последние содержат критику политики РКП(б) и лично Г. Е. Зиновьева.

Письма и записки различаются в обстоятельствах коммуникации. В ситуации с письмами граждан адресанты не имели возможности личного общения с вождем. Однако авторы этих обращений (за исключением анонимных критиков) часто стремились обратиться к адресату напрямую. Полнее всего это выражается в жалобах на безрезультатные попытки попасть на прием к Г. Е. Зиновьеву, просьбах о личных встречах, ссылках на прежнее знакомство или общих знакомых. Стремление к установлению более тесной связи с вождем для решения проблем могло быть связано с падением доверия к другим формам коммуникации населения и административных органов в условиях революции и Гражданской войны, а также несформированностью культуры письменных обращений⁵.

Среди многократно повторяющихся мотивов письменных обращений можно выделить следующие: бедственное положение автора и его семьи (19 обращений); недовольство работой советских, партийных и военных органов (44 обращения); стремление приобрести определенное положение в обществе (получить работу, вернуться на службу в армии), не обусловленное дополнительно первым или вторым мотивом (10 обращений); публикация или речь Г. Е. Зиновьева, побудившая автора обратиться к вождю (6 обращений), часто в связке с мотивами первым и вторым. Последний тип мотивировки представляет особый интерес. Авторы, использовавшие его в своих обращениях, как правило, были беспартийными служащими-интеллигентами, хотя некоторые из них именовали себя «пролетариями»⁶.

Реакции на высказывания вождя в этих случаях были по преимуществу положительными: с Г. Е. Зиновьевым соглашались, хвалили его за честность и смелость в критике слабых мест в политике партии, выражали благодарность за сказанное

или написанное и готовность всеми силами содействовать воплощению заявлений председателя Петроградского Совета, в первую очередь – бороться с «вредителями», с точки зрения авторов, мешающими или прямо противодействующими установлению порядка и справедливости: «богачами» и «помещиками»⁷, комитетами бедноты⁸, бюрократами⁹.

Записки можно было бы назвать самой непосредственной формой коммуникации граждан с властью, поскольку адресант и адресат находятся в одном месте (на концерте, митинге, общем собрании)¹⁰. Однако общение индивида с вождем в данной ситуации осложнялось присутствием других людей, также желавших обратиться к выступающему. Эти два обстоятельства в значительной степени определяли формат записок. Их содержание часто выражено коротким текстом: просьбой, вопросом, критическим замечанием, выражением благодарности. С помощью записок участники собрания могли получить быстрый ответ на самый насущный, с их точки зрения, вопрос. Например, авторы записок неоднократно интересовались у Г. Е. Зиновьева или просили его о распределении алкоголя и продовольствия среди населения в канун праздников, в том числе перед праздником Пасхи¹¹.

Нередко в обращениях к Г. Е. Зиновьеву можно встретить критику в его адрес и его окружения. С уверенностью можно сказать, что значительная часть претензий, предъявляемых главе Петроградского Совета в письмах и записках, сводилась к критике привилегированного положения партийной элиты. В своеобразной иерархии привилегий, обладание которыми вызывало недовольство, первое место занимало продовольствие. Внешний вид главы Петроградской коммуны, главным образом его полнота, свидетельствовал о сытости и также провоцировал критику со стороны обывателей¹².

В письмах и записках, адресованных Г. Е. Зиновьеву, помимо общих указаний на скудость пайков, требований провести борьбу со спекуляцией или принять иные меры для улучшения продовольственного положения, авторы писем периодически обвиняли вождя в недостаточном внимании к проблеме нехватки продуктов: «Вы человек умный, а насчет продовольствия заслуживаете порицания. Прикажите все положить

перед Вами на стол, что выдают город[ские] кооперативы в течение месяца по первой и второй категории, и Вы убедитесь, что народ прав, сетуя на Вас за голод»¹³. За два месяца до написания этого письма, в январе 1919 г., другой анонимный автор предупреждал председателя Совета о готовящемся «выступлении голодных людей с духовенством во главе», вызванном не столько действиями самого главы Петрограда, сколько политикой его «соперника», В. И. Ленина, оставившего город «без продовольственных продуктов». Указывая на грозящую лично Г. Е. Зиновьеву опасность, автор записки отмечал: «Лозунгом дня будет: “Долой жидов!”. Убьют и ваших сотрудников жидов, и не боясь»¹⁴.

Антисемитские настроения также занимали немалое место в критических высказываниях о Г. Е. Зиновьеве и его окружении. Например, в дневниках интеллигентов, не принявших советскую власть, нередко можно встретить сетования на «жидовскую» власть и примеры именованя «жидами» комиссаров Петроградской коммуны¹⁵. Однако если антисемитизм представителей интеллигенции по отношению к комиссарам и коммунистам носил скорее общий характер недовольства проводимой политикой, то в высказываниях пролетариев ему сопутствуют конкретные просчеты в политике властей. В ряде анонимных писем и записок прослеживалась связь между еврейским происхождением представителей политической элиты и пайковым неравенством¹⁶. Автор одного из обращений обвинял большевиков и лично Г. Е. Зиновьева в разорении России и отмечал привилегированное положение в снабжении вообще всех евреев, не только коммунистов: «я знаю, что вы сыты, получаете полфун[та] хлеба в день, а едите не только хлеб, но всего разных продуктов <...> для населения по фунту муки, а евреям 2 фунта, а населению к пасхе лишка хлеба, т. е. гнилые объедки»¹⁷. Автор другого письма саркастически предлагал: «Уменьшите, пожалуйста, гражданский паек, а то мы лопаемся и на смольном не хватает мест, а себе увеличьте, так как Вы заметно похудели, и если так будет продолжаться, то в скором времени придется надставлять автомобиль»¹⁸.

За пользование личными транспортными средствами авторы обращений также неоднократно критиковали председателя

Петроградского Совета. В частности, они указывали адресату на его долг по соблюдению равенства: «обязан прийти к народу и дать отчет о своей деятельности, прийти, а не ехать на моторе, потому что ты называешь себя пролетарием и докажи это на деле»¹⁹. Идея уравнительной справедливости, которая должна была быть присуща «власти рабочих», входила в противоречие с поведением «тех, кто стоит у власти <...> на моторе ездит», в то время как «рабочему неоднократно приходится ходить в город пешком»²⁰.

Обвинения Г. Е. Зиновьева и других высокопоставленных коммунистов в пользовании привилегиями подрывали не только личный авторитет политика, но и авторитет большевистской партии, одним из декларируемых идеалов которой было установление социального равенства. Однако высокие нормы снабжения и практика неравномерного распределения благ были спорным основанием для критики. Тех, кто обращал внимание на неравное положение коммунистов и беспартийных, агитаторы могли обвинить в «меркантильности» и «шкурничестве»²¹. В то же время, пролетарии и служащие могли критиковать коммунистов за действия (воровство, насилие над рабочими-активистами) или бездействие. Последнее нередко касалось лично Зиновьева, которому авторы писем и записок неоднократно указывали на расхождение его слов с делами²².

Сложно судить о характере работы Зиновьева с обращениями, опираясь исключительно на письма. В большинстве случаев на них стоит резолюция «Архив». Другие резолюции, подписанные Г. Е. Зиновьевым, встречаются редко (7 писем). О том, какие ответы получали авторы записок, подаваемых вождем во время митингов, также нет сведений. Тем не менее, в своих выступлениях Г. Е. Зиновьев неоднократно ссылался на поданные к нему обращения, используя их в качестве аргумента, подкрепляющего его позицию, и одновременно демонстрируя свою близость к массам. Пример использования им в пропагандистских целях обращений граждан – публикация «Письма петроградским рабочим, работницам, красноармейцам и матросам» с призывом к ним вступать в партию. Глава Петроградского Совета в начале своего обращения привел

выдержку из письма железнодорожника Филиппова, испытывающего трудности с вступлением в партию, эксплицировав на большое количество корреспондентов просьбу конкретного рабочего помочь приобщиться к коммунистическим идеалам²³.

Еще одним способом продемонстрировать близость к массам была критика отдельных недостатков политики и недостойного поведения некоторых ответственных работников и членов партии. Критикуя поведение коммунистов и комиссаров, Г. Е. Зиновьев указывал на те же привилегии, за обладание которыми порицали его самого, в частности, за введение особой категории пайка²⁴ и пользование автомобилем²⁵. Подобная «честная» критика недостатков коммунистической партии в ряде случаев получала положительный отклик²⁶.

Несмотря на существующие формальные различия писем и записок, эти категории «писем во власть» имеют общие содержательные черты. Они, как правило, носят практический характер и обязывают к ответной реакции адресата, поскольку их авторы, вступая в коммуникацию с вождем, задают ему вопросы, обозначают проблемы либо критикуют, тем самым выходя за границы официального канона обращений к руководителям, представленного преимущественно в коллективных приветствиях.

Можно выделить четыре наиболее существенных аспекта в критике петроградцами личности и деятельности Г. Е. Зиновьева: привилегированное положение в снабжении продовольствием, пользование личным автотранспортом, еврейское происхождение и расхождение слов с делами. В обращениях претензии к вождю часто переплетались между собой, представляя комплекс антисемитских и эгалитаристских настроений. Однако данные обстоятельства не мешали вождю использовать во время выступлений те же формы критики существующего неравенства (за исключением антисемитских высказываний), когда это было необходимо для поддержания образа «честного» коммуниста.

Примечания

¹ Лившин, А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. Москва: РОССПЭН, 2010. 341 с.; Гетти, А. Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. Москва: РОССПЭН, 2016. 374 с.; Великанова, О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. Москва: РОССПЭН, 2017. 295 с.

² Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сборник документов / Составитель и научный редактор В. И. Шишкин. Изд. 2. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.; Морозова, Т. И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–96.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9462. Оп. 1. Д. 118–119; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 2. Д. 20–22, 78–85.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 247; Ф. 143. Оп. 2. Д. 11.

⁵ Из писем читателей. Чтобы каждый знал // Красная газета. 1919. 26 августа. С. 4.

⁶ РГАСПИ. Ф. 234. Оп. 2. Д. 78. Л. 100–101.

⁷ Там же. Д. 81. Л. 137.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 121; Д. 77. Л. 134.

¹⁰ Albert, G. «Comrade Speaker!» Zapiski as Means of Political Communication and Source for Popular Moods in the 1920s». IN: The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928, no. Vol. 8 (2014), 43–55 pp.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 22, Л. 32–38, 69; Д. 81. Л. 152.

¹² Анненков, Ю. П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1991. С. 40.

¹³ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 85. Л. 7.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9462. Оп. 1. Д. 119. Л. 10.

¹⁵ Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. Москва: Русская книга, 2003. С. 433, 448, 458; Амфитеатров, А. В. Собрание сочинений. Т. 10. Кн. 1. Мемуары. Властители дум. Литературные портреты и впечатления. Москва: Интелвак, 2003. С. 560–561, 598–599; Мельгунова-Степанова, П. Е. Дневник. 1914–1920. Москва: Кучково поле; Люкс-Принт, 2014. С. 153, 206, 231, 232, 236.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 81. Л. 51, 77.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9462. Оп. 1. Д. 119. Л. 2–3.

- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 85. Л. 42.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 9462. Оп. 1. Д. 119. Л. 18.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 20. Л. 10.
- ²¹ Яров, С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2006. С. 114.
- ²² РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 20. Л. 5; Д. 22. Л. 31; Д. 81. Л. 75, 78, 121.
- ²³ Зиновьев, Г. Беспартийный или коммунист? Речь на собр. за Моск. заставой в театре Речкина. С прил. ст. «Вступайте в партию». Петроград: Госиздат, 1919. С. 22.
- ²⁴ Общее собрание членов Российской Коммунистической партии // Северная коммуна, 1919, 30 марта. С. 2.
- ²⁵ Зиновьев, Г. Указ. соч. С. 2.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 78. Л. 100–101; Д. 81. Л. 43, 152.

Аннотация

В статье рассматривается практика коммуникации населения и Г. Е. Зиновьева, первого председателя Петроградского Совета после Октябрьской революции, в период Гражданской войны (1918–1921). На материалах письменных обращений к вождю («писем во власть») выявлены проблемные составляющие публичного образа руководителя местной власти и варианты их решения в рамках агитаторской деятельности Г. Е. Зиновьева. Исследователи использовали данный тип источника преимущественно для реконструкции общественных настроений в последующие эпохи новой экономической политики и индустриализации, не акцентируя внимания на значимости данной формы диалога с населением для самих властей в период военного коммунизма, тем более – на региональном уровне. В статье дана характеристика двух типов письменных обращений: писем и записок, полученных на митингах. Оба типа проанализированы исходя из особенностей коммуникативной ситуации, в которых были написаны обращения: возможности установления авторства, близости авторов к адресату в момент создания, формату обращения и его целей. В рамках исследования проанализировано 349 записей (142 письма и 207 записок) из личных фондов Г. Е. Зиновьева, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ); в фондах ведомств, возглавляемых им в указанный период, в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Для писем определены наиболее распространенные мотивы их появления: бедственное положение автора и его семьи; недовольство работой советских, партийных и военных органов; стремление приобрести определенное положение в обществе (место

на службе, в Красной армии); реакция на выступление или публикацию Г. Е. Зиновьева служащих-интеллигентов. В качестве важного подспудного мотива выявлено стремление авторов писем установить личный контакт с вождем посредством встречи либо подчеркнуть прежнее знакомство, что может иллюстрировать кризис доверия в обществе к органам власти или несформированность культуры письменного обращения. Выделены популярные аспекты критики в адрес главы Петроградского Совета, содержащиеся в письмах и записках: привилегии в снабжении продовольствием, пользование личным автотранспортом, еврейское происхождение, расхождение заявлений с реальной политикой. В заключительной части статьи анализируются приемы саморепрезентации Г. Е. Зиновьева в контексте обозначенной критики. Отмечена такая характерная черта, как использование вождем полученных писем для демонстрации солидарности с населением, а также созвучие предъявляемых ему претензий с его собственной критикой «примазавшихся» коммунистов.

Ключевые слова: письма во власть, Г. Е. Зиновьев, Петроград, записки, образ власти, привилегии.

Список литературы

Анненков, Ю. П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Репринтное воспроизведение издания 1966 г. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1991. 344 с.

Амфитеатров, А. В. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Кн. 1. Мемуары. Властители дум. Литературные портреты и впечатления. Москва: Интелвак, 2003. 751 с.

Великанова, О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. Москва: РОССПЭН, 2017. 295 с.

Гетти, А. Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. Москва: РОССПЭН, 2016. 374 с.

Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 8. Дневники. 1893–1919. Москва: Русская книга, 2003. 576 с.

Лившин, А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. Москва: РОССПЭН, 2010. 341 с.

Мельгунова-Степанова, П. Е. Дневник. 1914–1920. Москва: Кучково поле; Люкс-Принт, 2014. 317 с.

Морозова, Т. И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–96.

Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сборник документов / Составитель и научный редактор В. И. Шишкин. Изд. 2. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.

Яров, С. В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 428 с.
Яров, С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2006. 569 с.

Albert, G. «“Comrade Speaker!” Zapiski as Means of Political Communication and Source for Popular Moods in the 1920s». IN: The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928, no. Vol. 8 (2014), 43–55 pp.

Сведения об авторах

Шишкин Дмитрий Викторович, Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет истории, аспирант, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-996-636-29-55, dshishkin@eu.spb.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны» (<https://rscf.ru/project/20-18-00369/>).

В редакцию статья поступила 19.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-85-97

For citation

Shishkin Dmitry V., Dialogue with «the leader»: letters and notes to G. E. Zinoviev as a means of communication between citizens and authorities. 1918–1921 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 85–97. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-85-97.

Shishkin Dmitry V., European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation

Dialogue with «the leader»: letters and notes to G. E. Zinoviev as a means of communication between citizens and authorities. 1918–1921

Abstract

The article examines the practice of communication between the population and G. E. Zinoviev, the first chairman of the Petrograd Soviet after the October Revolution, during the Civil War (1918-1921). Based on the material of written appeals to the leader (“letters to the authorities”) the problematic components of the public image of the head of the local

government and their solutions within the framework of Zinoviev's campaigning activities. Researchers had previously used this type of source mainly to reconstruct public sentiment in subsequent eras of New Economic Policy and Industrialization, without focusing on the importance of this form of dialogue with the population for the authorities themselves during the period of war communism, especially at the regional level. The article describes three types of written appeals: letters and notes received at meetings. Analyses of both type based on the peculiarities of the communicative situation in which the appeals were written: the possibility of establishing authorship, the proximity of the authors to the addressee at the time of creation, the format of the appeal and its goals. The study analyzed 349 records (142 letters and 207 notes) from G. E. Zinoviev's personal funds stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI); in the funds of the departments headed by him during the specified period, in the Central State Archive of St. Petersburg (CGA SPb). For letters, the most common motives for their appearance are identified: the plight of the author and his family; dissatisfaction with the work of Soviet, party and military bodies; the desire to acquire a certain position in society (a place in the service, in the Red Army); the reaction to Zinoviev's speech or publication of employees–intellectuals. As an important underlying motive, the desire of the authors of the letters to establish personal contact with the leader through a meeting or to emphasize a previous acquaintance was revealed, which may illustrate a crisis of trust in society to the authorities or the lack of a culture of written appeal. The popular aspects of criticism of the head of the Petrograd Soviet contained in letters and notes are highlighted: privileges in the supply of food, the use of personal vehicles, Jewish origin and the discrepancy of statements with policy. In the final part of the article, Zinoviev's self-presentation techniques are analyzed in the context of the above-mentioned criticism. Such a characteristic feature is noted as the use of the letters received by the leader to demonstrate solidarity with the population, as well as the consonance of the claims made to him with his own criticism of the "attached" communists.

Keywords

Letters to the authorities, Zinoviev, Petrograd, notes, the image of power, privileges.

References

Annenkov, Y. P. Diary of my meetings. A Cycle of Tragedies. Reprint of the 1966 edition. (In Russ.). Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1991. 344 c.

- Amfiteatrov, A. V. Collected Works. In 10 vol. T. 10. Book 1. Memoirs. Rulers of Dumas. Literary portraits and impressions. (In Russ.). Moscow: Intelyak, 2003. 751 c.
- Velikanova, O. V. Disappointed dreamers: Soviet society of the 1920s. (In Russ.). Moscow: ROSSPEN, 2017. 295 c.
- Getty, A. The practice of Stalinism: Bolsheviks, boyars and undying tradition. (In Russ.). Moscow: ROSSPEN, 2016. 374 c.
- Gippius, Z. N. Collected Works. In 15 vol. T. 8. Diaries. 1893–1919. (In Russ.). Moscow: Russian Book, 2003. 576 c.
- Livshin, A. Ya. Moods and political emotions in Soviet Russia. 1917–1932 gg. (In Russ.). Moscow: ROSSPEN, 2010. 341 c.
- Melgunova-Stepanova, P. E. Diary. 1914–1920. (In Russ.). Moscow: Kuchkovo Pole; Lux-Print, 2014. 317 c.
- Morozova, T. I. Letters of Siberians to the authorities in the conditions of the new economic policy. (In Russ.). IN: Bulletin of Tomsk State University. 2016. № 412. C. 89–96.
- Letters to the authorities in the era of revolution and civil war (March 1917 – May 1921). Collection of documents / Compiler and scientific editor V. I. Shishkin. Ed. 2. (In Russ.). Novosibirsk: Autograph, 2015. 421 c.
- Yarov S. V. Sources for the Study of Public Attitudes and Culture of Russia in the Twentieth Century (In Russ.). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2009. 428 c.
- Yarov, S. V. Conformism in Soviet Russia: Petrograd 1917–1920s. (In Russ.). St. Petersburg: European House, 2006. 569 c.
- Albert, G. «Comrade Speaker!» Zapiski as Means of Political Communication and Source for Popular Moods in the 1920s». IN: The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928, no. Vol. 8 (2014), 43–55 pp.

About the authors

Shishkin Dmitry V., European University at St. Petersburg, Faculty of History, PhD student, St. Petersburg, Russian Federation. +7-996-636-29-55, dshiskin@eu.spb.ru

Grant information

The article was prepared with the financial support of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 20-18-00369 “Processes of legitimization of violence: Culture of conflict in Russia and the escalation of civil war” (<https://rscf.ru/project/20-18-00369/>).

The article was received in the editorial office on 19.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 94+355.01+341.218.4+93/94+930.85+930.22+930.253+001.5+001.6+001.85+061.6+651.9+003.074+303.832+001.891+32.019.5+659.4+321.01+321.011+321.013+340.14+340.156+340.158+340.155.4+340.147+327.2+327.51+327.58

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-98-111

Для цитирования

Наумов, А. О., Сенин, А. В. Аншлюс Австрии 1938 г. и позиция «великих держав»: путь к катастрофе. На основе новых архивных документов // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 98–111. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-98-111

Наумов, А. О., Сенин, А. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

Аншлюс Австрии 1938 г. и позиция «великих держав»: путь к катастрофе. На основе новых архивных документов

Аншлюс Австрии – поглощение Первой Австрийской республики нацистской Германией в марте 1938 г. стал важным этапом в системном кризисе Версальской модели международных отношений, созданной по итогам Первой мировой войны. После реокупации Рейнской области в марте 1936 г. и начавшейся летом того же года гражданской войны в Испании, которая мгновенно интернационализировалась, австрийские события стали очередной вехой на пути к новой мировой войне. Для самой Австрии аншлюс стал центральным событием прошлого столетия, но его значение, конечно, выходит за пределы собственно австрийской истории. Не случайно С. Цвейг писал, что 12 марта 1938 г. «мир притерпелся к бесчеловечности, к бесправию и жестокости больше, чем за все предшествующие столетия»¹.

Современники, а также исследователи Первой Австрийской республики совершенно справедливо называли ее «обломком после большого кораблекрушения»² и «нелепым детищем Версальской системы»³. Действительно, одними из многочис-

ленных ограничений, наложенных на проигравшие в Первой мировой войне державы, стали статьи международных договоров, фактически означавшие запрет на объединение Германии и Австрии (статьи 80 Версальского и 88 Сен-Жерменского договоров). Однако вскоре поддержание независимого статуса Австрийской республики отошло у держав-победительниц на второй план, и их основным внешнеполитическим императивом стало противодействие набиравшему силу СССР и превращение Германии в своеобразный бастион против большевизма. Уже в 1925 г. данная внешнеполитическая стратегия получила документальное оформление в Рейнском гарантийном пакте, в соответствии с которым признавалась неприкосновенность франко-германских и франко-бельгийских, т. е. западных границ Веймарской республики, тогда как в отношении всех остальных приграничных государств Германия брала лишь обязательство не разрешать территориальные споры вооруженным путем.

В российских архивах на хранении имеется документ, позволяющий реконструировать позицию одной из стран-гарантов Версальской системы – Франции – по австрийскому вопросу. 26 августа 1933 г. в беседе советского военного атташе во Франции С. И. Венцова-Кранца и временного поверенного в делах М. И. Розенберга с неназванным полковником французской армии о возможном аншлюсе Австрии последний заявил, что Третья Республика не должна проявлять особую инициативу, ибо, если бы такая попытка удалась, то вред от этого был бы перекрыт теми преимуществами, которые имела бы Франция от обнажения германо-итальянского антагонизма⁴.

Параллельно набирала обороты милитаризация Германии, происходившая при фактическом непротивлении западных держав. Пришедшие к власти в начале 1933 г. нацисты уже в апреле объявили о создании министерства авиации, а в марте 1935 г. в Третьем рейхе была введена всеобщая воинская повинность. Порой ускоренное перевооружение Германии происходило при прямом согласии ведущих европейских стран, как это было при подписании англо-германского морского соглашения летом 1936 г. Франция же после дерзкой операции А. Гитлера по ремилитаризации Рейнской области

в марте 1936 г. находилась в состоянии стратегического паралича, все более ориентируясь в деле принятия внешнеполитических решений на Туманный Альбион. В этих условиях официальные круги и широкая общественность Третьей республики не были настроены на активное сопротивление германской экспансии. «Мы предпочитаем получить пощечину, нежели пулю в лоб»⁵, – именно в таком ключе рассуждало большинство французского истеблишмента. 10 марта 1938 г. французское правительство и вовсе в полном составе подало в отставку; таким образом во время аншлюса Третья республика оказалась без действующего кабинета министров.

К весне 1938 г. западные державы – гаранты Версальской системы все прочнее становились на рельсы политики умиротворения агрессоров, и у А. Гитлера появилась отличная возможность для осуществления пункта № 1 официальной программы нацистской партии 1920 г. – объединения всех немцев в Великую Германию⁶. Причем в данном вопросе он находил поддержку в европейских официальных кругах. Особенно в этом преуспела Англия, которая любой ценой пыталась избежать новой мировой войны и готова была ради этого пойти как минимум на модернизацию Версальской модели международных отношений. В такой системе координат малые страны Европы оказывались в роли жертвы, которую британские консерваторы готовы были положить на алтарь мира. Посол Великобритании в Германии Н. Гендерсон, которого британские журналисты называли не иначе как «наш нацистский посол в Берлине»⁷, прямо говорил, что «Австрия такая же немецкая, как и Германия»⁸.

Представляется, однако, что проблема австрийской идентичности не является столь однозначной. Национальный вопрос чрезвычайно остро стоял еще в Австро-Венгрии: немцы составляли лишь 23,36% населения; венгры – 19,57%; большая часть оставшегося населения приходилась на славян⁹. И образовавшаяся на обломках империи Габсбургов Первая Австрийская республика в значительной степени унаследовала эту полиэтничность. Поэтому совершенно справедливым представляется высказывание итальянского исследователя К. Магриса, который назвал австрий-

ское государство «сковородкой, на которой томятся народы» (“Völkerschmelztiegel”)¹⁰.

Не менее сложным было и экономическое положение молодого государства, которое унаследовало более трети промышленного потенциала Австро-Венгрии. Однако для удовлетворения потребностей самой Австрийской республики такие индустриальные мощности оказались избыточными, в то время как прежние каналы сбыта продукции оказались разрушены. Значительный бюрократический аппарат, оставшийся с имперских времен, стал для небольшой страны непосильным финансовым бременем: только на выплату пенсий венским чиновникам уходило до одной пятой австрийского бюджета¹¹. Не обошли стороной Австрию гиперинфляция и безработица, характерные для европейских стран в 1920-е годы. Объективным в этой связи представляется тезис, что именно страх перед голодом и безработицей заставил подумать об аншлюсе как единственно возможным решением¹². Отметим, что в тот период объединение с Германией входило в программу многих партий, относившихся к разным частям политического спектра, однако с 1933 г. аншлюс означал вхождение именно в состав нацистского Рейха, поэтому эта идея стала стремительно терять популярность даже у прежних ярых ее сторонников.

Для гитлеровской Германии же присоединение Австрии было важно не только в идеологическом и геополитическом плане, но и с социально-экономической точки зрения. Об этом, в частности, свидетельствуют документы отечественных архивов. 4 июля 1937 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов получил донесение от начальника Разведуправления Красной армии Я. К. Берзина о ставших ему известных словах главы Генштаба сухопутных войск немецкой армии Л. Бека по поводу некоего секретного плана аншлюса Австрии. По его данным, Л. Бек «с бросающимся в глаза пессимизмом» отзывался о чрезвычайно подавленном настроении народных масс в Германии и надвигавшейся, «если не случится чудо», экономической катастрофе. Именно поэтому, по словам Л. Бека, партийные бонзы Третьего рейха (не имевшие, как отметил генерал, ни малейшего понимания внешнеполитических

реальностей) требовали от А. Гитлера, как и в ходе Рейнского кризиса 1936 г., снова одержать какую-нибудь «блестящую победу в области внешней политики»¹³.

Действительно, осуществленный 12 марта 1938 г. аншлюс Австрии стал значительным вкладом в укрепление политико-экономических позиций нацистской Германии. Население Рейха увеличилось на 10%, причем две трети (1,5 млн человек) были призваны в германскую армию. Конфискованный золотой запас Австрии превышал немецкий в десять раз. Значительно был усилен и ресурсный потенциал гитлеровского государства. И, конечно, Австрия превращалась в удобный плацдарм для продолжения агрессии в Восточной Европе, прежде всего, в отношении Чехословакии. При этом Берлин поспешил успокоить мировое сообщество в отношении своих дальнейших внешнеполитических целей, усыпляя внимание европейских сторонников политики умиротворения. Согласно сообщению временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в НКВД СССР от 15 марта 1938 г., Г. Геринг дал послу Чехословакии в Рейхе В. Мацному заверение в том, что Германия не преследует никаких враждебных к Чехословакии целей¹⁴.

В этой связи особую актуальность представляет вопрос о том, как ведущие державы отреагировали на исчезновение суверенного государства в центре Европы. Еще 11 марта 1938 г. Г. А. Астахов направил в Москву срочную шифротелеграмму, касающуюся аншлюса. Согласно данному документу, после Берхтесгаденского соглашения между Германией и Австрией от 12 февраля 1938 г., в соответствии с которым нацисты получали фактически безграничную свободу действий на территории соседнего государства (в частности, снимался запрет на деятельность нацистской партии, а протезе А. Гитлера А. Зейсс-Инкварт получал пост министра внутренних дел), французский посол в Германии А. Франсуа-Понсе специально посетил И. Риббентропа, заявив ему, что Франция заинтересована в судьбе Австрии. Однако И. Риббентроп ответил ему следующее: «Это вас не касается. Это германское семейное дело». Аналогичную беседу и с таким же результатом имел с И. Риббентропом и британский посол. «Франсуа-Пон-

се не обошелся без ламентаций по поводу процесса», – заключал Г. А. Астахов¹⁵. Что же касается позиции США, то о ней красноречиво свидетельствует донесение советского посла в стране А. А. Трояновского, констатировавшего, что судьба Австрии не вызывает в Вашингтоне большого беспокойства¹⁶. Интересным представляется и сообщение Г. А. Астахова о реакции Венгрии на аншлюс. Временный поверенный писал, что первым дипломатом в Берлине, признавшим присоединение Австрии к Германии, оказался венгерский посланник, который принес поздравление и заявил о решении Будапешта заменить миссию в Вене консульством¹⁷.

В итоге западные столицы (причем далеко не все) ограничились формальным демаршем в Берлине. 18 марта 1938 г. Г. А. Астахов сообщал в НКВД о выступлении А. Гитлера в рейхстаге в связи с аншлюсом, указывая, что наиболее характерным внешнеполитическим моментом речи фюрера было сочувственное упоминание о позиции Польши, Венгрии и Югославии и, особенно, Италии в отношении поглощения Германией Австрии¹⁸. Последний факт был действительно крайне важен для фюрера, ведь именно непримиримая позиция Б. Муссолини, готового едва ли не с оружием в руках отстаивать независимость Австрийской республики, оставалась единственным серьезным препятствием на пути полноценного сближения нацистского и фашистского режимов.

Принципиальным в данном контексте является вопрос о том, какой была реакция Советского Союза на произошедшие события. Проблема является особенно актуальной в свете того, что в современной научной литературе нередко недооценивается как роль аншлюса, так и в целом место Австрии в геополитических расчетах советского руководства¹⁹. Тем не менее целый ряд документов свидетельствует об обратном.

Большой интерес представляет в этой связи докладная записка, которую 14 марта 1938 г. глава советского внешнеполитического ведомства направил на имя И. В. Сталина. В ней М. М. Литвинов ясно дал понять, что считает захват нацистами Австрии крупнейшим геополитическим событием в послевоенной истории Европы, имеющим самое непосредственное отношение к безопасности СССР. Литвинов предлагал

предпринять ряд действий, в том числе «приободрить» Чехословакию, укрепить правительство Народного фронта во Франции и возложить ответственность за дальнейший ход событий на Англию²⁰. В документе содержался и проект международной декларации, в которой говорилось, что «на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для всех отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских». Нарком иностранных дел указывал на серьезную угрозу, нависшую над малыми европейскими странами, «неизбежное порабощение которых создаст предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства». В этой связи Москва в очередной раз высказывала свою готовность участвовать в коллективных действиях по предотвращению агрессии. «Завтра, – говорилось в декларации, – может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не пришло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира коллективными действиями»²¹.

О том, что руководство СССР уделило пристальное внимание последствиям аншлюса, говорит и записка Генштаба РККА от 24 марта 1938 г., посвященная вопросу действий Красной армии в случае войны против коалиции фашистских государств, явно созданная под воздействием австрийских событий. В ней говорилось, что наиболее вероятными противниками в потенциальном вооруженном конфликте следует считать германо-итальянский блок, поддержанный Японией и Польшей при «сильно колеблющейся» политике Англии и Франции. «Таким образом, – отмечалось в документе, – Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на востоке против Японии»²².

27 марта 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило, что ввиду уничтожения Австрии в качестве самостоятельного государства необходимо ликвидировать полпредство СССР в Вене, не создавая там консульства²³. Начался новый виток

европейского кризиса, связанный с агрессивными притязаниями нацистской Германии на другое суверенное государство в центре Европы – Чехословакию, являвшуюся при этом союзником Франции и Советского Союза по пакту о взаимопомощи 1935 г.

В заключение следует отметить, что ставшие сегодня доступными документы из российских архивов не позволяют усомниться в том, что в Кремле четко отдавали отчет о серьезности развивавшихся на международной арене кризисных явлений, до последнего надеясь побудить страны–гаранты послевоенного порядка к коллективному противодействию агрессии на европейском континенте. Советский Союз, который в начале 1938 г. ни с экономической, ни с военно-политической точки зрения совершенно не был готов к большой войне, едва ли не больше других европейских государств желал мира. В Москве справедливо полагали, что следующей целью Берлина станет Чехословакия, в которой проживало значительное немецкое большинство и которая была связана с СССР договором о взаимопомощи. Сталинское руководство активно призывало западные державы – основатели Версальской системы к коллективным действиям, способным предотвратить дальнейшую экспансию нацистской Германии, объективно стремившейся к развязыванию новой мировой бойни. Однако в Великобритании уже тогда, весной 1938 г., сделали ставку на политику умиротворения А. Гитлера, надеясь направить разрушительную энергию нацистского режима против Советского Союза, не считаясь при этом с издержками, особенно, если они не затрагивали экзистенциальные интересы Британской империи. Франция же, погрязшая во внутривнутриполитических противоречиях и экономических проблемах, оказалась не в состоянии выработать самостоятельную линию поведения в европейском кризисе, попала под влияние Лондона и превратилась в пассивного наблюдателя губительной британской стратегии, жертвами которой одна за другой становились центрально-европейские страны, не способные в одиночку оказать сопротивление Третьему рейху. В США и вовсе самоустранились от стремительно нараставших кризисных явлений в Старом Свете. Италия, в свою

очередь смирившись с поглощением Австрии Германией, взяла курс на полноценный союз с ней, что в итоге привело к заключению «Стального пакта» весной 1939 г.

В целом позиция большинства крупных игроков на европейской и мировой арене в отношении австрийских событий продемонстрировала всю полноту кризиса Версальской системы международных отношений, неготовность одних держав к сохранению послевоенного порядка и, наоборот, стремление других этот порядок как можно быстрее разрушить. Редким исключением в этом плане оказался Советский Союз, голос которого, однако, в столицах западных демократий услышан не был. С практической точки зрения именно аншлюс Австрии открыл дорогу к Мюнхенскому соглашению осенью 1938 г., после которого большая война в Европе стала неизбежной.

Примечания

¹ Цвейг, С. Вчерашний мир. Москва: Радуга, 1991. С. 354.

² Holzer, G. Verfreunde Nachbarn Osterreich – Deutschland. Ein Verhältnis. Wien: Kremayr & Scheriau publ., 1995. S. 56.

³ Швейцер, В. Советский Союз и аншлюс 1938 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 2. С. 226.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. За. Д. 500. Л. 71.

⁵ Наумов, А. О. Европа на краю бездны. Кризис и крах Версальской системы международных отношений. Москва: АРГАМАК-МЕДИА, 2020. С. 223.

⁶ Das 25-Punkte-Programm der NSDAP // Documentarchiv. URL: <http://documentarchiv.de/wr/1920/nsdap-programm.html> (accessed: 02.10.2023).

⁷ Henderson, N. Failure of a Mission: Berlin 1937–1939. N. Y.: G. P. Putnam's Sons publ., 1940, p. 11.

⁸ Полтавский, М. А. Австрийский народ и аншлюс 1938 г. Москва: Наука, 1971. С. 46–47.

⁹ Bevölkerungsguppen in Österreich-Ungarn im Jahr 1910 // Österreich-Ungarn. URL: <https://www.xn--sterreich-ungarn-lwb.de/demografie.html> (accessed: 02.10.2023).

¹⁰ Ефименко, Е. А. Австрийцы vs. немцы: истоки определения австрийского национального самосознания // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2015. № 5–6. С. 50.

¹¹ Шифф, В. Аграрный вопрос в современной Австрии. Москва: Аграрные проблемы, 1928. С. 8.

¹² Головашина, О. В. Идея аншлюса и проект Дунайской федерации в общественном мнении Первой Австрийской республики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 10 (78). С. 137.

¹³ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1009. Л. 26–27.

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 59. Оп. 1. П. 271. Д. 1882. Л. 90.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 59. Оп. 1. П. 271. Д. 1882. Л. 85.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. Москва: МИД СССР, 1977. С. 109.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 59. Оп. 1. П. 271. Д. 1882. Л. 91.

¹⁸ Там же. Л. 98.

¹⁹ Швейцер, В. Указ. соч. С. 225–226; Волос, М. Внешняя политика СССР в 1935–1939 гг.: некоторые соображения // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Специальный выпуск. С. 167.

²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1155. Л. 31–32.

²¹ Там же. Л. 33–34.

²² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 240. Л. 121–122.

²³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 159.

Аннотация

Аннексия Австрии нацистской Германией в 1938 г. является важным этапом в кризисе Версальской системы международных отношений, который закончился развязыванием Второй мировой войны в Европе. Особое историческое и политическое значение данного события заключается в том, что это был первый агрессивный шаг Третьего рейха, приведший к исчезновению суверенного государства с карты Европы. Тем не менее в настоящее время данная проблематика представляется недостаточно изученной. Кроме того, в российской, равно как и в зарубежной историографии, Первая Австрийская республика часто рассматривается как полностью зависимый от Германии субъект международных отношений, следовавший в фарватере внешней политики своего крупного немецкоязычного соседа. Стоит отметить, что применительно к советской политике из данного утверждения многие историки делают вывод о том, что Австрия играла незначительную роль при планировании и осуществлении внешнеполитического курса

Советского Союза. Проанализированные в настоящей статье малоизвестные и новые документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) позволяют сделать заключение о том, что в действительности имела место обратная ситуация. Особое внимание уделено экономической стороне аншлюса, которая редко затрагивается в современной историографии. Методологическую базу представленного в статье исследования составляют историко-генетический и историко-системный методы, позволяющие проследить эволюцию европейской модели международных отношений указанного периода. Многоаспектный подход к рассматриваемой в статье проблематике позволяет воссоздать целостную картину происшедших событий, а также восстановить истинные причинно-следственные связи между ними. Данное обстоятельство представляет особую важность в контексте все чаще имеющих место попыток переписать историю Второй мировой войны и принизить усилия Советского Союза по ее предотвращению. Авторы приходят к выводу, что на основе новых архивных документов можно сделать однозначный вывод, что аншлюс стал одним из ключевых моментов европейской истории, который сделал неизбежным начало Второй мировой войны в Европе. Именно он закрепил магистральную внешнеполитическую линию западных демократий на умиротворение агрессоров, устранил последние серьезные препятствия для союза нацистской Германии и фашистской Италии и продемонстрировал невозможность реализации на практике стратегии коллективной безопасности, основанной на предложениях Советского Союза о создании единого антигерманского фронта.

Ключевые слова: аншлюс, Австрия, Германия, СССР, Великобритания, Франция, Версальская система, Вторая мировая война, коллективная безопасность, умиротворение агрессора.

Список литературы

Волос, М. Внешняя политика СССР в 1935–1939 гг.: некоторые соображения // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Специальный выпуск. С. 166–176.

Головашина, О. В. Идея аншлюса и проект Дунайской федерации в общественном мнении Первой Австрийской республики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 10 (78). С. 137–142.

Наумов, А. О. Европа на краю бездны. Кризис и крах Версальской системы международных отношений. Москва: АРГАМАК-МЕДИА, 2020. 480 с.

Ефименко, Е. А. Австрийцы vs. немцы: истоки определения австрийского национального самосознания // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2015. № 5–6. С. 48–52.

Полтавский, М. А. Австрийский народ и аншлюс 1938 г. Москва: Наука, 1971. 200 с.

Швейцер, В. Советский Союз и аншлюс 1938 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 2. С. 225–228.

Шифф, В. Аграрный вопрос в современной Австрии. Москва: Аграрные проблемы, 1928. 73 с.

Цвейг, С. Вчерашний мир. Москва: Радуга, 1991. 542 с.

Holzer, G. Verfreunde Nachbarn Osterreich – Deutschland. Ein Verhältnis. Wien: Kremayr & Scheriau publ., 1995. 208 p.

Сведения об авторах

Наумов Александр Олегович, доктор исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет государственного управления, профессор, г. Москва, Российская Федерация, 8-916-967-85-05, naumovao@my.msu.ru

Сенин Александр Васильевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет государственного управления, аспирант, г. Москва, Российская Федерация, 8-925-314-45-21, la1429@yandex.ru

В редакцию статья поступила 20.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-98-111

For citation

Naumov, Alexander O., Senin, Alexander V. Anschluss of Austria and the position of the Great Powers: the path to disaster. Based on little-known archival documents (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 98–111. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-98-111.

Naumov, Alexander O., Senin, Alexander V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Anschluss of Austria and the position of the Great Powers: the path to disaster. Based on little-known archival documents

Abstract

The annexation of the Austria by Nazi Germany in 1938 is an important element in the crisis of the Versailles system of international relations, which ended with the outbreak of World War II in Europe. The particular historical and political importance of this event consisted in the fact, that it was the first aggressive action of the Third Reich that led to the disappearance of a sovereign state from the map of Europe. However, despite the significance of this tragedy, it seems to be insufficiently studied in scientific literature. It should be pointed out that the First Austrian republic is often regarded in the Russian as well as foreign historiography as a subject of international relations completely dependent on Germany, fully following in the wake of the foreign policy of its large German-speaking neighbor. It should be pointed out that, with regard to the Soviet foreign policy, many foreign and Russian historians draw the conclusion that Austria played an insignificant role in the foreign policy planning of the Soviet Union. The little-known documents derived from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, the Russian State Military Archive, Russian State Archive of Socio-Political History, as well as the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation suggest otherwise. Special attention is paid to the economic side of the Anschluss, which is rarely touched upon in modern historiography. The methodological basis of the research presented below constitute historical-genetic and historical-systemic methods that are used to trace the evolution of the European system of international relations of that period. In this way, a multidimensional approach to the issues considered in the article allows us to recreate a holistic picture of the events of that time, as well as to restore the true cause-and-effect relationships between them. This circumstance is of particular importance in the context of the increasingly frequent attempts to rewrite the history of the Second World War and belittle the efforts of the Soviet Union to prevent it. The authors conclude that based on the new archival documents, it is possible to draw an unambiguous conclusion that the Anschluss became one of the key moments in European history, which made the outbreak of the Second World War in Europe inevitable. It consolidated the main foreign policy line of Western democracies to appease the aggressors, eliminated the last serious obstacles to the union of Nazi Germany and fascist Italy and demonstrated the impossibility of implementing in practice a collective security strategy based on the proposals of the Soviet Union on a united anti-German front.

Keywords

Anschluss, Austria, Germany, USSR, Great Britain, France, Versailles system, World War II, collective security, appeasement of the aggressor.

References

- Volos, M. Foreign policy of the USSR in 1935–1939: some considerations // Bulletin of MGIMO-University. 2009. Special issue, pp. 166–176.
- Golovashina, O. V. The idea of Anschluss and the project of the Danube Federation in the public opinion of the First Austrian Republic // Vestnik of Tambov University. Series: Humanities. 2009. Vyp. 10 (78), pp. 137–142.
- Naumov, A. O. Europe on the Edge of the Abyss. Crisis and collapse of the Versailles system of international relations. Moscow: ARGAMAK-MEDIA publ., 2020, 480 p.
- Efimenko, E. A. Austrians vs. Germans: the origins of the definition of Austrian national consciousness // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2015, № 5–6, pp. 48–52.
- Poltavsky, M. A. Austrian people and the Anschluss of 1938 Moscow: Nauka publ., 1971, 200 p.
- Schweitzer, V. Soviet Union and the Anschluss of 1938 // Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS, 2018, № 2, pp. 225–228.
- Schiff, V. Agrary question in modern Austria. Moscow: Agrarian Problems publ., 1928, 73 p.
- Zweig, S. Yesterday's World. Moscow: Raduga publ., 1991. 542 p.
- Holzer, G. Verfreunde Nachbarn Osterreich – Deutschland. Ein Verhältnis. Wien: Kremayr & Scheriau publ., 1995. 208 p.

About the authors

Naumov Alexander O., PhD in History, associate professor, Lomonosov Moscow State University, School of Public Administration, professor, Moscow, Russian Federation, +7-916-967-8505, naumovao@my.msu.ru

Senin Alexander V., Lomonosov Moscow State University, School of Public Administration, post-graduate student, Moscow, Russian Federation, +7-925-314-45-21, la1429@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 20.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 930.25+304.2+394.014+316.42+930.253+747.5+930.23+745/749+651.5+304.44+304.442+304.444+304.42+304.2+304.9+308+659.4+32.019.5+32.019.51+32.019.52+323.2+37.035.4+351.854+351.855.1+351.855.2+351.856+351.858+336+352.075.2+35.086.11+35.089.7+35.081.71+35.088.9+379.816

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-112-125

Для цитирования

Ананьев, В. Г. «Как нам жить дальше»: комбинаты Ленинградского отделения Художественного фонда СССР накануне «оттепели» на рубеже 1940–1950-х гг. По материалам ЦГАЛИ СПб // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 112–125. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-112-125

Ананьев, В. Г.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

«Как нам жить дальше»: комбинаты Ленинградского отделения Художественного фонда СССР накануне «оттепели» на рубеже 1940–1950-х гг. По материалам ЦГАЛИ СПб

Советская повседневность в последние годы становится одним из актуальных предметов изучения исторической науки. Наиболее востребованным подходом является региональный, направленный на выявление локальных особенностей формирования бытовой среды в контексте конкретного топоса. В рамках этого подхода исследователи уже обращались к историко-бытовому измерению прошлого Ленинграда, в частности, выясняя роль так называемой «бытовой классики» как феномена ленинградской послевоенной культуры. О. С. Сапанжа и Е. К. Блинова выделяют следующую специфику конкретно-исторической ситуации, в которой на рубеже 1940–1950-х гг. происходило формирование «модели повседневной культуры Ленинграда»: во-первых, это ориентация позднего сталинизма на прошлое как основу для формирования актуальной повестки; во-вторых, влияние «Ленинград-

ского дела»; в-третьих, рост численности жителей города за счет горожан первого и второго поколения¹. О. С. Сапанжа был предложен и термин «программа камерной пропаганды», отсылающий к набору конкретных практик в рамках государственной стратегии в области выстраивания бытовой среды советского человека посредством трансляции значимых для власти образов и идей через предметы, составляющие непосредственное бытовое окружение горожанина. Данный концепт важен для понимания реальных механизмов того, как через бытовую среду формировалась заданная идентичность советского человека.

Особый интерес представляют в рамках данного направления периоды корректировки/смены государственной повестки, обусловленные глобальными переменами (реальными или декларируемыми) политики государства. В статье сконцентрируемся на переходе от периода позднего сталинизма к периоду «оттепели». В качестве источников используются материалы Ленинградского отделения Художественного фонда СССР, недостаточно изученные и содержащие значительный потенциал для целого ряда направлений исследования. Обращение к ним дает возможность увидеть конкретную обстановку, в которой реализовывались / не реализовывались государственные установки, и понять, как обстоятельства советской повседневности корректировали государственные интенции в области конструирования этой повседневности.

Художественный фонд СССР был образован в 1940 г. как общественная организация при Союзе художников СССР. Одной из его задач было заявлено содействие творческой деятельности членов фонда. Особый интерес представляет тот факт, что при фонде действовал ряд производственных предприятий, в том числе комбинатов и мастерских, напрямую связанных с производством предметов, формирующих бытовую среду повседневности советского человека. Этими предприятиями реализовывались заказы на изготовление таких предметов, оформление выставок, городского пространства и т. п. Отделения фонда существовали в ряде городов РСФСР и в союзных республиках².

Ленинградское отделение фонда было организовано в 1944 г. при Художественном фонде СССР, а в 1957 г. передано в ведение Художественного фонда РСФСР. К 1956–1957 гг. в структуре отделения, кроме Дома творчества и салона-магазина, действовало и несколько предприятий: художественно-оформительский и живописно-скульптурный комбинаты. В теории они должны были стать опорными точками для конструирования важного элемента «модели повседневной культуры города». В реальности ситуация складывалась отнюдь не так однозначно.

Переход к «оттепели» означал отказ от многих установок позднего сталинизма, но, как показывает судьба ленинградских комбинатов фонда в знаменательном 1956 г., на практике перестройка шла с большим трудом. Первой проблемой, с которой пришлось столкнуться комбинатам, была проблема руководства. Директор Живописно-скульптурного комбината Г. П. Кравченко, назначенный на эту должность в 1954 г., уже в 1955 г. был уволен «как не обеспечивший организационно-творческое руководство»³. За этой формулировкой скрывалось то, что на одном из заседаний правления отделения в 1956 г. было названо полным несоответствием облику советского руководителя: бюрократизм, высокомерное отношение к подчиненным. Исполняющей обязанности директора стала Е. Б. Гуткина, выпускница искусствоведческого отделения Ленинградского государственного университета и одна из самых близких учениц крупного искусствоведа И. И. Иоффе⁴. Ее назначение, однако, не стало для комбината началом новой спокойной жизни. 13 сентября 1956 г. на заседании правления отделения обсуждалось анонимное письмо, полученное новым руководителем. «Хулиганское по своей форме, гнусное и по существу черносотенно антисемитское», как его определили собравшиеся, оно содержало угрозы «проломить голову» товарищу Гуткиной, если она останется работать на комбинате. Более того, неизвестные звонили на дом главе Ленинградского отделения фонда художнику К. М. Соболевскому, угрожая «нанести ему нож в спину», если он немедленно не уволит с работы Гуткину и своего заместителя по хозяйственной части И. М. Красникова. Правление

постановило не просто привлечь милицию, но и провести расследование собственными силами, т. к. было уверено, что это действия «лиц, работающих в Живописно-скульптурном комбинате»⁵. Судя по всему, речь шла не просто о сведении личных счетов, но и о вполне ощутимом финансовом интересе, ведь, как свидетельствует синхронная этой истории Художественно-оформительского комбината, работа по реализации на практике «плана камерной пропаганды» предполагала значительную денежную составляющую.

Художественно-оформительский комбинат лишился директора в сентябре 1956 г., когда с должности был снят В. И. Кукушкин⁶. И здесь дело было уже не только в недочетах организационно-творческого руководства. Его преемник и по совместительству главный художник комбината Л. И. Каратаев оставил красочное описание жизни производства в этот важнейший для страны период.

1956 г. комбинат начал впервые при твердо установленном плане по разделу художественно-оформительских работ, без права его перевыполнения и при строго лимитированном фонде зарплаты. По словам Л. И. Каратаева, «это явилось серьезным экзаменом для комбината и он этого экзамена не выдержал»⁷. Во-первых, выявилась организационная слабость самой структуры и системы работы, сформировавшейся здесь. По образному выражению нового руководителя, «стихия и самотек все еще господствуют в нашем доме и поражают нас всяческими неожиданностями»⁸. Так, в третьем квартале 1956 г. выяснилось, что фонд зарплаты неправильно распределялся по месяцам, денег не хватало, имели место задержки с выплатой, художники начали жаловаться в прокуратуру. Пришлось отказаться от ряда заказов, а это вызвало жалобы на комбинат ряда городских организаций в адрес руководства Ленинграда. Почти все руководящие кадры комбината в этот критический момент оказались в отпуске, что противоречило нормам советского законодательства. Разразилось то, что вскоре получило наименование «августовской катастрофы»⁹.

Но этого было мало, т. к. тогда же завершила работу и прокуратура, разбиравшая результаты работы ревизора по Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, к оформлению

которой был причастен комбинат. Работы ревизоров начались в 1951 г., закончились расчетами в 1956 г. и «сразу было понятно, что возможны промахи и недоработки в учете»¹⁰. Как отмечал Л. И. Каратаев, «насколько мне известно, убытки по Всесоюзной сельскохозяйственной выставке во всей системе Художественного фонда СССР определяются в размерах около пяти миллионов рублей <...> Однако люди, ничего не смыслящие в этом вопросе, далеко стоящие в стороне от выставок, когда она создавалась, много времени спустя вне учета конкретной обстановки, внеисторически, формально, а не по существу – затеяли большое уголовное дело, оскорбительное для ленинградского коллектива, работавшего на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке»¹¹.

В том же августе 1956 г., все еще без руководства, пребывающего в отпуске, и с материалами прокуратуры, «оскорбительными для ленинградского коллектива», наличные силы комбината обратились за помощью в горисполком: «Напомним о предстоящем юбилее, о 250-летию Ленинграда, о всемирном фестивале молодежи, о сороковой годовщине Октября, о предстоящих открытиях музеев города, Революции и этнографии, о юбилейных выставках, о сувенирах и т. д. и т. п. Мобилизовано все, что можно»¹². Просили снять ограничения с фонда зарплаты или предоставить дополнительный фонд: «Нам ответили хотя и отрицательно, но весьма поучительно для нас. Нам сказали – разберитесь прежде всего сами, докажите целесообразность расходования вами зарплаты в 1-м полугодии»¹³. А это оказалось сделать сложно: «Мы вышли как будто бы не из исполкомовского, а какого-то рентгеновского кабинета, где нас “насквозь” просветили <...> Пришлось разобраться самим и самим сделать ряд выводов, главным из которых является – “так дальше жить нельзя”»¹⁴.

Выявленные в ходе этого самоанализа трудности позволяют пролить дополнительный свет на конкретные обстоятельства реализации программы формирования бытовой среды советского ленинградца эпохи ранней «оттепели».

Во-первых, существенный интерес представляет проведенный по итогам «августовской катастрофы» анализ соотноше-

ния расходования средств, выделенных комбинату, по отдельным видам творческой производственной практики. Здесь становятся видны реальные приоритеты художественно-оформительской работы так, как они воплощались на практике. На проектирование интерьеров и связанные с ним творческие решения архитектурного декора, мебели, осветительной аппаратуры, предметов быта и прикладного искусства было потрачено около 10% плановых сумм (1 млн р.). Столько же ушло на проектирование музейных интерьеров и музейных экспозиций, а также на «наиболее значительные и интересные по своему творческому решению и новизне выставки». На декоративную живопись и промышленную графику пришлось по 5% (500 т р.). А ведь это все и была группа основных и наиболее прямых творческих работ для комбината, и на нее ушло не более 30% всей годовой суммы¹⁵.

Половина плановой суммы (5 млн р.) ушла на «исполнение многочисленных выставок местного значения, пропагандирующих на местах решения XX съезда КПСС, задачи шестой пятилетки и достижения ленинградцев в области науки и технического прогресса, на создание специальных и технических кабинетов на крупнейших промышленных предприятиях города, в научно-исследовательских институтах, в военных и гражданских высших и средних учебных заведениях, а также на исполнение для них разнообразных по своему характеру учебно-наглядных пособий и плакатов (на сумму свыше миллиона в том числе)». 20% (2 млн р.) было потрачено на работы, «исполнение которых комбинат мог бы свободно избежать или хотя бы выполнить их в значительно меньшей мере <...> Это прежде всего работы по договорам с домами культуры, спортивными организациями и т. д. по обслуживанию их нужд в рекламе, в объявлениях, во всяческой текущей информации и работы по договорам со многими техническими и ведомственными издательствами на исполнение для них технической графики и издательской фоторетуши <...> затем около 700 тыс. р., поглощенных всякими мелкими оформительскими и шрифтовыми работами, не представляющими какого-либо творческого интереса для Художественного фонда <...>, довольно большой процент их

выходит за пределы комплексных работ и является простым фоторепортажем». Наконец, еще около полумиллиона потребовала работа по изготовлению портретов и панно в технике сухой кисти для внешнего оформления города в дни массовых празднеств¹⁶.

Во-вторых, следовало обратить внимание на актуальную систему расценок за различные виды работ. Действующие расценки предполагали более высокую и выгодную оплату труда за исполнительские работы, чем за более трудоемкие творческие. Планы по творческим работам не выполнялись, а планы по исполнительским перевыполнялись в полтора-два раза. В итоге: «на подлинно-творческих работах, требующих серьезных профессиональных усилий со стороны художника в поисках новых и принципиально-интересных решений, требующих предварительного экспериментирования и высокохудожественного качества исполнения задания – значительно труднее обеспечить себе высокий среднемесячный заработок, чем на так называемых “оперативно-творческих” работах, являющихся по существу перепевом ранее сделанного или виденного, повторением пройденного, скучнейшими и тормозящими развитие нашего искусства штампами и даже на простых исполнительских работах»¹⁷.

Главный художник комбината явно знал, о чем говорил, когда признавался: «Для того, чтобы дважды в месяц получить в комбинате зарплату и сохранить тем самым покой и равновесие в своей семье, художнику следует за крайне короткий срок не только выполнить до конца работу, но и успеть провести ее через Художественный совет, утвердить ее и там, и у заказчика, определить и согласовать окончательную стоимость этой работы, заактировать ее, оформить наряд и двинуть этот наряд по многоколейному пути начисления зарплаты от цеха к кассе. Естественно, что при серьезных и трудоемких творческих работах такие сверхскоростные и акробатические действия исключены»¹⁸. Поэтому зарплата высококвалифицированного творческого художника нередко оказывалась ниже зарплаты художника средней квалификации или даже простого исполнителя. О мотивации творческого процесса говорить здесь не приходилось.

Наконец, в качестве особенно трудных участков были выделены работа цеха художественных изделий и организация экспериментальной базы для создания предметов прикладного искусства, т. е. то, что как раз и должно было самым непосредственным образом способствовать реализации на практике плана камерной пропаганды¹⁹.

О чем говорят приведенные выше факты? Что они могут дать полезного для изучения истории формирования вещественной среды быта советского человека на переломном этапе смены идеологических ориентиров? Во-первых, при анализе обстоятельств проведения в жизнь плана камерной пропаганды следует учитывать личностный фактор, связанный с теми, кто непосредственно осуществлял руководство реализацией спускаемых сверху установок. На обоих комбинатах в 1955–1956 гг. сменилось руководство, директора были сняты со своих постов как несправившиеся с работой, относительно одного мы точно знаем, что нарекания вызывало его несоответствие облику советского руководителя, относительно другого – нарушения в финансовой сфере, да еще и «безответственный» отпуск. Неизбежно на ум приходит товарищ Огурцов из «Карнавальная ночи» Э. Рязанова, как раз и вышедшей на экраны в 1956 г. Бюрократ и очковтиратель становится не только востребованным образом массового искусства, но и успешно разоблачается на местах. Пример возглавившей Живописно-скульптурный комбинат Е. Б. Гуткиной показывает еще одну особенность этого личностного фактора, т. к. полученное ею анонимное письмо характеризовалось с трибуны правления отделения как антисемитское и черносотенное. Для позднего сталинизма антисемитизм был одной из важнейших повесток. Разоблачение его в публичной сфере, от противного, стало одним из проявлений нового времени, ну а сам факт присутствия – наследием старого.

В такой же связке старого и нового следует рассматривать и результаты ревизорской проверки по поводу участия ленинградского комбината в организации сельскохозяйственной выставки. Начатая в 1951 г., эта проверка едва ли не была связана с «Ленинградским делом» и на своем скромном участке реализовывала ту же самую большую повестку.

Таким образом, ко второй половине 1950-х гг. не только образы, но и кадры Ленинграда все еще находились в переходной области «неполной видимости».

Во-вторых, важным кажется обратить внимание на соотношение направлений работы Художественно-оформительского комбината. Практически половина выделенной ему суммы ушла на пропаганду решений партии и правительства самым прямолинейным способом через локальные агитвыставки, кабинеты достижений, плакаты и т. п. На втором месте стояли работы, которых, по собственному признанию нового руководства, комбинат вполне мог избежать и которые не носили по-настоящему художественного характера (работы по рекламе, объявлениям, фоторетуши и т. п.). Только треть от выделенной суммы ушла на основные для предприятия творческие работы, связанные с проектированием интерьеров и дизайном, а также новыми выставками и экспозициями. Причем изготовление предметов прикладного искусства было признано одним из самых проблемных участков. Причины такого несоответствия среди прочего коренились в принятой системе оплаты труда, которая предполагала явный приоритет количественных показателей над качественными и никак не стимулировала творческие искания художников.

На уровне риторики выход из создавшегося положения определялся довольно легко. Все тот же главный художник Художественно-оформительского комбината, возглавивший его после «августовской катастрофы», формулировал его четко и в соответствии с духом времени: «Мы обязаны ограничивать непомерно высокие заработки там, где для этого нет никаких оснований, где господствует дух делячества и чистогана, где деньги куются ради денег, вне какой-либо связи с интересами искусства и, наоборот, мы обязаны не только морально, но и материально поддерживать, поощрять все творческо-действенное, новое, способствующее развитию нашей художественной культуры»²⁰. На практике реализовать это было гораздо сложнее. Дальнейшее изучение результатов этой поддержки «всего творчески-действенного» должно учитывать и конкретные социальные обстоятельства воплощения данных идей и образов на практике.

Примечания

¹ Блинова, Е. К., Сапанжа, О. С. Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры // *Международный журнал исследований культуры*. 2022. № 2 (47). С. 6–17. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://culturalresearch.ru/article/blinova-e-k-sapanzha-o-s-bytovaya-klassika-kak-fenomen-leningradskoj-poslevoennoj-kultury/> (дата обращения 30.08.2023).

² Айнутдинов, А. С. Из истории Свердловского отделения Художественного фонда СССР 1940-х годов: рождение организации и начало ее работы // *Искусство Евразии*. 2021. № 3 (22). С. 10–21. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/743> (дата обращения 30.08.2023).

³ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 373. Оп. 1. Д. 4. Л. 215.

⁴ Сыченкова, Л. А. Образ Иеремии Исаевича Иоффе в письмах и воспоминаниях родственников и учеников // *Историки об историках. К юбилею профессора Г. П. Мягкова*. Москва: Аквилон, 2022. С. 230.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 373. Оп. 1. Д. 4. Л. 201–202.

⁶ Там же. Д. 67. Л. 27.

⁷ Там же. Д. 57. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 3–4.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 8–9.

¹⁶ Там же. Л. 9–10.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ Там же. Л. 14.

Аннотация

Статья посвящена особенностям деятельности комбинатов Ленинградского отделения Художественного фонда СССР на рубеже 1940–1950-х гг. В основе статьи лежат материалы из фонда отделения, отложившиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Исследовательский подход, в рамках

которого анализируются архивные материалы, связан с изучением повседневности как одного из актуальных направлений современной исторической науки. Исследователи говорят о «программе камерной пропаганды», действовавшей в художественном производстве СССР середины – второй половины XX в. Материалы фонда отделения позволяют проследить те конкретные проблемы, с которыми сталкивалась реализация этого плана на практике. С опорой на этот источник можно понять, как реальность корректировала идеологические установки. В центре внимания статьи деятельность Живописно-скульптурного и Художественно-оформительского комбинатов отделения. В качестве хронологического маркера выбран 1956 г. как момент перехода от одного политико-культурного периода к другому, от периода «позднего сталинизма» к периоду «оттепели». Проанализированные в статье архивные материалы позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, значительные коррективы в работу комбинатов вносил личностный фактор. С одной стороны, здесь велась борьба с бюрократизмом и рутинерством. С другой стороны, публично озвучивались установки на борьбу с антисемитизмом. И то, и другое должно было продемонстрировать новую идеологическую атмосферу, «исправление ошибок прошлого». Во-вторых, важную роль в реальном участии комбинатов в процессе формирования жизненной среды советского гражданина играло распределение финансирования по конкретным направлениям деятельности. Наиболее художественные направления, связанные с изготовлением предметов прикладного искусства и дизайном интерьеров, получали меньше всего денег. Основные средства уходили на прямую пропаганду и текущую техническую работу. Наконец, еще одним фактором корректировки стала принятая система оплаты труда. Она делала более выгодными работы не творческие, а рутинные, связанные с повторением уже сделанного ранее. Весь этот комплекс факторов, естественно, накладывал отпечаток на реализацию идеологических установок и корректировал проведение в жизнь «плана камерной пропаганды». Представляется, что данное направление исследований может иметь существенный интерес как для изучения деятельности предприятий художественной промышленности СССР, так и для политической истории страны и истории ее повседневности. Научный потенциал соответствующих архивных материалов, часть из которого не привлекала внимания исследователей, весьма велик.

Ключевые слова: история повседневности, советская повседневность, декоративно-прикладное искусство, предприятия художественной промышленности, план камерной пропаганды, формирование жизненной среды, Ленинградское отделение Художественного фонда СССР.

Список литературы

Айнутдинов, А. С. Из истории Свердловского отделения Художественного фонда СССР 1940-х годов: рождение организации и начало ее работы // Искусство Евразии. 2021. № 3 (22). С. 10–21. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/743> (дата обращения 30.08.2023).

Блинова, Е. К., Сапанжа, О. С. Бытовая классика как феномен ленинградской послевоенной культуры // Международный журнал исследований культуры. 2022. № 2 (47). С. 6–17. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://culturalresearch.ru/article/blinova-e-k-sapanzha-o-s-bytovaya-klassika-kak-fenomen-leningradskoj-poslevoennoj-kultury/> (дата обращения 30.08.2023).

Сыченкова, Л. А. Образ Иеремии Исаевича Иоффе в письмах и воспоминаниях родственников и учеников // Историки об историках. К юбилею профессора Г. П. Мягкова. Москва: Аквилон, 2022. С. 209–233.

Сведения об авторах

Ананьев Виталий Геннадьевич, доктор культурологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра искусствоведения и педагогики искусства, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, vgananev@herzen.spb.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (№ 23-18-00419) «Предприятия художественной промышленности Ленинграда».

В редакцию статья поступила 05.09.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-112-125

For citation

Ananiev Vitaly G. “How should we live on”: combines of the Leningrad branch of the USSR Art Fund on the eve of the “thaw” at the turn of the 1940s-1950s. Based on materials of the TsGALI SPb (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 112–125. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-112-125

Ananiev Vitaly G., Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

“How should we live on”: combines of the Leningrad branch of the USSR Art Fund on the eve of the “thaw” at the turn of the 1940s–1950s. Based on materials of the TsGALI SPb

Abstract

The article is devoted to the activities of the combines of the Leningrad Branch of the USSR Art Fund in the mid-1950s. The article is based on materials from the Branch's fund deposited in the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. The research approach according to which the material is analyzed is connected with the study of everyday life as one of the relevant areas of modern historical science. Researchers advocate the "chamber propaganda program" that operated in the art production of the USSR in the mid- second half of the 20th century. The material of the Leningrad Branch's fund allows us to trace the specific problems faced by the implementation of this plan in practice. Basing on this source, we reveal how reality corrected ideological attitudes. The focus of the article is on the activities of the Painting and Sculpture and Art-design combines of the Branch. The year 1956 was chosen as a chronological marker, as the moment of transition from one political and cultural period to another, from the period of "late Stalinism" to the period of "Thaw". The archival materials analyzed in the article allow us to draw the following conclusions. Firstly, the personal factor made significant adjustments to the work of the combines. On one hand, there was a struggle against bureaucracy and routine. On the other hand, policy on combating anti-Semitism was publicly announced. Both were supposed to demonstrate a new ideological atmosphere, "correction of the mistakes in the past". Secondly, an important role in the real participation of combines in the process of forming the living environment of a Soviet citizen was played by the distribution of funding in specific areas of activity. The most artistic trends related to the manufacture of applied art and interior design received the least money. The main funds were spent on direct propaganda and ongoing technical work. Finally, another factor of adjustment was the accepted system of wage payment. It made more profitable work not creative, but routine, related to the repetition of what had already been done earlier. All that complex of factors, of course, left its mark on the implementation of ideological attitudes and corrected the implementation of the "chamber propaganda plan". It seems that this trend of research may be of significant interest both for studying the activities of the enterprises of the USSR art industry, and for the political history of the country and the history of its everyday life. The scientific potential of the relevant archival materials, some of which did not attract the attention of researchers, is extremely great.

Keywords

History of Everyday Life, Soviet Everyday Life, Applied Arts, Enterprises of Decorative Industry, Plan of the Chamber Propaganda, Formation of Environment for Life, the Leningrad Branch of the Art Fund of USSR.

References

Ainutdinov, A. S. From the history of the Sverdlovsk branch of the USSR Art Fund of the 1940s: the birth of the organization and the beginning of its work (In Russ.). IN: *Art of Eurasia*. 2021. № 3 (22). pp. 10–21. Electronic resource. Mode of access: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/743> (date of circulation 30.08.2023).

Blinova, E. K., Sapanja, O. S. Domestic classics as a phenomenon of Leningrad postwar culture (In Russ.). IN: *International Journal of Cultural Research*. 2022. № 2 (47). Pp. 6–17. Electronic resource. Access mode: <https://culturalresearch.ru/article/blinova-e-k-sapanzha-o-s-bytovaya-klassika-kak-fenomen-leningradskoj-poslevoennoj-kultury/> (date of circulation 30.08.2023).

Sychenkova, L. A. Image of Jeremiah Isaevich Ioffe in letters and memoirs of relatives and students (In Russ.). IN: *Historians about historians. To the anniversary of Prof. G. P. Myagkov*. Moscow: Aquilon, 2022. Pp. 209–233.

About the authors

Ananiev Vitaly Gennadievitch, Doctor of Cultural Studies, the Herzen State Pedagogical University of Russia, department of art history and pedagogy of arts, professor, Saint-Petersburg, Russian Federation, vgananev@herzen.spb.ru

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Science Fund (no. 23-18-00419) “The enterprises of the art industry in Leningrad in the 1940–1960s and their role in formation of the living environment”.

The article was received in the editorial office on 05.09.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 002.6.048.26+93/94+329.051+329.15+930.25+303.832.24+303.833.5+303.833.6+303.833.73+002.63+32.019.52+659.4+329.055+329.1/.6+329.8+35.977.535.3

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-126-139

Для цитирования

Суданц, Б. М. Внутрипартийная дискуссия по четвертому проекту программы КПСС в 1991 г. По материалам заседания постоянной идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре от 12 июля 1991 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 126–139. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-126-139

Суданц, Б. М.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Внутрипартийная дискуссия по четвертому проекту программы КПСС в 1991 г. По материалам заседания постоянной идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре от 12 июля 1991 г.

Статья посвящена изучению партийной дискуссии в связи с подготовкой четвертого проекта программы КПСС в 1991 г. Актуальность темы обусловлена важностью рассмотрения различных точек зрения внутри партии из-за предстоящей смены ее идеологической парадигмы. В исследовании ставится задача выявить политические взгляды и альтернативное видение партийной программы у участников диспута для понимания идейных умонастроений в КПСС. Не менее значимая цель заключается в определении перспектив партии на преодоление внутренних противоречий. Предстоит установить, были ли они разрешимы и могла ли КПСС избежать раскола.

Для полноценного исследования применялись классические исторические методы: нарративный и историко-типологический. Документальной базой статьи стала «Стенограмма совместного заседания идеологической комиссии и комиссии

по науке, образованию и культуре от 12 июля 1991 г.», включенная в фонд «Комиссии ЦК КПСС (1989–1991 гг.)» Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Данный источник восполняет пробел в научных знаниях о партийных дискуссиях на последнем этапе перестройки.

Тема изучения политических дискуссий внутри партии большевиков актуальна у современных исследователей. Так, в работе Е. В. Бадаева и О. В. Бирюковой на основе публичной полемики коммунистических вождей выстраиваются три концепции организации быта советских граждан в 1920-х гг.¹ Статья Д. А. Баринаова посвящена анализу пропагандистской деятельности левой оппозиции в стенах Ленинградского университета. Автор акцентирует внимание на дискуссиях среди рядовых партийцев². В публикации В. М. Кружинова и З. Н. Соковой изучается известная дискуссия о профсоюзах перед X съездом РКП(б) по материалам региональных партийных организаций Урала³.

Тем не менее партийная дискуссия о четвертом проекте программы КПСС так и не стала объектом изучения в научных публикациях, что только актуализирует наше исследование.

К концу перестройки КПСС фактически перестала быть единой и монолитной партией. Внутри организации велась борьба между разными платформами, представленными коммунистами-демократами, умеренными реформаторами и ортодоксальными марксистами. Предвосхищая потенциальный раскол, М. С. Горбачев прибег к оригинальному методу консолидации враждующих фракций через принятие новой программы на XXVIII съезде. По замыслу генсека в ней предстояло содержательно обновить цели, задачи и идеологию КПСС. Ведь положения прежнего документа провоцировали деструктивные споры, поскольку не отвечали новым политическим веяниям, что не устраивало лево-радикальный лагерь во главе с коммунистами-демократами. В свою очередь противники «горбачевских реформ» использовали принципы старой программы в качестве инструмента защиты своей консервативной позиции. Новая концепция лишила бы фракции формальных оснований продолжать политический конфликт.

Однако принятие программы не удалось форсировать. На съезде избрали программную комиссию, в чью обязанность входило составление проекта. Тем не менее работа затянулась. Только к июлю 1991 г., спустя год после съезда, был готов четвертый проект программы. Последние редакторские правки поручили внести комиссиям при ЦК КПСС к предстоящему июльскому пленуму, который созывался для утверждения итогового варианта.

Полномочия комиссий распространялись на стратегическое планирование партийной политики. Новым структурам придавался статус мозгового центра партии. Они образовывались из членов ЦК партии, то есть управленческой элиты КПСС. М. С. Горбачев считал, что комиссии в скором времени должны будут заменить старую систему отделов и секретариат ЦК КПСС. Всего их существовало два вида: постоянные комиссии по основным направлениям деятельности ЦК, чью работу регулировал устав; и комиссии по резолюциям XXVIII съезда. Разной была только нормативная база, компетенция содержательно не различалась. К первому виду относилась идеологическая постоянная комиссия, ко второму – комиссия по науке, образованию и культуре⁴. Именно о дискуссии, состоявшейся на их совместном заседании, и пойдет речь в статье.

Исходя из личного восприятия программы участников полемики можно условно разделить на три политические группы: консерваторов, центристов и реформаторов. Особую нетерпимость к документу как концептуальному замыслу партии испытывали консерваторы. Они выступали решительно против публикации проекта документа, настаивая на существенном редактировании программы. Фракция вменяла в вину программной комиссии небрежную разработку проекта. Противники реформ критиковали непоследовательность в целеполагании, осуждали игнорирование в документе рабочих рецептов по выходу партии из политического кризиса.

Концентрированно суть данных измышлений передал первый секретарь Луганского обкома А. И. Онищенко. В своем выступлении он говорил: «<...> с этим проектом программы выходить на пленум Центрального Комитета нельзя. Его надо

доработать, переработать <...>, комиссия слабо обсуждала концепцию проекта»⁵. И далее: «Проект сегодня слабо показывает, как партия сейчас может реализовать свой потенциал в динамичной <...> обстановке, из которой ей надо выходить»⁶. Подобные суждения имели большую популярность среди консерваторов. Не менее острую характеристику получили идейно-политические положения программы.

Так, ортодоксальные коммунисты выражали резкое несогласие с историко-моральным смыслом проекта, выполненным в самокритических тонах. В выступлении члена комиссии по науке, образованию и культуре Н. С. Скрипникова ярко ощущался эмоциональный протест против попыток призвать партию к покаянию перед советским народом. Оратор произносил такие слова: «Нельзя представлять КПСС как партию, которая бесконечно заявляет о своих ошибках <...>. Как кающуюся партию <...> такие заявления порядком надоели <...>. Пусть кается Яковлев. Пусть кается Шеварнадзе <...>, которые довели партию до такого состояния. С чего бы это партия должна все время стоять на коленях и расплакиваться, приносить извинения»⁷. В этом небольшом отрывке отчетливо отражена усталость консервативной части партийного актива от самобичеваний за преступления прошлого. Такая позиция ортодоксов вряд ли способствовала положительному диалогу с теми, кто настаивал на продолжении покаяний.

Пристальное внимание консерваторы уделяли слабой проработке социальных механизмов защиты населения в проекте программы. Параллельно критиковались тезисы, связанные с признанием рыночной экономики в качестве прогрессивного явления, поскольку она, по мнению этатистов, приводит к нестабильности внутри общества и делит его на антагонистические классы. Традиционалисты выступали за ограничение рынка и государственный контроль экономических процессов. Данную позицию аргументированно осветил член комиссии по науке, образованию и культуре А. И. Татаркин: «Разве могут рыночные отношения определить стратегию социально-экономического развития? Да нет, это невозможно <...>. Отказываться от планомерного <...> регулирования экономических отношений не просто шаг назад <...>. Это отступление от идеалов

социализма <...>. Разве могут рыночные отношения <...> обеспечить социальную защищенность населения? А в проекте программы вообще не высказано отношение партии к сочетанию плановых и рыночных регуляторов»⁸. Таким образом, приверженность к старому социально-централизованному планированию стала отличительной чертой противников экономического либерализма программы.

В дискуссии нашлось место и ранее часто поднимавшейся теме искусственного ослабления партии. В ходе политической реформы 1988–1991 гг. предусматривалось сократить аппарат КПСС и ликвидировать ее рабочие структуры, представленные в управленческой иерархии страны. Данные процессы протекали под предлогом передачи реальной власти государственным органам. Изъятие организационной компетенции у партии провоцировало недовольство консерваторов.

На совместном заседании антипартийную суть проекта программы критиковал первый секретарь Львовского обкома КПСС К. В. Секретарюк. Комментируя текст проекта, спикер осуждал абстрактные положения о разрушении тоталитарных структур в политической системе: «Каких? Какие они еще остались? Что надо еще уничтожить? <...> Ведь партию тоже представляют одним из элементов тоталитарной структуры». Другой импульсивный тезис оратор направлял на размытое утверждение о переходе партии аппаратного типа к самостоятельной организации: «Ни черта не понятно. Так что, мы теперь будем без аппарата? Типа клуба какого-то? Как же так можно»⁹. В результате непримиримость традиционалистов в вопросе изъятия властных полномочий у партии усиливала накал конфликта как между рядовыми партийцами, так и внутри правящего руководства.

Учитывая новую социально-экономическую действительность, связанную с появлением частных собственников и коммерсантов, консерваторы хотели закрепить в программе общественные классы, на которые партия будет опираться в своей борьбе. Проект же в духе еврокоммунизма отдавал предпочтение широким слоям населения. Новое осмысление классового подхода в рамках предстоящей многопартийности представил член постоянной идеологической комиссии

Б. Г. Кибирев: «<...> я абсолютно уверен, что общенародной партии у нас в стране больше не будет <...> партия является партией человека труда с четкой организацией и с четкой дисциплиной»¹⁰. В итоге данный лейтмотив привел к деструктивному столкновению между приверженцами привычной ориентации на рабоче-крестьянские массы и ревнителями социал-демократической идеи о представительстве интересов всех социальных слоев страны.

Таким образом, основные идеи консервативного блока представляются отражением противоречивых итогов перестройки, ослабивших государство, партию и советское общество. Умеренные принципы действительно можно было утвердить в программе, например, прогрессивный тезис о социальной защите населения. А вот радикальные предложения, например лимитирование рыночных отношений или возвращение к статусу партии-гегемона, вряд ли привели к компромиссу с другими течениями в КПСС. В особенности это касается реформаторов, фракции с противоположными ортодоксам взглядами.

После выхода демократической платформы из КПСС реформаторы заняли место левой политической силы, настаивающей на усилении перестроечных инициатив. В их представлениях программа соответствовала решениям XXVIII съезда КПСС. Приверженцы политики М. С. Горбачева были согласны с духом и принципами проекта. Тем не менее их не удовлетворяли примирительные формулировки, направленные на сглаживание противоречий в партии. Реформаторы желали форсировать изменения, привести программу к максимально гуманистическому виду.

Так, в выступлении вице-президента Академии педагогических наук В. В. Давыдова подтверждалась линия на одобрение проекта: «Меня как коммуниста <...> удовлетворяет смысл этой программы»¹¹. Оратор предлагал внести правки в текст по более однозначному отношению к различным формам собственности и признанию за бизнесом ведущей роли в экономике страны: «Это отношение должно быть более четким, с признанием необходимости равноправия всех форм собственности. И с частным предпринимательством

следует <...> признавать его громадные экономические возможности. Без частного предпринимательства <...>, разумно проводимой приватизации наша экономика даже за десятилетие не может выйти на тот цивилизованный уровень, который является одной из целей»¹². Проанализировав содержание речи В. В. Давыдова, можно констатировать, что положительное отношение реформаторов к коммерческой деятельности и частной собственности противоречило убеждениям консерваторов о государственном контроле рыночных отношений.

В вопросе продолжения самокритики и публичных покаяний реформаторы занимали активную позицию. Откровенно о поддержке разоблачений партийных лидеров прошлого говорил член ЦК КПСС Л. Н. Мкртчян: «<...> пока не пойдет персонификация, пока не будет общественного порицания – я против гробокопательства <...>. Но пока не будет общественного порицания тем, кто насадил <...> всю гамму негативную в нашу действительность, толку не будет <...> виноваты исключительно те, кто был раньше»¹³. Предложение заниматься самобичеванием вряд ли встретило понимание среди консервативных кругов. В восприятии номенклатуры раскаяние было равносильно проявлению политической слабости.

В ходе полемики довольно оригинальную идею предложил советник постоянной идеологической комиссии В. Ф. Халипов. Спикер говорил следующее: «А может быть, время классических политических партий и время классических политических программ отходит в прошлое? <...> приходит время партий, движений, которое объединяет огромные социальные слои»¹⁴. Фактически речь шла о массовых политических партиях-движениях, пользовавшихся популярностью у оппозиционных сил. В выступлении докладчик подвергал критическому анализу два основных тезиса консерваторов. Первый из них заключался как раз в сохранении КПСС в качестве руководящей, правящей силы в СССР. Второй тезис апеллировал к защите конкретных классовых интересов трудящихся, а не всего общества.

Подробно рассмотрев нарративы реформаторов, можем сделать вывод, что их правки к проекту программы КПСС

воспринимались оппонентами как реальная угроза собственным интересам. Внятный диалог между настолько противоположными позициями был неосуществим.

Тем не менее в дискуссии принимала участие третья сила – центристы. В их размышлениях программа одобрялась, но нуждалась в умеренной редакции. Как правило, эти изменения сочетали предложения реформаторов и смягченные тезисы ортодоксов, что в теории могло стать отличным подспорьем для взаимных уступок.

Компромиссный доклад принадлежал известному публицисту Р. А. Медведеву. В своей речи спикер одобрял проект: «Я думаю, как проект <...> программа состоялась»¹⁵. Высказываясь о положительной роли частной собственности в экономике, оратор одновременно осуждал идеализацию западного образа жизни. В программе Р. А. Медведев предлагал отразить рациональную критику капитализма с марксистских позиций: «<...> в развитых капиталистических странах масса острых противоречий <...> этот жизненный уровень создается <...> за счет и накопленного богатства эксплуатации всего мира, и сохраняющейся эксплуатации всего мира»¹⁶. В вопросах самокритики спикер не присоединился к покаянию за преступления прошлого, а акцентировал внимание на неудачах перестройки.

К центристской фракции принадлежал председатель идеологической постоянной комиссии и член Политбюро А. С. Дзасохов. Поскольку он председательствовал на самом заседании, то в его роль входило обобщение всех выступлений в конце дискуссии. В заключительном слове А. С. Дзасохов подтвердил требование большинства участников о редактировании проекта: «В таком виде проект публиковать не следует»¹⁷. Далее он призывал точнее определить идеологию, политические цели партии: «Между тем какие-то мировоззренческие принципы мы должны определить в рамках самой партии. Это не сектантство»¹⁸. В рамках дискуссии об историческом прошлом председатель просил «не закрываться огромной частью историко-научного анализа наших бед»¹⁹. В конце доклада спикер настаивал на защите социалистических воззрений как очень важной части программы.

Таким образом, вышеприведенные суждения членов центристской фракции убеждают нас в том, что примиренческая альтернатива существовала на повестке дня. Но были ли заинтересованы в ней правые и левые радикалы? С уверенностью можно сказать о полном равнодушии представителей противоборствующих фракций к подобной инициативе. Навязать платформам свое видение центристы также были не в состоянии, поскольку оставались в явном меньшинстве. Поэтому реформаторы и консерваторы, будучи уверены в своей победе, пытались сокрушить друг друга в политической борьбе с целью утвердить в партии свою версию программы.

Если говорить о количественном распределении выступавших по политическим взглядам, то из шестнадцати спикеров девять человек принадлежало к консерваторам, четверо – к реформаторам и трое, включая председателя, – к центристам. Численное превосходство оставалось за ортодоксами, что говорит об антиперестроечных умонастроениях в высших эшелонах КПСС.

Подводя итоги исследованию, необходимо подчеркнуть ожесточенность споров по четвертому проекту программы КПСС. Дискуссия носила непримиримый, конфронтационный характер и фактически исказила консолидирующую роль новой партийной концепции. Показательно, что на совместном заседании комиссий ЦК фракции представили три противоречащих друг другу варианта программы. В партии на тот момент не было силы, способной примирить враждующие группировки, поэтому потенциальный раскол мог стать реальностью уже на XXIX съезде КПСС. Без преувеличений можно утверждать, что дискуссия о проекте программы оказала тлетворное влияние на попытки объединить партию и подвела черту долгой истории КПСС.

Примечания

¹ Бадаев, Е. В., Бирюкова, О. В. Вопросы «советского быта» в политической дискуссии 20-х годов XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 55–59.

² Баринов, Д. А. Левая оппозиция в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 4. С. 1117–1131.

³ Кружинов, В. М., Сокова, З. Н. Дискуссия о профсоюзах накануне X съезда РКП(б): региональные практики (на материалах Урала) // Вопросы истории. 2021. № 9-2. С. 95–107.

⁴ Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 8–9 октября 1990 г. Москва: Политиздат, 1990. С. 201.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 101. Оп. 2. Д. 2. Л. 57.

⁶ Там же. Л. 58.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Там же. Л. 51.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 47.

¹⁴ Там же. Л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 19.

¹⁷ Там же. Л. 68.

¹⁸ Там же. Л. 69.

¹⁹ Там же.

Аннотация

В исследовании анализируется внутривнутрипартийная дискуссия по четвертому проекту программы КПСС в 1991 г. При изучении поставленной проблемы применялись следующие методы: нарративный и историко-типологический. Источниковой базой статьи стала «Стенограмма совместного заседания идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре от 12 июля 1991 г.» из фонда «Комиссии ЦК КПСС (1989–1991 гг.)» Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). К началу 1990-х гг. КПСС потеряла былое единство, поскольку вступила в период разрушительной фракционной борьбы. М. С. Горбачев понимал, что, если не купировать причины конфликта, то партию ждет неминуемый раскол. В качестве решения проблемы он рассматривал обновление программы КПСС, так как старая концепция не отвечала изменившейся политической обстановке и становилась важнейшим фактором конфронтации между противоборствующими

внутри ее группировками. На XXVIII съезде была избрана программная комиссия. Ее основная цель заключалась в разработке проекта документа. К 12 июля 1991 г. программная комиссия представила четвертый вариант проекта на совместном заседании постоянной идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре для последней редакции перед июльским (1991 г.) пленумом ЦК КПСС. В ходе анализа состоявшейся дискуссии удалось сгруппировать участников полемики по их политическим взглядам. Выступавшие были разделены на консерваторов, реформаторов и центристов. Участники каждой фракции имели различные взгляды на будущее программы КПСС. Так, представители консерваторов высказывались довольно жестко о слабости и несовершенстве проекта. По их мнению, он не предусматривал такие существенные элементы коммунистической идеологии, как ориентацию на пролетарские слои, опору на социальное государство с управляемой экономикой и усиление партийных структур для удержания власти. Консерваторам противостояли реформаторы с либеральной повесткой. Она включала в себя полное принятие духа программы, настойчивость в вопросе радикализации рыночных реформ и меры, ведущие к ослаблению партийной гегемонии. Последняя фракция центристов старалась примирить враждующие группировки путем создания консолидирующего варианта программы. В их предложениях присутствовали компромиссные тезисы, которые в теории могли устроить каждую из платформ. Однако прийти к соглашению не удалось, поскольку центристы не нашли поддержку других фракций и оказались в меньшинстве. Исходя из умонастроений ораторов, большинство спикеров придерживалось ортодоксальной позиции. Консерваторы были уверены в своей победе и не считали нужным уступать, впрочем, как и реформаторы. Таким образом, выявленная непримиримость и ожесточенность дискуссии показала, что внутри КПСС фракции конструктивно сосуществовать были не в состоянии. Партия неизбежно приближалась к политическому расколу.

Ключевые слова: исторические источники, перестройка, М. С. Горбачев, программа КПСС, внутривнутрипартийная дискуссия, фракции, партийный раскол.

Список литературы

- Бадаев, Е. В., Бирюкова, О. В. Вопросы «советского быта» в политической дискуссии 20-х годов XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 55–59.
- Баринин, Д. А. Левая оппозиция в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 4. С. 1117–1131.

Кружинов, В. М., Сокова, З. Н. Дискуссия о профсоюзах накануне X съезда РКП(б): региональные практики (на материалах Урала) // Вопросы истории. 2021. № 9-2. С. 95–107.

Сведения об авторах

Суданц Борис Маратович, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, исторический факультет, учебно-научный центр «Новая Россия. История постсоветской России», аспирант, г. Москва, Российская Федерация, 8-962-957-80-99, Boris77701@mail.ru

В редакцию статья поступила 26.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-126-139

For citation

Sudants, Boris M. Intra-Party Discussion on the Fourth Draft Program of the CPSU in 1991. Based on the materials of the meeting of the Permanent Ideological Commission and the Commission on Science, Education and Culture of July 12, 1991 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 126–139. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-126-139

Sudants, Boris M., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Intra-Party Discussion on the Fourth Draft Program of the CPSU in 1991. Based on the materials of the meeting of the Permanent Ideological Commission and the Commission on Science, Education and Culture of July 12, 1991

Abstract

The study analyses the intra-party discussion on the fourth draft programme of the CPSU in 1991. The following methods were used to study the problem: narrative and historical-typological. The source base of the article was the “Transcript of the joint meeting of the ideological commission and the commission on science, education and culture of 12 July 1991” from the fund “The Commission of the CPSU Central Committee (1989–1991)” of the Russian state archive of modern history. By the early 1990s, the CPSU had lost its former unity as it entered a period of destructive factional fighting. M. S. Gorbachev realised that if the cause of the conflict was not

addressed, the party would inevitably split. As a solution to the problem, he considered updating the CPSU programme, as the old concept did not meet the changed political situation and became the most important factor of confrontation between warring factions. At the XXVIII congress, a programme commission was elected. Its main purpose was to develop a draft document. By 12 July 1991, the programme commission presented the fourth version of the draft to a joint meeting of the standing ideological commission and the commission on science, education and culture for a final revision before the July plenum. In the course of analysing the discussion, it was possible to group the participants of the polemic according to their political views. The speakers were divided into conservatives, reformers and centrists. Participants of each faction had different views on the future of the CPSU programme. Thus, representatives of conservatives spoke quite harshly about the weakness and imperfection of the project. In their opinion, it did not provide for such essential elements of communist ideology as orientation towards the proletarian strata, reliance on a social state with a managed economy, and the strengthening of party structures to retain power. The conservatives were opposed by reformers with a liberal agenda. This included full acceptance of the spirit of the programme, insistence on radicalising market reforms and measures leading to a weakening of party hegemony. The last faction of centrists tried to reconcile the warring factions by creating a consolidating version of the programme. Their proposals contained compromise theses that could, in theory, satisfy each of the platforms. Nevertheless, it was not possible to reach an agreement, as the centrists did not find support from other factions and found themselves in the minority. Based on the sentiments of the speakers, most of them held an orthodox position. The conservatives were confident of their victory and did not consider it necessary to concede, and neither did the reformers. Thus, the revealed irreconcilability and fierceness of the discussion showed that factions within the CPSU were unable to coexist constructively. The party was inevitably approaching a political split.

Keywords

Historical sources, perestroika, M. S. Gorbachev, CPSU programme, intra-party discussion, factions, party split.

References

- Badaev, E. V. Biryukova, O. V. Issues of "Soviet life" in the political discussion of the 20s of the twentieth century (In Russ.). IN: Bulletin of Tomsk State University. History, 2019, № 57, pp. 55–59.
- Barinov, D. A. Left opposition in the Leningrad University (In Russ.). IN: Vestnik of St. Petersburg University. History, 2021. T. 66, № 4, pp. 1117–1131.

Kruzhinov, V. M., Sokova, Z. N. Discussion of trade unions on the eve of the X Congress of the RCP(B): regional practices (on the materials of the Urals) (In Russ.). IN: *Voprosy istorii*. 2021, № 9-2, pp. 95–107.

About the authors

Sudants Boris Maratovich, Russian State University for the Humanities, Education and Research Centre “New Russia. History of Post-Soviet Russia”, of the Faculty of History Historical and Archival Institute, postgraduate student, Moscow, Russian Federation, +7-962-957-80-99, Boris77701@mail.ru

The article was received in the editorial office on 26.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 930.22+303.064+930.25+651.5+003.074+303.01+303.03+303.222+303.6+303.645.063+303.09+303.832+303.7

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-140-153

Для цитирования

Суровцева, Н. Г. Трансформация признаков документа в электронной среде // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 140–153. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-140-153

Суровцева, Н. Г.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Трансформация признаков документа в электронной среде

Вопрос о признаках документа является одним из базовых в теории документоведения, поскольку признаки являются теми уникальными идентификаторами, реперными точками, которые позволяют безошибочно определить, что перед нами документ. Однако этот вопрос имеет и вполне прикладное значение. Как правило, признаки документа, отражающие сущностные его характеристики в определенном ракурсе изучения, обычно находят отражение в определении понятия «документ», которое используется специалистами в практической сфере. Сегодня в условиях работы по обновлению терминологического стандарта этот вопрос вновь становится актуальным. Современное определение документа, содержащееся в терминологическом стандарте – информация, зафиксированная на носителе с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, отражает по крайней мере два традиционных признака: материальный носитель (или объект) и формуляр документа (наличие

реквизитов). Информационная природа документа сохраняет свою актуальность, однако некоторого уточнения требует вопрос относительно целесообразности сохранения и возможной трансформации признаков документа, поскольку родовое понятие «документ» должно соответствовать специфике создания и использования документов в электронной среде.

Одним из самых дискуссионных вопросов в определении понятия «документ» является вопрос о первичности материального объекта или информации. Проследим развитие базового конструкта в определении документа в терминологических стандартах: документ – материальный объект с информацией (1983 г.); документ – информация, зафиксированная на материальном носителе (1998 г.); документ – информация, зафиксированная на носителе (2013 г.). Как видим, информационная составляющая стала доминировать. Но для нас интересен не этот переход, а переход от «материального объекта» к «материальному носителю». Этот вопрос не вызывал дискуссий, замена произошла как-то незаметно, была обусловлена очевидными процессами, в частности, появлением электронных носителей информации, которые не ассоциировались с локальностью, то есть с материальными объектами. Не случайно в последнем терминологическом стандарте слово «материальный» в определении документа вообще было исключено.

Однако мы считаем, что формулировка «информация, зафиксированная на носителе», которая сложилась в результате неоднократной корректировки первоначального определения документа, несколько упрощена. Она очень легко предполагает допущение того, что существует также информация, не зафиксированная на носителе. Нередко наличие последней подтверждают, приводя в пример разговор двух людей: информация есть, а фиксации нет. Еще раз обратим внимание, что это очень упрощенное, вульгарное понимание информации, поскольку информация *всегда* зафиксирована на *материальном* носителе. Просто носители разные. Например, Э. И. Ханпира отмечал, что в определении документа оговорка о фиксации информации способом, созданным человеком, введена для того, чтобы не отождествлять документ, например, с геном, где также записана информация¹. Чаще всего, говоря о материальном

носителя, мы имеем в виду отчужденный от человека носитель, будь то бумага, кино- или фотопленка, пластинка или диск, или электронный носитель. Другим материальным носителем информации является мозг человека. А. Д. Урсул подчеркивал, что «информация даже в самом сознании человека не существует в каком-то «чистом» виде: будучи одним из аспектов отражения, а значит и взаимодействия, она также всегда имеет своих материальных носителей на нейрофизиологическом уровне»².

Информация на когнитивном уровне человеческого сознания обладает целостностью. То обстоятельство, что она отчуждается от человека и закрепляется на носителе, требует обеспечения ее обособления и целостности уже на этом носителе. Технологии фиксации информации на традиционные носители обеспечивали в полной мере эту целостность. Это обстоятельство позволило определять документ как материальный объект с зафиксированной информацией. Следует отметить, что наши предшественники, рассматривая документ как материальный объект, уточняли некоторые требования к носителю информации: носитель должен быть специально предназначен для фиксации информации.

В делопроизводстве, а еще в большей степени в архивном деле носитель, будучи признаком документа, рассматривался в первую очередь как материальный объект, который мог быть легко физически обособлен, в том числе и визуально, хотя материал, из которого он изготовлен, мог быть разным и меняться на протяжении времени. В цивилизациях Древнего мира материал носителя определялся природными условиями и доступным сырьем, пригодным для фиксации графической или текстовой информации. Первым универсальным носителем стала бумага, значительным развитием видов носителей был ознаменован XX в., позволивший считать, что «эволюция носителей включает в себе синтез технологических историй и технологических открытий»³. Развитие современных информационных технологий привело к появлению электронного носителя.

Очевидно, что на уровне внешних признаков электронный документ отличается от традиционного или бумажного документа видом материального носителя информации. Он

фиксируется на принципиально ином носителе – электронном. Значительное внимание термину «электронный носитель информации» уделили специалисты в области права, когда он стал формально действующим после внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Однако при отсутствии нормативного определения возникли сложности при идентификации объектов, которые могут относиться к таким носителям⁴. Большинство юристов связывают эту идентификацию исключительно с техническими устройствами, аппаратным обеспечением. Различия в подходах заключаются лишь в том, относят к электронным носителям информации только объекты, не являющиеся частью другого устройства и реализующие функцию хранения информации в качестве основной, или следует относить все устройство целиком, реализующее функцию записи, хранения и воспроизведения информации⁵.

Следует отметить, что в отличие от юридических наук, где материальные, объектные вопросы в отношении информации всегда были главными, вопрос об определении электронного носителя в документоведении, как, впрочем, и в других гуманитарных науках, не стал предметом изучения. К вопросу об электронном носителе в теоретическом аспекте обратились лишь на начальном этапе изучения электронного документа. В аналитическом обзоре ВНИИДАД 1999 г. обозначены исходные положения относительно электронного носителя. Во-первых, под электронным носителем понимается материальный носитель, предназначенный для записи и хранения информации посредством электронно-вычислительной техники⁶, что подчеркивало материальную природу электронного документа. Во-вторых, носитель информации, как неотъемлемая часть документа, которому ранее придавалось первостепенное значение, отходит на второй план⁷. Итак, становится очевидным, что электронный носитель в первую очередь рассматривался как материальный объект, новое технологическое изделие, являющееся результатом развития электронно-вычислительной техники, и поэтому он выходит из поля зрения документоведов, оказывается непознаваем методами документоведения.

Несколько иначе вопрос об электронном носителе изучался в архивном деле. Для этой сферы практической деятельности

было наиболее важным определить тип материала электронного носителя, который обеспечивает возможность наиболее длительного, если не вечного, хранения электронного документа. Именно поэтому в данной сфере приоритетное значение имела классификация электронных документов по типу материала носителя. Например, Г. З. Залаев считает, что по признаку носителя можно выделить два вида электронных документов: электронные документы на физически обособленных носителях и электронные документы в информационной системе. К физически обособленным носителям он относит CD- и DVD-диски, флеш-устройства («флешки»), выносные жесткие диски⁸. Что касается информационной системы, то он рассматривает ее исключительно с позиции технологических решений. Мы считаем, что такое разделение не вполне корректно, т. к. информационная система в любом случае включает некоторое аппаратное обеспечение, а использование документа, скажем на DVD-диске, без соответствующего программного обеспечения невозможно.

На первый взгляд, электронные документы имеют главную черту – возможность записи информации на носитель с использованием технических средств. Однако электронный документ имеет и весьма существенное отличие от других документов, работа с которыми без использования технических средств невозможна. Это *принципиально иной способ записи, фиксации информации, который предоставляет возможность ее передачи без передачи конкретного носителя*. И это отличие ключевое, которое позволяет нам говорить о принципиально ином типе носителя.

Еще в конце прошлого века Л. Дуранти и Х. Макнейл обратили внимание на то, что носитель электронной информации – это не только средство для передачи (перемещения) документа, а скорее условие его существования. Именно это обстоятельство заставляет нас задуматься о том, что при изучении способа бытования электронного документа мы должны говорить не столько об особенностях носителя информации, сколько об особенностях электронной среды как условия существования, сферы функционирования электронного документа.

Таким образом, по мере развития технических средств и технологий для новых носителей информации признак документа быть обособленным материальным объектом утратил свою существенность. Поэтому мы считаем, что указание на наличие материального носителя информации, материальной основы для фиксации информации рассматривать в качестве существенного, релевантного признака документа нецелесообразно.

Вторым существенным признаком документа исследователи традиционно признают его формуляр, который демонстрирует значительную устойчивость и действительно является легко определяемым визуальным признаком. При этом «формуляр документа» является понятием делопроизводственным, зачастую используется в контексте описания реквизитов документов. Специалисты в архивоведении и источниковедении предпочитают пользоваться понятием «атрибуты документа», которое тем не менее не синонимично реквизитам, поскольку отражает также и описание архивного документа как исторического источника.

Формуляр документа выступает знаковым вопросом во всех исследованиях по истории делопроизводства, а также при изучении систем документации. Причем особое внимание уделяется традиционно именно составу реквизитов и требованиям к оформлению каждого из них. Это, очевидно, обусловлено тем, что именно реквизиты, их содержание обеспечивают идентификацию конкретного документа. Не случайно авторы одного из последних учебников по документоведению в числе признаков документа называют не формуляр в целом, а именно реквизиты как идентификаторы, «которые позволяют однозначно отнести рассматриваемый информационный объект к некоему конкретному классу объектов, именуемому «документ»⁹. Между тем не следует недооценивать формальную структуру документа, формуляр как схему построения¹⁰, которая определяет форму документа и обеспечивает целостность его восприятия субъектом, тот внешний признак, по которому мы определяем документ.

Несмотря на то, что понятие формуляр документа именно благодаря реквизитам ассоциируется со сферой делопроизводства, наличие определенной конструкционной сетки было

присуще всем документам, которые функционируют в сфере общественных отношений: и управленческих, и научно-технических, и конструкторских. В зависимости от того, какова специфика сферы применения документа и какое значение придается тем или иным сведениям о нем, определяется место этих сведений в формальной структуре документа.

В традиционном делопроизводстве значение формуляра значительно превышает его потенциал как идентификатора конкретного документа. По мере развития общественных отношений, системы государственного управления, бюрократических процедур роль формуляра постоянно возрастала: число реквизитов от минимального набора (автор, адресат, дата, наименование документа) выросло до трех десятков. Этот факт свидетельствует о росте значимости отдельных письменных операций в протекании бюрократического, административного процесса. Поскольку именно управленческая иерархия не предполагает непосредственного взаимодействия субъектов, находящихся на разных ступенях иерархии, развитие формуляра документа отражает позиции участников взаимодействия в этой иерархии, производимые ими действия. Не случайно не менее половины реквизитов идентифицируют не документ в момент его создания, а отражают последующие действия, производимые разными должностными лицами в ходе оперативной управленческой деятельности. Реквизиты, образующие формуляр документа, не просто выполняют формообразующую роль, они отражают иерархию бюрократической системы, объективируют социальные связи, порядок административных действий, тем самым институализируя управленческий процесс.

В этих условиях возникает вопрос: а сохранится ли в электронной среде формуляр документа? Насколько целесообразно вообще сохранять формуляр в электронной среде, если передавать сведения можно и без него? Передавать сведения можно, а вот осуществлять социальное взаимодействие может быть весьма затруднительно.

Формуляр позволяет отразить управленческий процесс с помощью документа: идентифицировать автора, отразить процедуры согласования и утверждения, обеспечить доработку и переработку управленческого решения, выполнить

задание или поручение. По мере развития и расширения применения информационных систем в создании документа и управлении им произошли несколько важных изменений, связанных с тем, что осуществление управленческих взаимодействий стало возможным без использования формуляра документа: согласование, резолюции, поручения по документу, отметки об исполнении осуществляются через заполнение полей определенной формы в информационной системе.

Оценивая перспективы сохранения формуляра в электронной среде, мы исходим из того положения, что документ необходим для взаимодействия субъектов, а не информационных систем. В безлюдных технологиях нет документа, какие бы процессы кодирования, передачи, декодирования и визуализации информации ни происходили при передаче документа из одной системы в другую в электронной среде. Для субъектов взаимодействия документ должен предстать на экране монитора как формуляр. Именно поэтому считаем, что данный признак сохраняет свою актуальность и в электронной среде. Однако сохранение формуляра как признака документа не означает обязательное сохранение всех его реквизитов и жесткую унификацию места их расположения на условном листе на экране монитора.

В современном мире любой документ создается в информационной системе, однако в процессе своего жизненного цикла он может как оставаться в электронной среде, даже при условии передачи из одной информационной системы в другую, так и неоднократно переходить на бумагу и обратно в электронную среду при помощи его сканирования. Причем вариантов таких миграций из одной среды в другую в ходе работы с документом можно насчитать не один десяток. При этом состав его реквизитов и способы их внесения могут меняться. Неизменными останутся только те реквизиты формуляра, которые формировались в момент создания документа в информационной системе и обеспечивают его идентификацию как документа, а значит, позволяют определить его автора, время и место создания и содержание как основное целевое назначение создания документа. Все реквизиты, которые создаются в ходе управленческого

процесса (согласование и утверждение, резолюции, сведения об исполнении и контроле за ним, сведения о номере дела по номенклатуре дел и др.), оказываются уже «оторваны» от формуляра документа и сохраняются в той информационной системе, с помощью которой осуществляются все эти управленческие действия. Но формуляр сохраняется, в соответствии с традициями он может иметь разную схему расположения реквизитов, но мы всегда сможем обнаружить в нем состав реквизитов, обеспечивающих идентификацию документа как средства взаимодействия субъектов социальных отношений.

Таким образом, анализ возможностей применения традиционных признаков документа в электронной среде позволяет нам сделать вывод, что из двух основных внешних признаков – материальный носитель и формуляр документа – сохраняется только последний. Электронный носитель, будучи вполне материальным объектом, в силу своей специфики перестает быть релевантным признаком документа. Что касается формуляра документа, то он сохраняется в электронной среде, однако происходит его трансформация. В информационной системе утрачивается возможность оформления в документе тех реквизитов, которые возникают в ходе административно-управленческого процесса. Эти сведения сохраняются в базе данных информационной документной системы. В связи с чем возникает вопрос: можно ли считать наличие формуляра достаточным признаком для электронного документа или необходим поиск новых признаков? Ответ на этот вопрос нам еще предстоит дать.

Вторым важным выводом является необходимость научной разработки дефиниции понятия «документ», которая отражала бы единые существенные характеристики традиционного документа и документа в электронной среде, связанные в первую очередь с теми социальными функциями, которые выполняет документ в обществе.

Примечания

¹ Ханпира, Э. И. Почему некорректны термины «документ на бумажном носителе», «документ на машинном носителе» // Научно-техническая терминология. 1986. № 7. С. 6.

² Урсул, А. Д. Проблема информации в современной науке. Москва: Наука, 1975. С. 192.

³ Богатова, Е. Б. Документные коммуникации: эволюционная модель носителей информации // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 10. С. 39.

⁴ Смешкова, Л. В. Электронный носитель информации: сложности терминологии // Закон и право. 2021. № 8. С. 145.

⁵ Фомичева, К. В. К вопросу о сущности электронных носителей информации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова. 2016. С. 282–285.

⁶ Документоведческие и архивоведческие проблемы электронных документов: аналитический обзор / М. В. Ларин. Росархив. Москва: ВНИИДАД, 1999. С. 22.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Залаев, Г. З. Носители для архивного хранения электронных документов: состояние и перспективы // Самарский архивист. 2019. № 4. С. 6.

⁹ Ларин, М. В., Плешкевич, Е. А., Янковая, В. Ф., Мингалев, В. С., Терентьева, Е. В., Гавлин, М. Л. Документоведение: учебник. Москва: Академия, 2016. С. 67.

¹⁰ Илюшенко, М. П., Кузнецова, Т. В. Формуляр документа: учебное пособие. Москва: МГИАИ, 1986. С. 4.

Аннотация

В статье рассматривается одна из основных теоретических проблем документоведения, связанная с определением признаков документа. Проблема имеет и существенное прикладное значение, поскольку при формулировке дефиниции понятия «документ» в нем обычно отражаются его свойства и признаки. В условиях пересмотра национального терминологического стандарта ГОСТ Р 7.0.8 – 2013. «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» целесообразно еще раз обратиться к вопросу о признаках документа для корректного их отражения в понятии термина «документ». Актуальность проблемы обусловлена также тем, что эти признаки должны носить универсальный характер для документов как на бумажном носителе, так и на электронном. В документоведении в качестве признаков документа традиционно рассматриваются материальный носитель документа и его формуляр. Что касается материального

носителя документа, то его использование в качестве признака документа было обусловлено необходимостью физического обособления записанной информации с целью последующей обработки, передачи и хранения. Материальный носитель выступал в первую очередь как объект, позволяющий выделить документ из числа других и обеспечивающий его целостность. С появлением электронных документов данное условие перестало соблюдаться. Электронный носитель в целом понимается как техническое устройство. Более того, особенности записи информации на данный тип носителя позволяют передавать информацию без передачи носителя, поэтому электронный носитель является принципиально иным. В связи с этим не целесообразно использовать его для идентификации конкретного документа как объекта в электронной среде. В связи с чем признак документа «материальный носитель» в электронной среде перестает быть существенным, одним из основных внешних признаков документа. При этом сохраняется второй его внешний признак – формуляр, обеспечивающий целостность документа в рамках его использования при взаимодействии субъектов общественных отношений. Однако и он претерпевает некоторую трансформацию, поскольку в электронной среде перестает отражать сведения об управленческом процессе, часть реквизитов документа содержатся как сведения в информационной системе. Эти изменения, связанные с признаками документа в электронной среде, заставляют нас обратиться к поиску новых признаков, а также пересмотреть с научной точки зрения дефиницию понятия «документ», которая отражала бы единые сущностные характеристики традиционного документа и документа в электронной среде, связанные в первую очередь с социальными функциями, которые выполняет документ в обществе.

Ключевые слова: управление документами, документ, признаки документа, материальный носитель информации, формуляр документа, электронный документ.

Список литературы

Богатова, Е. Б. Документные коммуникации: эволюционная модель носителей информации // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 10. С. 39–47.

Документоведческие и архивоведческие проблемы электронных документов: аналитический обзор / М. В. Ларин, Росархив, Москва: ВНИИДАД, 1999. 218 с.

Залаев, Г. З. Носители для архивного хранения электронных документов: состояние и перспективы // Самарский архивист. 2019. № 4. С. 5–9.

Илюшенко, М. П., Кузнецова, Т. В. Формуляр документа: учебное пособие. Москва: МГИАИ, 1986. 85 с.

Ларин, М. В., Плешкевич, Е. А., Янковая, В. Ф., Мингалев, В. С., Терентьева, Е. В., Гавлин, М. Л. Документоведение: учебник. Москва: Академия, 2016. 318 с.

Смешкова, Л. В. Электронный носитель информации: сложности терминологии // Закон и право. 2021. № 8. С. 144–146.

Урсул, А. Д. Проблема информации в современной науке. Москва: Наука, 1975. 287 с.

Фомичева, К. В. К вопросу о сущности электронных носителей информации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова. 2016. С. 282–285.

Ханпира, Э. И. Почему некорректны термины «документ на бумажном носителе», «документ на машинном носителе» // Научно-техническая терминология. 1986. № 7. С. 6–8.

Сведения об авторах

Суровцева Наталия Геннадиевна, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра автоматизированных систем документационного обеспечения управления, доцент, г. Москва, Российская Федерация, 8-916-020-21-65, nataliyasurovceva@yandex.ru

В редакцию статья поступила 28.08.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-140-153

For citation

Surovtseva, Nataliya G. Transformation of recording features in an electronic environment (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 140–153. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-140-153.

Surovtseva, Nataliya G., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Transformation of recording features in an electronic environment

Abstract

The article deals with one of the main theoretical problems of document science related to the definition of document features. This problem is also of

applied importance, since when formulating the definition of the concept of «document», it usually reflects its properties and features. In the context of the revision of the national terminological standard GOST R 7.0.8 – 2013. «Record keeping and archival business. Terms and definitions» it is advisable to turn once again to the question of the features of the document for their correct reflection in the concept of the term «document». The urgency of the problem is also due to the fact that these signs should be universal for both paper and electronic documents. In document science, the material carrier of the document and its form are traditionally considered as features of the document. As for the material carrier of the document, its use as a feature of the document was due to the need for physical isolation of the recorded information for the purpose of subsequent processing, transmission and storage. The material carrier acted primarily as an object that allows you to select a document from among others, and ensures its integrity. With the advent of electronic documents, this condition has ceased to be observed. Electronic media, which is generally understood as a technical device. Moreover, the features of recording information on this type of media allow you to transmit information without transferring the media, so the electronic media is fundamentally different. In this regard, it is not advisable to use it to identify a specific document as an object in an electronic environment. In this connection, the feature of the document “material carrier” in the electronic environment ceases to be essential, one of the main external features of the document. At the same time, its second external feature is preserved – a form that ensures the integrity of the document within the framework of its use in the interaction of subjects of public relations. However, it also undergoes some transformation, since in the electronic environment it ceases to reflect information about the management process, some of the document details are contained as information in the information system. These changes related to the features of the document in the electronic environment force us to turn to the search for new features, as well as to revise from a scientific point of view the definition of the concept of «document», which would reflect the common essential characteristics of the traditional document and the document in the electronic environment, primarily related to the social functions that the document performs in society.

Keywords

Records management, Document, Document attributes, Material information carrier, Document form, Electronic document.

References

Bogatova, E. B. Document communications: evolutionary model of information carriers (In Russ.). IN: International scientific journal “Innovatsionnaya nauka”. 2015. № 10. Pp. 39–47.

- Documentology and archival science problems of electronic documents: Analytical review / Project leader M. V. Larin, Rosarkhiv (In Russ.). Moscow: VNIIDAD publ., 1999. 218 p.
- Zalaev, G. Z. Carriers for archival storage of electronic documents: status and prospects (In Russ.). IN: Samara Archivist. 2019. № 4. Pp. 5–9.
- Ilyushenko, M. P., Kuznetsova, T. V. Document Formulary. Study guide. Moscow: MGIAI publ., 1986. 85 p.
- Larin, M. V., Pleshkevich, E. A., Yankova, V. F., Mingalev, V. S., Terentyeva, E. V., Gavlin, M. L. Documentology: textbook. Moscow: Academy publ., 2016. 318 p.
- Smeshkova, L. V. Electronic information carrier: difficulties of terminology (In Russ.). IN: Law and Law. 2021. № 8. Pp. 144–146.
- Ursul, A. D. The problem of information in modern science. Moscow: Nauka publ., 1975. 287 p.
- Fomicheva, K. V. To the question of the essence of electronic media (In Russ.). IN: Criminal-procedural and criminalistic problems of combating crime. All-Russian scientific and practical conference. Orel: V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation publ., 2016. Pp. 282–285.
- Khanpira, E. I. Why the terms “paper-based document”, “machine-based document” are incorrect (In Russ.). IN: Scientific and Technical Terminology. 1986. № 7. C. 6–8.

About the authors

Surovtseva Nataliya G., doctor of historical sciences, associate professor, Russian State University for the Humanities, Department of automated record management systems, associate professor, +7-916-020-21-65, nataliyasurovceva@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 28.08.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК001.85+330.12+347.238.12+003.62+303.024.3+303.1+351.853+929.737+303.222+338.51++338.58+338.556+342.722+342.723+342.739+347.235+332.252+332.2+347.238.11+34.037+631/635+349.422.231+904+ 003.02
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-154-165

Для цитирования

Бульчева, Е. В. Сбор эйсфоры в Аттике второй половины IV в. до н. э. По данным договоров об аренде теменосов // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 154–165. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-154-165

Бульчева, Е. В.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

**Сбор эйсфоры в Аттике
второй половины IV в. до н. э. По данным
договоров об аренде теменосов**

Во все времена проблема налогообложения была одной из самых злободневных. В Древней Греции с самого начала существования государственной власти граждане облагались различными видами налогов¹. Начиная с конца V в. до н. э., в связи с событиями Пелопоннесской войны должностные лица афинского полиса вводят специальный чрезвычайный налог – эйсфору. При этом взимание этого вида налога продолжалось после завершения военных действий, что вызывало негативную реакцию у граждан Афин². В историографии этой теме посвящены некоторые исследования³. Как правило, авторы рассматривают вопросы, связанные с установлением хронологических рамок взимания эйсфоры, количеством суммы, необходимой для уплаты. В качестве основного источника исследователи используют сведения античных авторов,

прежде всего, Демосфена и Полибия. При этом практически неизученными остаются вопросы, связанные с системой взимания эйсфоры в Аттике (области Афин) в ходе различных экономических сделок. Кроме того, исследователи в неполной мере используют информацию эпитафического материала, которая представляет большую ценность при рассмотрении ряда вопросов, связанных с взиманием чрезвычайного налога во второй половине IV в. до н. э. В связи с этим целью статьи является изучение проблемы сбора эйсфоры в ходе экономической сделки по передаче в аренду теменосов (священных земель)⁴ в Аттике второй половины IV в. до н. э.

Благодаря содержанию эпитафического материала известно, что священные земли (теменосы) находились во владении афинского полиса, который мог передать их в распоряжение различных территориально-административных подразделений Афин (демов), а также религиозных сообществ⁵. Эти коллективы стремились осуществлять тщательный уход за данной категорией земель, сдавая их в аренду. Свидетельством этих сделок являются надписи, посвященные аренде священных земель, которые будут использованы в данной работе в качестве основного источника. Большинство текстов этих надписей представлены в сборниках эпитафических материалов, опубликованных под редакцией Й. Кирхнера и Х. Плекета⁶. Многие из этих надписей сохранились хорошо, лишь некоторые строки договоров об аренде священных земель представлены фрагментарно из-за сколов каменных стел, на которые они были нанесены⁷.

Эпитафический материал можно датировать временем от 350 до 307 г. до н. э., поскольку в текстах надписей указаны имена архонтов, управлявших афинским полисом в этот период⁸. В договорах о сдаче в аренду священной земли подробно говорится о том, на каких условиях проводится сделка, представлены стороны, заключающие соглашение: арендодатели – демы и религиозные сообщества (оргеоны), а также арендаторы – частные лица, граждане афинского полиса, многие из которых проживают в Аттике (области Афин)⁹. Судя по сведениям надписей, посвященных передаче в аренду теменосов, в процессе сделки ее участники периодически

осуществляют выплату эйсфоры. Благодаря информации, содержащейся в текстах договоров, можно предположить, что сбор чрезвычайного налога проводился полисными властями в соответствии с постановлением, которое принимало Народное собрание. При этом, судя по сообщениям, которые содержатся в текстах надписей об аренде священной земли, решение о введении эйсфоры, по-видимому, не было постоянным, а зависело от текущей ситуации.

В частности, в договоре о сдаче в аренду теменоса Тесея, находящегося в распоряжении дема Пирея, сказано, что если будет введен чрезвычайный налог, его следует уплачивать жителям дема¹⁰. Подобное предписание также содержится в надписи, посвященной аренде священных земель оргеонов героя Эгрета: «если полисом будет установлен чрезвычайный налог»¹¹. Благодаря этим сведениям, можно сделать вывод о том, что эйсфора взималась в соответствии с решением полисных властей, по-видимому, в связи с какой-то особой ситуацией (вторжение чужеземных врагов, угроза внутренней смуты). Несмотря на то, что Пелопоннесская война официально завершилась в 404 г. до н. э., обстановка в афинском полисе вряд ли можно было назвать мирной, поскольку периодически возникала угроза вражеского вторжения¹². В тексте договоров об аренде священных земель встречаются указания на то, что в Аттике было беспокойно, сохранялась опасность военных действий.

Так, в надписи, посвященной сдаче в аренду теменосов эксонейцев, говорится о том, что сделка проводится в условиях, когда возможны беспорядки и разрушения, вызванные войной¹³. Текст данного договора составлен примерно в 345 г. до н. э., поскольку в нем содержится указание на архонтство Эвбула, относящееся к этому времени¹⁴. Судя по хронологии, безусловно, это период, когда Пелопоннесская война уже давно завершилась, но все равно сохранялась опасность каких-то военных действий из-за беспокойной обстановки в афинском полисе и за его пределами. В надписи, датированной завершением IV в. до н. э., которая посвящена сдаче в аренду священных земель сообщества диалейцев, говорится о прибытии врагов или дружественного войска¹⁵. Скорее

всего, речь идет о вторжении македонской армии, что было характерно для этого периода времени¹⁶.

В любом случае, судя по сведениям эпиграфического материала, обстановку в Аттике второй половины IV в. до н. э. нельзя назвать спокойной, что, по-видимому, влияло на решение полисных властей о необходимости взимания чрезвычайного налога, характерного для военного времени. При этом существовали отдельные постановления Народного собрания Афин о введении эйсфоры в случае необходимости¹⁷. В надписях об аренде священной земли в Аттике второй половины IV в. до н. э. говорится, что сумма эйсфоры определяется в соответствии с оценкой стоимости имущества, которое сдается в аренду¹⁸. При этом сложно определить, как оценивались теменосы, поскольку в текстах договоров не указана цена храмовых земель, сдающихся в аренду. По-видимому, полисные власти взимали определенную сумму эйсфоры, которая назначалась решением Народного собрания.

Опираясь на сведения античных авторов, исследователи пришли к выводу, что начиная с 378 г. до н. э. в Аттике имущество, подлежащее обложению чрезвычайным налогом, составляло около 6 тысяч талантов¹⁹. Можно предположить, что в это число также входила сумма, получаемая от участников аренды священной земли. При этом весьма интересно отметить тот факт, что в договорах об аренде теменосов в качестве налогоплательщиков представлены как граждане афинского полиса, так и целые сообщества, коллективы, принимающие участие в сделке в качестве арендодателей. Характерно, что арендаторы (граждане Афин) названы в качестве плательщиков чрезвычайного налога только в двух случаях. Так, в договоре об аренде священных земель тейтрасийцев говорится, что гражданин Ксантипп, выступающий в качестве арендатора, должен будет нести ответственность по уплате эйсфоры²⁰. В надписи, посвященной сдаче в аренду теменоса в Пирее, также сказано об обязанности арендатора Евкрата по внесению в полисную казну чрезвычайного налога²¹. В остальных случаях выплату эйсфоры проводят арендодатели. В частности, в надписи об аренде теменоса, распорядителями которого являются эксонейцы, сказано, что именно

дем Эксоны вносит в полисную казну чрезвычайный налог, когда это необходимо²².

В договоре, посвященном сдаче в аренду священной земли героя Эгрета, сообщество оргеонов, которые являются арендодателями, также ответственны за уплату эйсфоры²³. Среди налогоплательщиков в текстах о сдаче в аренду теменосов также фигурируют дем Пирея и сообщество диалейцев²⁴. Весьма примечателен тот факт, что по сведению надписей о сдаче в аренду теменосов в Аттике второй половины IV в. до н. э. основными налогоплательщиками эйсфоры выступают не граждане, а целые сообщества. В историографии традиционно отмечается, что чрезвычайный налог вносили граждане²⁵.

В данном случае мы встречаем интересную информацию, содержащуюся в эпиграфическом материале, о том, что вносить чрезвычайный налог в казну афинского полиса могли не только граждане (физические лица), но и коллективы (юридические лица). В связи с этим безусловно возникает вопрос, какие причины являлись основанием для того, что в качестве плательщиков эйсфоры фигурируют не только граждане, проживающие на территории Аттики, но и целые коллективы. В имеющихся в нашем распоряжении источниках не находим ответа на этот вопрос, поэтому можно сделать лишь некоторые предположения. Известно, что власти полиса не всегда получали от граждан своевременное внесение эйсфоры, поскольку некоторые жители Афин считали этот вид налога весьма обременительным и стремились к уклонению от его уплаты²⁶. В связи с этим можно предположить, что полисная администрация начала переходить к взиманию эйсфоры с коллективов, которые распоряжались общественным имуществом, в частности, священными землями, а потому не могли уклоняться от обязанности по выплате налоговых платежей. По-видимому, демы и религиозные сообщества проявляли заинтересованность в распоряжении теменосами, которые принадлежали афинскому полису, и поэтому выполняли обязательства по уплате чрезвычайного налога. Кроме того, в ряде случаев арендаторами могли быть несостоятельные граждане, для которых дополнительные выплаты являлись обременительными²⁷. В такой ситуации арендодатели

также могли возлагать на себя обязательство по своевременному внесению эйсфоры.

В договорах о сдаче в аренду священной земли говорится о том, что взимание эйсфоры проводится должностным лицом – демархом, который возглавлял администрацию дема²⁸. Это весьма ценная информация, поскольку в сообщениях античных авторов, как правило, речь идет о сборе эйсфоры со стороны центральной власти Афин и не сообщается о том, как происходил этот процесс на территории Аттики²⁹. Можно предположить, что полисные власти возлагали на демарха ответственность за своевременное взимание чрезвычайного налога, т. к. это высшее должностное лицо представляло финансовые интересы афинского полиса на местах, в его компетенцию также входило право налагать штрафы на тех, кто был повинен в неуплате различных платежей, предписанных со стороны центральной власти Афин³⁰.

В текстах надписей о сдаче в аренду теменосов также сказано о том, что демарх проводил сбор чрезвычайного налога после того, как центральная власть полиса принимала решение о сумме и сроках его взимания³¹. При этом в некоторых случаях участником сделки по аренде священной земли предписано выплачивать эйсфору демарху в течение определенного месяца. Так, в договоре о сдаче в аренду теменоса демом тейтрасийцев говорится, что арендатору необходимо провести выплату эйсфоры демарху в течение месяца элафеболіона³². В надписи, посвященной аренде священных земель в деме Пирее, арендодателям также предписано передать чрезвычайный налог демарху в срок на протяжении определенного месяца³³.

Таким образом, благодаря этим сведениям, можно представить процесс сбора эйсфоры в ходе аренды священных земель. По-видимому, местные власти Аттики получали из центра Афин информацию о необходимости взимания чрезвычайного налога. После этого демарх составлял предписание о сроках и сумме предоставления эйсфоры в полисную казну. На основании этих предписаний местная власть осуществляла сбор и передачу чрезвычайного налога из отдельных областей Аттики в Афины. При этом можно предположить,

что решение о том, кто будет являться налогоплательщиком эйсфоры в ходе аренды теменосов, скорее всего, принималось властью дема или религиозного сообщества, которые распоряжались землями храма и следили за процессом сделки в каждом конкретном случае. В договоре о сдаче в аренду теменосов демом Тейтры сказано о том, что решение принято тейтрасийцами³⁴. В надписи о передаче в аренду священных земель героя Эгрета решение по различным вопросам, в том числе о налогоплательщиках эйсфоры, принимают оргеоны, которые проводят аренду³⁵.

Таким образом, благодаря сведениям надписей об аренде священных земель, мы получаем важную информацию о том, как происходил сбор эйсфоры в Аттике второй половины IV в. до н. э. Судя по сведениям этого эпиграфического материала, чрезвычайный налог взимался не только с граждан, как сказано в большинстве источников, но и с коллективов, участвующих в экономических сделках. Сбор эйсфоры, как правило, осуществлялся демархом (высшим должностным лицом областных подразделений) в соответствии с решением полисных властей. При этом в большинстве случаев сложно установить точно, какая сумма чрезвычайного налога взималась, поскольку в надписях отсутствуют сведения о его количестве, а сказано лишь о том, что он взимается в соответствии с оценкой стоимости имущества, сданного в аренду.

Примечания

¹ Глушкина, Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Ленинград: ЛГПИ, 1975. С. 64.

² Бузескул, В. П. Афинская демократия. Москва: Вече, 2019. С. 305.

³ Jones, A. H. M. *Athenian Democracy*. Oxford, Oxford University Press, 1957, p. 255; Christ, M. The evolution of the Eisphora in Classical Athens. IN: *Classical Quarterly*, 2007, no. 57, pp. 53–69.

⁴ Зинько, В. Н., Зинько, А. В. Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // *Боспорские исследования*. 2020. Вып. XLI. С. 133–146.

⁵ Mikalson, J. D. *Athenian Popular Religion*. Carolina, The University of North Carolina Press, 1983, p. 64.

⁶ *Inscriptiones Graecae II et III/II*. Berlin, De Gruyter, 1913–1940. В современной научной литературе используется общепринятое сокращение IG. II² с последующим указанием номера текста надписи и строк договора о сдаче в аренду священных земель. Такое сокращение использовано в настоящей статье. Pleket, H. V. *Epigraphica. Texts on the Economic History of the Greek World*. Leiden, Brill Publishing House, 1964, 72 p. В историографии применяется сокращение названия в виде Pleket с последующим указанием номера текста надписи и соответствующих строк, что также использовано в данной работе.

⁷ IG. II². 2492; 2493; 2494; 2497; 2498; 2499. Pleket. 41, 43, 46.

⁸ IG. II². 1241. 2–4; 2492. 1–2; 2497. 1–3; 2499. 1–3.

⁹ IG. II². 2492. 10–35; 2494. 10–20; 2498. 15–16; 2499. 5–35; Pleket. 41. 5–25; 43. 5–20.

¹⁰ IG. II². 2498. 7.

¹¹ IG. II². 2499. 36.

¹² Buckler, J., Beck, H. *Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, p. 77.

¹³ IG. II². 2492. 13–14.

¹⁴ IG. II². 2492. 2–3.

¹⁵ IG. II². 1241. 10–12.

¹⁶ Worthington, I. *Athens After Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian*. Oxford, Oxford University Press, 2020, p. 229.

¹⁷ Harris, E. M. Some recent developments in the study of Ancient Greek Law. IN: *Journal of Ancient Civilizations*, 2018, p. 223.

¹⁸ IG. II². 2498. 9; IG. II². 2499. 35–40.

¹⁹ Jones, A. *Ibid.*, pp. 57–58.

²⁰ Pleket. 41. 31.

²¹ IG. II². 2496. 35.

²² IG. II². 2492. 25–26.

²³ IG. II². 2499. 30.

²⁴ IG. II². 2498. 7–8; IG. II². 1241. 15–16.

²⁵ Глускина, Л. М. Эйсфора в Афинах в IV в. до н. э. // *Вестник древней истории*. 1961. № 2. С. 26–34.

²⁶ Глускина, Л. М. Указ. соч. С. 31.

²⁷ Osborne, R. Social and economic implications of the land and property in classical and Hellenistic Greece. IN: *Chiron*, 1988, no. 18, pp. 317–318.

²⁸ IG. II². 2492. 35–36; IG. II². 2497. 30–31; Pleket. 41. 37.

²⁹ Christ, M. The Evolution of the Eispfora at Classical Athens. IN: *Classical Quarterly*, 2007, no. 57, pp. 63–64.

³⁰ Jones, N. F. *The Associations of Classical Athens*. Oxford, Oxford University Press, 1999, p. 71.

³¹ IG. II². 2492. 35; IG. II². 2498. 5.

³² Pleket. 41. 36.

³³ IG. II². 2498. 5.

³⁴ Pleket. 41. 2–3.

³⁵ IG. II². 2499. 2.

Аннотация

В статье рассматривается проблема организации системы взимания эйсфоры (чрезвычайного налога) в Аттике второй половины IV в. до н. э. Проблема уплаты эйсфоры в Афинах середины IV в. до н. э. является одной из самых сложных в историографии, прежде всего по той причине, что до нашего времени сохранилось небольшое количество источников, благодаря сведениям которых можно изучить этот вопрос. При этом данная тема является весьма актуальной, т. к. во все времена система налогообложения была для граждан очень важна, поскольку затрагивала их собственные финансовые интересы. В современной историографии встречаются отдельные работы, посвященные проблеме взимания этого вида налога. Как правило, авторы уделяют особое внимание принципам уплаты чрезвычайного налога в Афинах, его распределения среди гражданского населения и метеков. При этом в исследовательской литературе не затрагивается вопрос о взимании чрезвычайного налога в ходе проведения экономической сделки. В качестве основного источника исследователи используют сообщения античных авторов и некоторые сведения эпиграфики, не привлекая к изучению надписи о сдаче в аренду священных земель. В связи с этим цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть систему взимания экстраординарного налога на территории Аттики во второй половине IV в. до н. э., используя в качестве основного источника тексты договоров, посвященные сдаче в аренду теменосов (священных земель). Этот эпиграфический материал представляет особую ценность при изучении данного вопроса, поскольку в нем содержится информация о том, как происходило взимание чрезвычайного налога с участников аренды земельных участков, принадлежавших богам и героям. На основании изучения текста договоров об аренде священных земель в Аттике второй половины IV в. до н. э. автор приходит к выводу о том, что сбор эйсфоры проводился не только в центре афинского полиса, но и в его области Аттика. Сравнительный анализ эпиграфики со сведениями античных авторов дает возможность исследователю предположить, что эйсфора,

как правило, взималась в соответствии с оценкой стоимости имущества. Использование просопографического метода исследования позволяет автору установить, что уплата чрезвычайного налога возлагалась на арендаторов, граждан, имеющих высокий социальный статус. Кроме того, анализируя эпиграфический материал, автор статьи приходит к заключению, что большинство налогоплательщиков эйсфоры – это коллективы (демы, религиозные сообщества), а не отдельные граждане древнегреческого полиса. В целом сделан вывод о том, что уплата эйсфоры проводилась не только частными лицами, но и целыми объединениями граждан, которые участвовали в экономических сделках, в частности, аренде священных земель. В Аттике существовали специальные должностные лица (демархи, казначеи), которые осуществляли надзор за своевременным внесением эйсфоры.

Ключевые слова: налог, аренда, священные земли, полис, Древняя Греция, должностные лица, имущество, гражданин, коллектив.

Список литературы

- Бузескул, В. П. Афинская демократия. Москва: Вече, 2019. 480 с.
Зинько, В. Н., Зинько, А. В. Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // Боспорские исследования. 2020. Вып. XLI. С. 133–146.
Harris, E. M. Some recent developments in the study of Ancient Greek Law. IN: Journal of Ancient Civilizations, 2018, pp. 187–265.
Worthington, I. Athens After Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian. Oxford, Oxford University Press, 2020, 424 p.

Сведения об авторах

Булычева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра всеобщей истории, доцент, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-250-64-56, 8-963-765-52-05. bulychevalena@yandex.ru

В редакцию статья поступила 05.09.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-154-165

For citation

Bulycheva, Elena V. The collecting of the eisphora in Attica of the second half of the IV century BC according to the lease agreements of temenos (In Russ). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 154–165. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-154-165.

Bulycheva, Elena V., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The collecting of the eisphora in Attica of the second half of the IV century BC according to the lease agreements of temenos

Abstract

The article deals with the problem of organizing the system of collecting the eisphora (emergency tax) in Attica in the second half of the IV century BC. The problem of the payment of the eisphora in Athens in the middle of the IV century BC is one of the most difficult in historiography, primarily for the reason that a small number of sources have survived to our time, thanks to the information of which it is possible to study this question. At the same time, this topic is very relevant, because at all times the taxation system has been very important for citizens, since it affected their own, first of all, financial interests. In modern historiography, there are separate works devoted to the problem of levying this type of tax. As a rule, the authors pay special attention to the principles of payment of the emergency tax in Athens, consideration of its distribution among the civilian population and meteks. At the same time, the research literature does not address the issue of paying an emergency tax during an economic transaction. As the main source, researchers use the information of ancient authors and some epigraphic information, without involving in the study of the inscription on the leasing of sacred lands. In this regard, the purpose of this article is to consider the system of levying an extraordinary tax on the territory of Attica in the second half of the IV century BC, using as the main source the texts of contracts on the leasing of temenos (sacred lands). This epigraphic material is of particular value in the study of this issue, since it contains information about how the collection of an extraordinary tax from the participants of the lease of land belonging to the gods and heroes took place. Based on the study of the text of the lease agreements of sacred lands in Attica of the second half of the IV century BC, the author comes to the conclusion that the collection of the eisphora was carried out not only in the center of the Athenian polis, but also in its Attica region. A comparative analysis with the information of ancient authors allows us to establish that the eisphora, as a rule, was charged in accordance with the valuation of the property. The use of the prosopographic research method allows the author to establish that the payment of the emergency tax was imposed on tenants, citizens with a high social status. In addition, analyzing the epigraphic material, it comes to the conclusion that the majority of taxpayers of the euphora are collectives of citizens (demes, religious communities), and not individual citizens of the

ancient Greek polis. In general, it is concluded that the payment of the eisphora was carried out not only by private individuals, but also by entire collectives of citizens who participated in economic transactions, in particular, the lease of sacred lands. In Attica there were special officials (demarchs, treasurers) who supervised the timely introduction of the eisphora.

Keywords

Tax, rent, sacred lands, polis, Ancient Greece, officials, property, citizen, collective.

References

- Buzeskul, V. P. Athenian Democracy. Moscow: Veche publ., 2019. 480 p.
- Zinko, V. N., Zinko, A. V. Sacral complex from the excavations of the Bosporan city of Tiritak (In Russ.). IN: Bosphorus Studies. 2020. Vol. XLI. C. 133–146.
- Harris, E. M. Some recent developments in the study of Ancient Greek Law. IN: Journal of Ancient Civilizations, 2018, pp. 187–265.
- Worthington, I. Athens After Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian. Oxford, Oxford University Press, 2020, 424 p.

About the authors

Bulycheva Elena V., PhD in History, Associate professor, Russian State University for the Humanities, department of world history, assistant professor, Moscow, Russian Federation, +7-963-765-52-05. bulychevalena@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 05.09.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 93/94+930.23+091+001.53+930.24+930.85+001.6+001.85+009+303.02+303.4+355/359+35.977.535.3

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-166-178

Для цитирования

Маджаров, А. С. «Сказание о Мамаевом побоище»: религиозные символы в структуре исторического описания // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 166–178. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-166-178

Маджаров, А. С.

Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

«Сказание о Мамаевом побоище»: религиозные символы в структуре исторического описания

*И*сториография и задача исследования. История Куликовской битвы изучалась в досоветской, советской и постсоветской литературе. Исследовались разные аспекты события. Ученые К. А. Аверьянов, О. В. Двуреченский, С. Н. Азбелев, В. В. Пенской, А. О. Амелькин и др. писали о времени и месте военного столкновения, численности и составе войск, участвовавших в нем. Большое внимание уделялось историческим источникам, особенно «Сказанию о Мамаевом побоище», повествующем о Куликовской битве. Значительный вклад в его исследование внесли ученые советской эпохи. Освещались разные аспекты темы: время возникновения памятника, редакции, авторство, источники, литературный этикет, взаимодействие произведений Куликовского цикла¹.

Вместе с тем, в ряде работ 1950–1980-х гг., посвященных «Сказанию», мировоззрение средневекового автора интерпретировалось без учета специфики времени возникновения памятника, в современном политологическом контексте. Обращаясь к анализу содержания исторического источника, авторы выделяли в его структуре отрывки разной формы, относительно самостоятельные элементы текста: исторические, эпические и «книжно-риторические», которые

причисляли к «религиозноморализующим сентенциям»². Эти высказывания, являвшиеся маркерами средневекового мировоззрения, рассматривались с критической точки зрения, вне присущей произведению логики», «провиденциальной» методологии. «Церковно-религиозная окраска» документа квалифицировалась как «форма политической мысли». В молитвах выявлялась «определенная политическая тенденция». Провиденциальные эпистемы трактовались как «благочестивая риторика» и не увязывались с эмпирическими фактами. Доказывалось, что произведение выражало «интересы трудовых народных масс», служило делу прогресса³. Такая интерпретация текста сводила картину мира средневекового автора к мировосприятию современного человека.

Данный подход сказался на оценке Киприановской редакции «Сказания». Исторический источник из-за наличия в тексте религиозных «сентенций» рассматривался как материал «сухого и официально-риторического характера»⁴. Не случайно на необходимость изучения «литературных формул» «прежде всего как явления идеологии, мировоззрения», содержащего представления «о мире и обществе» в связи со средневековыми взглядами на «должное», обращал внимание Д. С. Лихачев⁵. А. М. Панченко писал о проблеме взаимодействия «обиходного» и «событийного» слоя в средневековом социуме. По словам специалиста по истории «бунташного века», «обиходный слой» как носитель мировоззренческих, религиозных начал являлся «фундаментом слоя событийного», определял поведенческие структуры, нравственные запреты⁶.

Влияние «обиходного» слоя на «событийный» отразилось и в «Сказании о Мамаевом побоище», но эта взаимосвязь не исследовалась.

Рассмотрим особенности происхождения и содержания Киприановской редакции произведения, сравним ее с другими редакциями для восстановления значения религиозных эпистем, которое соответствует времени создания памятника, средневековой оценки влияния идеального мотива участников Куликовской битвы на ее исход.

Время возникновения, редакции, авторство «Сказания». О событиях Куликовской битвы повествуют литературные памятники конца XIV–XVII вв. – «Задонщина», летописные повести, «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», «Житие Сергия Радонежского».

«Сказание о Мамаевом побоище» как исторический источник, занимает особое место в этом ряду. Оно представлено разными списками, составившими восемь редакций. Четыре из них: Основная, Летописная, Киприановская, Распространенная, относятся к XV–XVI вв.

Исследователи не выработали единого мнения о времени создания «Сказания». Высказывалось предположение, что произведение возникло в первой четверти XV в.⁷ По мнению специалистов, наиболее близка к первоначальному авторскому тексту дошедшая до нас Основная редакция. В некоторых ее списках текст подписан иереем Софонием Рязанцем⁸.

Летописный вариант текста предположительно относили к концу XV – началу XVI столетия⁹.

Киприановская редакция, по заключению Б. М. Клосса, датируется 1526–1530 гг. Ее создателем автор считал составителя Никоновской летописи митрополита Даниила¹⁰.

Время возникновения Распространенной редакции не определено конкретно и обозначалось как «до начала XVII в.»¹¹.

Логика чуда как «методология» «Сказания». Автор Киприановской редакции «Сказания» повествовал о сражении в духе мировоззрения и литературного этикета своего времени: веры, чуда, сакральных действий, нравственных оценок. Согласно его воззрениям, воплотившимся в тексте, судьбоносные моменты Куликовской битвы зарождались и протекали в рамках духовной субстанции на стыке провидения и внутренне мотивированных действий человека.

Создатель «Сказания» подчеркивал духовное начало события, молитвенный, вероисповедный «механизм» подготовки к битве и его действие, соединяя определивший, как он считал, исход сражения «духовный настрой» с реальными военными действиями, которые оценивал с нравственной стороны.

Уже открывая повествование, он представил победу в Куликовской битве как «чудо», и описал событие как назидательную повесть о «чуде», свершившемся с «помощью божьей, молитвами Богородицы, угодника божьего Петра, митрополита Киевского и всея Руси, преподобного Сергия чудотворца и всех святых молитвами», в ходе которого «великий князь Дмитрий Иванович со своим братом двоюродным, князем Владимиром Андреевичем и со всеми князьями русскими посрамил на Дону и прогнал гордого князя Волжской Орды Мамай, а всю Орду его и все их нечестивое войско уничтожил»¹².

Идеология «чудесного» присутствовала во всех редакциях «Сказания», в ранней – Основной, и в более поздней – Распространенной, но была закреплена понятием прямо, осмыслена как «генеральная линия» только в тексте Киприановской редакции.

Связь текущего и сакрального времени в исторической хронологии «Сказания». Одной из граней «логики» «чудесного» в тексте «Сказания» являлась связь событий текущего дня с фактами священной истории. Основные эпизоды подготовки и свершения события по церковному календарю хронологически совпадали с «деяниями вечными», о чем автор произведения неизменно упоминал, и таким образом вносил свет «чудесного», в атмосферу текущей жизни.

Согласно тексту Киприановской редакции «Сказания», митрополит Киприан прибыл «в Москву в четверг шестой недели после Пасхи, в праздник Вознесения Христова». Этот день в свете «новозаветной истории» перекликался с «восшествием Иисуса Христа на небо», обещанием его «второго пришествия»¹³.

Исследователи упоминали о том, что реально в 1380 г. во время Куликовской битвы митрополит Киприан находился в Киеве и не мог лично напутствовать великого князя. Однако авторы Основной, Киприановской, Распространенной редакций «Сказания», в соответствии со средневековым литературным этикетом, согласно которому именно митрополит должен был напутствовать великого князя, включили его в число активных деятелей описываемого события¹⁴.

Приказ великого князя «всем людям быть в Коломне месяца августа в 15 день, на Успенье пречистой Богородицы» для назначения воевод перекликался с церковным преданием, свидетельствовавшим о том, что в это время апостолы, проповедовавшие в различных странах, чудесным образом собрались в Иерусалиме, чтобы проститься с Девой Марией¹⁵.

В свете священной истории реальный путь воинов становился движением к «чуду». Из Коломны, которая действительно была местом сбора русского войска, они выступили в победный поход.

Куликовская битва произошла 8 сентября в двенадцатый праздник Рождества Богородицы, предваряющего рождение Иисуса Христа. Этот день, по описанию автора Киприановской редакции «Сказания», сопровождался сакральными знаками. По его словам, «когда занималось <...> утро, месяца сентября в восьмой день, на праздник Рождества пречистой Богородицы, и всходило солнце, была мгла великая по всей земле, как тьма, и до третьего часа дня, а потом стала убывать»¹⁶.

В соответствии с текстом «Сказания» рати встретились «у устья Непрядвы-реки» в «шестом часу дня», а в «седьмом часу» «обе великие силы» сошлись на бой»¹⁷. В начале «девятого часа» враги стали одолевать русское войско. Казалось, наступила пора вывести на поле сражения свежие силы – «засадный» полк князя Владимира Андреевича. В это время «в лицо» нашей дружине «сильно бил ветер». Тогда волынский воевода Дмитрий Боброк Волынец, один из главных руководителей битвы, предостерег воинов: «Никто пусть не выходит на бой ни в коем случае, господь нам возбраняет»¹⁸.

Когда же заканчивался «девятый час» и «внезапно потянул ветер сзади», «понуждая» бойцов «резерва» вступить в бой, Дмитрий Боброк Волынец принял новое решение. Он обратился к князю Владимиру Андреевичу со словами: «Господин наш князь, час пришел, время приблизилось». А войску передал следующее: «Государи, отцы, братья, дети, други! Идите на подвиг, пришел нам добрый час! Сила святого духа помогает нам»¹⁹.

В ореоле этой сакральной реальности и других многочисленных ее проявлений, описанных в «Сказании» и представ-

ленных зримо в миниатюрах, произошла перемена на поле боя: «побежали татарские полки, а христианские полки гнались за ними, били и секли <...> И такова была победа и помощь божия, и чудеса и знамения»²⁰.

За что сражался на Куликовом поле великий князь Дмитрий Иванович. Победа в битве воспринималась в жизни и описывалась в «Сказании» как «чудо» в атмосфере соединения материального и идеального особой связью – верой.

Важность этой связи, по словам автора Киприановской редакции, Дмитрий Иванович настойчиво подчеркивал воинам. В речах перед битвой, в момент ее начала и после завершения он говорил об идеальной основе победы.

Отвечая на просьбу соратников побережечься в схватке, великий князь заметил, что не может таиться, а должен «прежде всех голову свою сложить <...> за веру христианскую и за все православное христианство»²¹. Решая вопрос о судьбоносной переправе через реку, он вновь говорил о жертвенности за правое дело: «Так перейдем же ныне Дон и сложим там головы свои за святые церкви, за православную веру и за братьев наших христиан»²². Обезжая полки непосредственно перед битвой, Дмитрий Иванович повторил свой призыв воинам: «Возлюбленные отцы и братья! Господа ради и пречистой Богородицы и ради вашего спасения идите на подвиг за православную веру и за братьев наших <...> Умрем же ныне за его святое имя, за православную веру». А когда битва началась, он обратился к воинству с последними напутственными словами: «Братья, пора нам испить чашу. И пусть это место станет нам могилой за имя Христово, за христианскую веру, за все православное христианство»²³.

Наконец, вспоминая о погибших в сражении, князь вновь напомнил оставшимся в живых о том, за что павшие в битве воины сложили головы: «Да будет вечная память всем вам, братья и друзья, православные христиане, пострадавшие за православную веру и за все христианство между Доном и Мечей»²⁴.

Этот призыв полководца разделяло и войско. По словам автора «Сказания», в тот момент, когда стало ясно, что действительно на них наступает Мамай, Дмитрий Иванович стал

«утешать и подбадривать» князей, бояр и воевод, «чтобы <...> были крепки и мужественны». «Они же все воскликнули единогодушно: «Мы готовы пострадать за Христа и за христианскую веру»²⁵.

Митрополит Киприан о смысле Куликовской битвы. Митрополит Киприан в Основной и других редакциях «Сказания» упоминался как лицо, участвующее в подготовке к Куликовской битве. Но в Киприановской редакции, в сравнении с другими ее вариантами, роль иерарха значительно возросла. Здесь он упоминается не только как митрополит, но и как духовный отец Дмитрия Ивановича и духовный лидер²⁶.

В соответствии с текстом «Сказания», князь в преддверии битвы несколько раз обращался к Киприану, а тот раскрывал ему библейскую логику бытия. Опираясь на «Псалтырь», «Книгу притчей Соломоновых», «Евангелие», он формулировал моральные критерии личной ответственности, которых следовало придерживаться на пути к победе. Иерарх, в частности, подчеркивал, что благодать дается «смирненным», отстаивающим правду²⁷.

В Киприановской редакции «Сказания» он раскрыл главное условие, при соблюдении которого могло явиться «чудо» победы. Митрополит сослался на «Евангелие от Матфея»: «Господь велел христианам поступать со смиреномудрием, как говорится в Евангелии: “Будьте мудры как змии и просты как голуби”», а затем пояснил, в чем, по его мнению, заключается мудрость змеи²⁸. Когда ее бьют, она, по словам иерарха, отдает тело, а голову бережет. Так же, считал он, следует поступать христианину. Когда его «гонят, ранят, бьют», он должен все отдать «золото, серебро, имущество, почет, славу», подставить, если понадобится, тело, а голову сохранить. А голова наша, заключал Киприан, «Христос и христианская вера». Ее надо беречь «со всей тщательностью ради любви ко Христу и веры в него»²⁹.

В этих словах «Сказания» заключался смысл Куликовской битвы, который в нее вкладывали в средние века.

Роль религиозных символов в структуре исторического описания. «Логика» «чуда», которой руководствовался автор в описании событий Куликовской битвы, соответствовала

мировоззрению, представлениям о мире и обществе, присутствующим великому князю, его окружению, войску. Люди сражались «за веру христианскую», опираясь на «провиденциальные» и личные основания. Великий князь, его брат и другие исторические лица, упомянутые в «Сказании», согласно миропониманию автора, действовали в «объективных», предопределенных свыше, рамках. Но для достижения победы, торжества «правды», «справедливости» князь и его войско должны были соотносить свои намерения и поступки с библейскими истинами.

Заключение. Религиозные символы выполняли в тексте «Сказания» роль методологических и психологических установок. Они раскрывали субъективную логику человека, значение личной нравственной ответственности на пути к победе, реальности «чуда».

Описанный в «Сказании» идеальный мотив участников Куликовской битвы становился в сражении, перед лицом смерти, объективным фактором и влиял на ее исход. «Сверхличностное начало» (термин Д. С. Лихачева) в душах тысяч воинов вело людей на поле боя и способствовало победе.

Об этом свидетельствуют «религиозноморализующие сентенции» произведения.

Примечания

¹ Дмитриев, Л. А. Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках // Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI в. Ленинград: Аврора, 1984. 392 с.; Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. 360 с.; Салмина, М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // Труды отдела древнерусской литературы. Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. Т. 32. Москва: Наука, 1977. 395 с.

² Дмитриев, Л. А. Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках. С. 335.

³ Дмитриев, Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XI. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1955. С 141, 142, 155. Дмитриев, Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Ленинград: Наука, 1982. С. 347.

- ⁴ Дмитриев, Л. А. Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках. С. 335.
- ⁵ Лихачев, Д. С. Указ. соч. С. 90.
- ⁶ Панченко, А. М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 15.
- ⁷ Дмитриев, Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 342.
- ⁸ Там же. С. 311.
- ⁹ Там же. С. 335.
- ¹⁰ Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. Москва: Наука, 1980. С. 127–128.
- ¹¹ Дмитриев, Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 334.
- ¹² Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Ленинград: Наука, 1982. С. 174.
- ¹³ Там же. С. 178.
- ¹⁴ Лихачев, Д. С. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁵ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Ленинград: Наука, 1982. С. 181.
- ¹⁶ Там же. С. 187–188.
- ¹⁷ Там же. С. 189–190.
- ¹⁸ Там же. С. 190.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 191.
- ²¹ Там же. С. 192.
- ²² Там же. С. 186.
- ²³ Там же. С. 188, 190.
- ²⁴ Там же. С. 194.
- ²⁵ Там же. С. 181.
- ²⁶ Там же. С. 177–179.
- ²⁷ Там же. С. 178.
- ²⁸ Мф. 10:16. Мф. [Мф. In Russ.]. 10:16.
- ²⁹ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Ленинград: Наука, 1982. С. 179.

Аннотация

Источники по истории Куликовской битвы детально исследовались в отечественной историографии. Большое внимание в литературе уделялось «Сказанию о Мамаевом побоище». Значительный вклад

в его исследование внесли ученые советской эпохи. Однако в работах 50–80-х гг. XX в., посвященных этому произведению, мировоззрение средневекового автора интерпретировалось подчас в современном политологическом ключе. Обращаясь к анализу содержания исторического источника, авторы выделяли в его структуре «религиозноморализующие сентенции», которые квалифицировались как «форма политической мысли», проявление политической тенденции. Доказывалось, что текст выражал «интересы трудовых народных масс», служил делу прогресса. О необходимости изучения мировоззрения, воплотившегося в источнике, писал Д. С. Лихачев. А. М. Панченко подчеркивал влияние «обиходного» (мировоззренческого) слоя как фундамента, определявшего поведенческие структуры, нравственные запреты на событийный слой. Влияние «обиходного» слоя на «событийный» отразилось и в «Сказании о Мамаевом побоище», но эта взаимосвязь не исследовалась. Рассмотрим, основываясь на Киприановской редакции произведения, сравнивая ее с другими редакциями, религиозные эпистемы, раскрывающие средневековое понимание смысла сражения как идеальный мотив участников Куликовской битвы, повлиявший на ее исход. Автор Киприановской редакции «Сказания» повествовал о сражении в контексте мировоззрения и литературного этикета своего времени: веры, сакральных действий, нравственных оценок, представлений о должном. Согласно его воззрениям, подготовка и ход Куликовской битвы протекали в рамках провиденциального ареала и внутренне мотивированных действий человека. Создатель «Сказания» подчеркивал вероисповедный «механизм» подготовки к битве, соединял духовный настрой воинов с реальными военными действиями. Он связывал события текущего дня с фактами священной истории, интерпретировал их в духе сакральной реальности, воспринимал и описывал победу в битве как «чудо», свершившееся в атмосфере религиозной веры. Мысль о важности веры как ценности, за которую шла битва, проводилась во всех редакциях памятника. Об этом свидетельствовали призывы великого князя Дмитрия Ивановича к воинам. Эту идею исповедовал митрополит Киприан. Религиозные символы в тексте «Сказания» раскрывали субъективную логику человека, значение личной нравственной ответственности на пути к победе. В жизни и в произведении они выполняли соответствующую времени роль психологических и методологических установок.

Ключевые слова: «Сказание о Мамаевом побоище», Киприановская редакция, исторический источник, литературный этикет, религиозное мировоззрение, ценности, субъективная логика, интерпретация.

Список литературы

Дмитриев, Л. А. Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках // Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI в. Ленинград: Аврора, 1984. 392 с.

Дмитриев, Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XI. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1955. С. 140–155.

Дмитриев, Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Ленинград: Наука, 1982. С. 306–359.

Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. 360 с.

Панченко, А. М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 464 с.

Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. Москва: Наука, 1980. 312 с.

Салмина, М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // Труды отдела древнерусской литературы. Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. Т. 32. Москва: Наука, 1977. 395 с.

Сказания и повести о Куликовской битве. Москва: Наука, 1982. 434 с.

Сведения об авторах

Маджаров Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, кафедра философии и искусствознания, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация, 8-914-941-68-74, mas@home.isu.ru

В редакцию статья поступила 16.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-166-178

For citation

Madzharov, Alexander S. «The Tale of the Massacre of Mamayev»: religious symbols in structure of historical description (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 166–178. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-166-178

Madzharov, Alexander S., Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

«The Tale of the Massacre of Mamayev»: religious symbols in structure of historical description

Abstract

Sources on the history of the Battle of Kulikovo have been studied in detail in Russian historiography. Much attention in the literature was paid to “The Tale of the Massacre of Mamaev.” Soviet-era scientists made significant contributions to his research. However, in the works of the 50-80s. XX century, dedicated to this work, the worldview of the medieval author was sometimes interpreted in a modern political science key. Turning to the analysis of the content of the historical source, the authors identified “religious and moralizing maxims” in its structure, which were qualified as a “form of political thought”, a manifestation of a political tendency. It was argued that the text expressed the “interests of the working masses” and served the cause of progress. D.S. Likhachev wrote about the need to study the worldview embodied in the source. A.M. Panchenko emphasized the influence of the “everyday” (worldview) layer, as the foundation that determined behavioral structures, moral prohibitions, on the event layer. The influence of the “everyday” layer on the “event” layer was also reflected in “The Tale of the Massacre of Mamayev,” but this relationship was not studied. Let us consider, based on the Cyprian edition of the work, comparing it with other editions, religious epistemes that reveal the medieval understanding of the meaning of the battle, as the ideal motive of the participants in the Battle of Kulikovo, which influenced its outcome. The author of the Cyprian edition of the “Tale” narrated the battle in the context of the worldview and literary etiquette of his time: faith, sacred actions, moral assessments, ideas about what should be. According to his views, the preparation and course of the Battle of Kulikovo took place within the framework of the providential area and internally motivated human actions. The creator of the “Tale” emphasized the religious “mechanism” of preparation for battle and combined the spiritual mood of the warriors with real military operations. He connected the events of the current day with the facts of sacred history, interpreted them in the spirit of sacred reality, perceived and described the victory in the battle as a “miracle” that happened in an atmosphere of religious faith. The idea of the importance of faith as a value for which the battle was fought was carried out in all editions of the monument. This was evidenced by Dmitry Ivanovich’s calls to the soldiers. This idea was professed by Metropolitan Cyprian. Religious symbols in the text of the “Tale” revealed the subjective logic of man, the meaning of personal moral responsibility on the path to victory. In life and in work, they performed the role of psychological and methodological attitudes appropriate to the time.

Keywords

The Legend of the Massacre of Mamayev, Cyprian's edition, historical source, literary etiquette, religious worldview, values, subjective logic, interpretation.

References

Dmitriev, L. A. The Kulikovo Battle in Old Russian literary monuments (In Russ.). IN: The Tale of the Kulikovo Battle. Text and miniatures of the 16th century facial vault. Leningrad: Aurora, 1984. 392 p.

Dmitriev, L. A. Publicistic Ideas of “The Tale of the Battle of Mama” (In Russ.). IN: Proceedings of the Department of Old Russian Literature. VOL. XI. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1955, pp. 140–155.

Dmitriev, L. A. Literary history of the monuments of the Kulikovo cycle (In Russ.). IN: Tales and stories about the Kulikovo battle. Leningrad: Nauka, 1982, pp. 306–359.

Likhachev, D. S. Poetics of Old Russian Literature. Moscow: Nauka, 1979. 360 p.

Panchenko, A. M. On Russian History and Culture. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 464 p.

Kloss, B. M. Nikonovsky vault and Russian annals of the XVI–XVII centuries. Moscow: Nauka, 1980. 312 p.

Salmina, M. A. Once again about the dating of the “Chronicle Tale” about the Kulikovo Battle (In Russ.). IN: Kulikovo Battle. Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Textology and Poetics of Russian Literature of the XI–XVII Centuries. T. 32. Moscow: Nauka, 1977. 395 p.

Tales and tales about the Kulikovo Battle. Moscow: Nauka, 1982. 434 p.

About the authors

Madzharov Alexander Stanislavovich, doctor of history, professor, the Baikal state University, department of Philosophy and Art History, professor, Irkutsk, Russian Federation, +7-914-941-68-74, mas@home.isu.ru

The article was received in the editorial office on 16.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 93/94+930.23+651.5+930.25+001.6+001.53+001.85+002.6+651.9+303.04+303.092+303.64+316.023.6+316.443+316.356.4+316.342.6+32.019.51+32.019.52+32.019.57+659.4+329.14+329.15+329.285+329.286+329.61+329.63+329.8+17.023.36

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-179-192

Для цитирования

Колпаков, П. А. Противодействие распространению антиправительственных изданий на железных дорогах России в последней четверти XIX – начале XX в. По материалам жандармской железнодорожной полиции // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 179–192. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-179-192

Колпаков, П. А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Противодействие распространению антиправительственных изданий на железных дорогах России в последней четверти XIX – начале XX в. По материалам жандармской железнодорожной полиции

В настоящее время обращение к историческому опыту обеспечения безопасности транспорта отечественными специальными службами приобретает особую актуальность. В постсоветской исторической науке служба жандармских железнодорожных частей и подразделений сформировалась в качестве самостоятельного предмета исследований. Исследователи рассматривают служебную деятельность императорской железнодорожной полиции как сложный многовекторный процесс, реализовывавшийся в целях защиты государственных интересов на железных дорогах¹. Вместе с тем вопросы противодействия распространению противоправительственных изданий на железных дорогах России в последней четверти XIX – начале XX в. не были в полной мере изучены.

Пропагандистской литературе в дестабилизации монархических устоев революционеры определяли особое значение².

Выявление распространителей незаконных изданий являлось важным направлением деятельности железнодорожных жандармов. Борьба с революционными идеями требовала пресечения их насаждения через печатное слово в пределах стальных магистралей. Социальной среде, сложившейся вокруг железных дорог, были присущи многолюдность, поверхностность контактов и интенсивность перемещений пассажиров. Такие условия являлись привлекательными для революционной агитации. Кроме того, тяжесть труда железнодорожников и низкая оплата нередко обуславливали их интерес к антимонархическим воззрениям.

Новые смыслы обрела агитация в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Согласно циркулярам железнодорожной полиции, пацифистские общества использовали «доставку органов повременной печати в действующую армию, госпитали и лазареты, а также в поезда с эшелонами войск и раненых воинов в целях распространения революционных воззваний путем вкладывания таковых в газетные листы и журналы»³.

Для ориентирования чинов железнодорожной полиции на выявление запрещенной литературы и газет в адрес управлений и отделений Департаментом полиции МВД выслались засекреченные перечни⁴. Опасность революционной пропаганды для монархии заключалась в навязывании населению неприятия мер государственной политики. Так, 9 ноября 1906 г. был издан указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Нормативный акт разрешал крестьянам выделять свое хозяйство из общины. Этот процесс являлся «краеугольным камнем» аграрной реформы П. А. Столыпина. По замыслу преобразований крестьянство должно было состояться как класс полноправных собственников земли, заинтересованных в эффективном производительном труде. Заинтересованными в политической дестабилизации силами в 1910 г. началось распространение, в том числе в пределах «чугунки», брошюры «Крестьянское землеустройство о законе 9 ноября 1906 г.», в которой «помимо обычных в революционных изданиях нападок на Правительство и отдельные его органы» содержался призыв к крестья-

нам вести против реформы самую упорную борьбу. В связи с антиправительственным характером призыва железнодорожные жандармы получили приказ «следить за появлением среди крестьян агитации в духе означенной брошюры <...> таковую отбирать» и с составленными протоколами направлять начальникам своих отделений⁵.

Особое внимание обращалось на издания, направленные на дискредитацию представителей императорской фамилии. Секретным распоряжением Департамента полиции МВД от 15 ноября 1915 г. № 17531 железнодорожным жандармам было приказано принять меры к изъятию из обращения печатной продукции, содержащей совместные изображения Николая II и Вильгельма II⁶. Новые реалии военного времени требовали предания забвению связи двух правителей, объединенных родственными узами (германский император приходился российскому троюродным дядей). Их совместное изображение использовалось для антиправительственной агитации населения, сводящейся к тому, что оба монарха одинаково несут простому русскому народу войну и разорение.

Печатное слово использовалось не только против императора Николая II, но и для дискредитации иностранных правителей. 31 декабря 1916 г. в адрес Жандармского полицейского управления железных дорог (ЖПУЖД) был направлен секретный циркуляр контрразведывательного отделения штаба Минского военного округа, в котором сообщалось о том, что в Женеве журналистом Светолином Якишком была издана брошюра «Сербия на чужбине». Издание содержало оскорбления сербского короля Петра I Карагеоргиевича. Также к описанию содержания брошюры военная контрразведка прибавляла, что в ней «ясно подчеркнуто желание автора поссорить Сербию со своими союзниками, и видна тенденция повернуть Сербскую армию против ее короля». По просьбе сербского правительства издание было запрещено к продаже на территории Российской империи⁷. Очевидно, что информационное воздействие, направленное на формирование негативного восприятия Сербии как военного союзника России, в условиях противостояния Тройственному союзу было недопустимым.

Изымавшиеся из торговли экземпляры газет направлялись начальниками отделений в адрес вышестоящих организаций: в ЖПУЖД и в канцелярии градоначальников, где таковые имелись⁸.

Аресты изданий, наложенные по постановлениям органов по делам печати, утверждались судами. Подтверждением такой организации изъятия литературы является циркуляр, адресованный начальникам отделений Московского ЖПУЖД от 13 января 1909 г. В документе сообщалось о том, что определениями Санкт-Петербургских судебных установлений утверждены аресты № 1 газеты «Социал-демократ», выпущенного типографией РСДРП 1 октября 1904 г., № 2 и 3 от 25 февраля и 15 марта 1907 г. нелегального издания эсеров под названием «Земля и воля», листка под заглавием «Всеобщее равное, прямое и тайное избирательное право» и брошюры «Чартистское движение»⁹.

О санкционировании распространения литературы в пределах железных дорог книгоношами отдельных религиозных обществ Департамент полиции МВД оповещал части и подразделения железнодорожной жандармерии для устранения полицейских барьеров для их деятельности. Так, например, 30 сентября 1914 г. всем начальникам ЖПУЖД был направлен циркуляр за подписью директора Департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполита, согласно которому Главным управлением по делам печати был разрешен «беспрепятственный допуск книгонош Петроградского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви к продаже печатных произведений названного общества»¹⁰.

Печатное слово в пределах железных дорог использовалось не только в деле политической агитации, но и для извлечения злонамеренными людьми незаконной прибыли. В январе 1916 г. унтер-офицеры Муромского отделения Московского ЖПУЖД получили распоряжение пресекать продажу открытых писем, альбомов и календарей, содержащих призыв к сбору пожертвований в пользу «Комитета для снаряжения экспедиции к Северному полюсу». Особенность ситуации заключалась в том, что научное путешествие под

руководством русского гидрографа и полярного исследователя Г. Я. Седова завершилось неудачей и его гибелью 20 февраля 1914 г., однако сбор пожертвований продолжался. При обнаружении печатной продукции комитета жандармам надлежало предоставлять ее начальнику отделения¹¹.

Передача газеты, листка с воззванием или брошюры была сопряжена для распространителя с опасностью быть раскрытым. В этот момент курьер оказывался в уязвимом положении и был вынужден действовать максимально осторожно. Так, например, 16 марта 1904 г. начальник штаба Виленского военного округа генерал Н. В. Рузский секретным отношением уведомил заведующего передвижением войск Виленского района о выявленной попытке передачи солдату агитационного издания. Из документа следует, что в Гомеле неизвестный подошел на улице к нижнему чину и со словами «Солдатик, прочитай, тут про войну» передал последнему брошюру под названием «За Веру, Царя и Отечество». Издание оказалось «вредного содержания». Также генерал В. Н. Рузский указал на подобный случай, имевший место на железнодорожной станции Бобруйска¹². Примечательным в данном случае является использование агитаторами выдержанного в духе государственной идеологии заголовка брошюры. Солдату или офицеру, которому она передавалась, требовалось время для ознакомления с содержанием, чтобы прийти к выводу о ее противоправительственном характере. Это давало возможность распространителю революционных изданий удалиться и избежать задержания.

Надзорная деятельность железнодорожных жандармов распространялась также на мероприятия, проводившиеся на станциях и вокзалах. Согласно секретному циркуляру штаба Отдельного корпуса жандармов от 31 декабря 1989 г. № 508, на железнодорожную полицию возлагалась обязанность требовать от организаторов зрелищ и представлений надлежащего удостоверения о том, что номера программы не противоречили цензурным правилам¹³. Интересной особенностью отдельных мероприятий развлекательного и просветительского характера являлось использование вагонов-выставок и вагонов-лекториев. Жандармерией принималась во внимание опасность распространения в местах их остановки «вредных

изданий». Например, в 1913 г. начальником Северных железных дорог был учрежден вагон-выставка «для курсирования по линиям дорог с целью распространения среди железнодорожного населения сведений о вреде алкоголизма, ознакомления с заразными болезнями и средствами предохранения от них, а равно и другими отделами здравоохранения». При выставке на станциях организовывались чтения санитарных, участковых и больничных врачей с демонстрацией рисунков и диаграмм, препаратов под микроскопом, восковых слепков и раздачей слушателям брошюр и листовок. Жандармами Вологодского отделения Санкт-Петербургского ЖПУЖД осуществлялось сопровождение мероприятий при вагоне-выставке на предмет пресечения возможных попыток распространения революционной литературы¹⁴.

Жандармский надзор на железных дорогах охватывал также библиотеки. Значительное количество противозаконных изданий обнаруживалось в ходе осмотра учреждений, осуществлявших хранение произведений печати для общественного пользования, расположенных в районах, вверенных отделениям¹⁵. Очевидно, что служащий библиотеки, предоставлявший посетителям революционную литературу не по незнанию или невнимательности, а имея на то умысел, стремился скрыть такие экземпляры от возможной проверки и сам их жандармам не показывал. Для раскрытия сочувствовавших делу революции среди библиотекарей железнодорожные полицейские подсылали к ним «благонадежных служащих», которые просили «дать почитать что-нибудь запрещенное», а о результатах просьбы уведомляли жандармов¹⁶. Успешный подход становился поводом для скрупулезной проверки.

Выполнение функций политической полиции в пределах стальных магистралей требовало от железнодорожной жандармерии понимания революционного движения. Оно достигалось, в частности, посредством ознакомления с запрещенной литературой. Департаментом полиции осуществлялась рассылка изъятых экземпляров в ЖПУЖД, о чем уведомлялись начальники отделений¹⁷.

Кроме того, в жандармские управления на железных дорогах направлялись обзоры революционных изданий и извлече-

ния «из особо заслуживающих внимания статей революционного толка»¹⁸.

Чины железнодорожной жандармерии не только изымали незаконные издания, но и проявляли инициативу в отношении наложения запретов книг и брошюр. Такого рода предложения вышестоящему начальству делали начальники жандармских железнодорожных отделений, в частности, после ознакомления с наполнением книжных шкафов подчиненных подразделений¹⁹.

Значительный интерес для железнодорожной полиции представляло получение информации о грузах с запрещенными изданиями для их ареста. Такие сведения получались путем взаимодействия с негласными осведомителями в революционной среде.

Примером результата агентурной работы, достигнутого отделением по охране общественной безопасности и порядка в Москве, является получение в марте 1907 г. информации о том, что распоряжение по Московскому генерал-губернаторству об аресте литературы, напечатанной в книгоиздательствах «Новое товарищество», «Молодая Россия», «Народная мысль Е. Мягкова», входивших в «Союз книгоиздательств партии социалистов-революционеров», побудило эсеров направлять из Москвы грузы книг и брошюр в провинцию. При этом осведомители московской охраны сообщали, что «почти ежедневно на всех вокзалах производится отправка транспортов с революционной литературой». Для выявления грузов с противоправительственными книгами и брошюрами эти сведения были переданы в железнодорожную жандармерию²⁰.

В январе 1914 г. отделением по охране общественной безопасности и порядка в Москве была направлена в адрес Санкт-Петербургского ЖПУЖД полученная агентурным путем информация об ожидавшейся отправке 9 января из Петербурга в Москву нелегальной литературы Центрального комитета и Петербургского комитета РСДРП. Было известно, что издания пересылались багажом весом 1–1,5 пуда, в связи с чем железнодорожные жандармы получили указание о «возможном секретном досмотре багажа указанного веса»²¹.

Негласное изучение грузов нередко приносило жандармской полиции искомый результат. Так, 1 декабря 1890 г. начальником Вержболовского пограничного отделения Санкт-Петербурго-Варшавского ЖПУЖД в ходе осмотра учебной литературы, присланной на имя виленского купца Лазаря Сомаха, была обнаружена печатная брошюра «Русская социал-революционная библиотека, книга третья, Манифест коммунистической партии Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Женева, Вольная Русская Типография, 1882»²².

Жандармские части и подразделения передавали добытые в процессе несения службы сведения охранным отделениям, выполнявшим в Российской империи руководящую роль в отношении политического сыска. Так, 23 марта 1907 г. шифрованной телеграммой московская охранка была уведомлена о том, что центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза маскирует грузы с агитационной печатью под наименование «целебные воды № 29»²³.

Подобные манипуляции с грузами зачастую не были возможны без содействия железнодорожных служащих. Функции посыльных, осуществлявших пересылку незаконных текстов, как правило, брали на себя кондукторы. Такая закономерность объяснялась разъездным характером их работы. Указания на вовлеченность кондукторов в противоправительственную агитацию содержатся в секретных циркулярах III отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, адресованных начальникам ЖПУЖД, уже во время правления Александра II²⁴.

Жандармские проверки проводились не только на основании информации осведомителей об отправлении грузов литературы, но и о деятельности железнодорожных рабочих и служащих, заподозренных в ее распространении. Примером этого является дело об увольнении служащего станции Карачев Риго-Орловской железной дороги Михаила Фалева. 15 сентября 1903 г. в связи с получением агентурной информации о причастности Фалева к революционной агитации на станцию Карачев был направлен жандармский унтер-офицер Марк Романович, который по прибытии произвел обыск в служебной комнате товарной конторы, предна-

значавшейся для отдыха служащих. В ходе осмотра спальных мест под тюфяком кровати попавшего под подозрение служащего было обнаружено семь брошюр, выпущенных эсерами, издания 1902 и 1903 гг.²⁵ В связи с изобличением Фалеев был уволен со службы, а начальник товарной конторы Ершов, допустивший в своем учреждении агитацию, был переведен на другую станцию, на его место по согласованию с начальником Риги-Орловской дороги было запланировано назначение агента-осведомителя²⁶. Такая мера могла быть определена тем, что агитация оказывала тлетворное влияние и на других служащих конторы, в связи с чем возникла необходимость негласного сбора сведений как в ее пределах, так и на станции в целом.

Использованные в исследовании источники позволяют сделать вывод о том, что для пресечения распространения революционной печати в пределах железных дорог жандармская полиция принимала разнообразные меры, стремясь как перехватывать грузы с литературой, так и задерживать причастных к агитации лиц. В указанных направлениях задействовались негласные осведомители. Однако глубина кризисных явлений в России, вызванные ими симпатии и широкая вовлеченность железнодорожников в дело революции создавали условия, в которых жандармы не могли кардинально повлиять на распространение противоправительственной агитации.

Примечания

¹ Рыжова, Ю. В. Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи. Москва: Проспект, 2020. 136 с.; Гончарова, Ю. В. Жандармские полицейские управления железных дорог, 1867–1917 гг. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 239 с.; Никонов, К. О. К вопросу о становлении жандармских полицейских управлений железных дорог на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Современная научная мысль. 2021. № 3. С. 26–32; Потёмкин, И. А. Основные направления деятельности и взаимодействия жандармских полицейских управлений железных дорог в годы Первой мировой войны // Вестник Всероссийского института повышения квалификации

сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 4 (52). С. 103–112.

² Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 2: 1895–1897. Москва: Издательство политической литературы, 1967. С. 446.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 59. Оп. 1. Д. 462. Л. 285.

⁴ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 113. Л. 3, 4, 6.

⁵ Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 812. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 363. Л. 9.

⁷ Там же. Д. 285. Л. 8.

⁸ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 75. Л. 1, 8, 10, 13, 20, 23, 25, 64.

⁹ Там же. Д. 49. Л. 15–15 об.

¹⁰ Там же. Д. 75. Л. 253.

¹¹ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 498. Л. 3.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1984. Оп. 1. Д. 38. Л. 3–4.

¹³ ГАРФ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

¹⁴ Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 813. Л. 19.

¹⁵ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 113. Л. 9–13, 17–18 об., 22–22 об.

¹⁶ Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 96. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 447. Л. 72–73 об.

¹⁸ Там же. Л. 77. Ibid., p. 77.

¹⁹ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 49. Л. 16–16 об.

²⁰ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 179. Л. 13.

²¹ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 75. Л. 1В–1В об.

²² Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 36. Л. 32–32 об.

²³ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 179. Л. 19–20.

²⁴ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

²⁵ Там же. Д. 15. Л. 1–2.

²⁶ Там же. Л. 14–14 об.

Аннотация

Статья посвящена реконструкции исторического опыта противодействия распространению революционной и антивоенной литературы в пределах стальных магистралей Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в. На основе анализа делопроизводственной документации жандармской железнодорожной полиции определены два основных направления борьбы жандармов с противоправительственными изданиями – надзорная деятельность и получение сведений от негласных осведомителей. Важность противодействия распростране-

нию незаконных изданий на железных дорогах определялась концентрацией пассажиров в пределах их инфраструктуры. Особое значение эта борьба приняла в годы Первой мировой войны, когда активность агитаторов была обращена на насаждение пацифистских настроений среди нижних чинов и офицеров. Через печать революционеры критиковали царское правительство и принимавшиеся им решения; дискредитировали императорскую фамилию и правящие династии союзных России стран. О допусках представителей общественных организаций и издательств на железнодорожные станции Департамент полиции МВД уведомлял жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД). Законность деятельности распространителей литературы проверялась жандармскими чинами. Нередко агитаторы шли на ухищрения, передавая революционную литературу под не вызывавшими подозрений обложками. Надзор жандармской железнодорожной полиции охватывал также мероприятия, проводившиеся при передвижных вагонах-выставках и вагонах-лекториях. Изучались книги и брошюры, выдававшиеся их посетителям. Наибольшее количество запрещенных изданий выявлялось в ходе осмотров книжных шкафов библиотек, размещавшихся на железнодорожных станциях. Для обнаружения скрывавшихся экземпляров к библиотекарям допускалось подсылать осведомителей с просьбой предоставить для чтения запрещенную литературу. Оказание такой услуги библиотекарем становилось основанием для внимательной проверки вверенного ему учреждения. Взаимодействие железнодорожных жандармов с осведомителями не ограничивалось надзором за библиотеками. От находившихся в среде революционеров агентов поступала информация о грузах незаконной литературы, перевозившихся железнодорожным транспортом. Наименования таких грузов в сопроводительной документации искажались отправителями. Вскрывались случаи содействия железнодорожных служащих транспортников революционной литературы в поездах. Сделан вывод о том, что жандармерией реализовывался широкий спектр мероприятий, направленных на пресечение распространения вредной литературы в пределах вверенной им железнодорожной инфраструктуры. Вместе с тем глубина социально-политического кризиса в России, завершившегося разрушением империи в 1917 г., не позволяла жандармам кардинально повлиять на распространение революционной агитации.

Ключевые слова: железнодорожная полиция, железнодорожная жандармерия, железная дорога, революционные издания, антимонархическая печать, антивоенная агитация, исторические источники, архивные документы.

Список литературы

Рыжова, Ю. В. Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи. Москва: Проспект, 2020. 136 с.

Гончарова, Ю. В. Жандармские полицейские управления железных дорог, 1867–1917 гг. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 239 с.

Никонов, К. О. К вопросу о становлении жандармских полицейских управлений железных дорог на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Современная научная мысль. 2021. № 3. С. 26–32.

Потёмкин, И. А. Основные направления деятельности и взаимодействия жандармских полицейских управлений железных дорог в годы Первой мировой войны // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 4 (52). С. 103–112.

Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 2: 1895–1897. Москва: Издательство политической литературы, 1967. 678 с.

Сведения об авторах

Колпаков Петр Александрович, кандидат исторических наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кафедра истории России, старший преподаватель, г. Москва, Российская Федерация, 8-985-749-61-18, 1kolpakov1@rambler.ru

В редакцию статья поступила 09.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-179-192

For citation

Kolpakov, P. A. Counteraction to the spread of anti-government publications on the railroads of Russia in the last quarter of the XIX – early XX century. On the materials of the gendarme railway police (In Russ). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 179–192. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-179-192

Kolpakov, Petr A., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Counteraction to the spread of anti-government publications on the railroads of Russia in the last quarter of the XIX – early XX century. On the materials of the gendarme railway police

Abstract

The article is devoted to the reconstruction of the historical experience of countering the spread of revolutionary and anti-war literature within the steel highways of the Russian Empire in the last quarter of the 19th – early 20th centuries. Based on an analysis of the records of the gendarmerie railway police, two main directions of the gendarmes' struggle with anti-government publications were identified – supervisory activities and obtaining information from secret informants. The importance of countering the spread of illegal publications on railways was determined by the concentration of passengers within their infrastructure. This struggle took on particular significance during the First World War, when the activity of agitators was aimed at instilling pacifist sentiments among the lower ranks and officers. Through the press, revolutionaries criticized the tsarist government and the decisions it made; discredited the imperial family and the ruling dynasties of countries allied with Russia. The Police Department of the Ministry of Internal Affairs notified the railway gendarmerie police departments (GPUZD) about the admission of representatives of public organizations and publishing houses to railway stations. The legality of the activities of literature distributors was checked by gendarmerie officials. Often, agitators resorted to subterfuge, handing over revolutionary literature under covers that did not arouse suspicion. The supervision of the gendarmerie railway police also covered events held at mobile exhibition carriages and lecture carriages. The books and brochures given to their visitors were studied. The largest number of prohibited publications was identified during inspections of library bookcases located at railway stations. To discover hidden copies, it was allowed to send informants to librarians with a request to provide prohibited literature for reading. The provision of such a service by a librarian became the basis for a careful inspection of the institution entrusted to him. The interaction of railway gendarmes with informants was not limited to the supervision of libraries. Information was received from agents among the revolutionaries about cargoes of illegal literature transported by rail. The names of such cargo in the accompanying documentation were distorted by the senders. Cases of railway employees assisting in the transportation of revolutionary literature on trains were revealed. It was concluded that the gendarmerie implemented a wide range of measures aimed at suppressing the spread of harmful literature within the railway infrastructure entrusted to them. At the same time, the depth of the socio-political crisis in Russia, which ended with the destruction of the empire in 1917, did not allow the gendarmes to radically influence the spread of revolutionary agitation.

Keywords

Railway police, railway gendarmerie, railway, revolutionary publications, anti-monarchist press, anti-war agitation, исторические источники, архивные документы.

References

Ryzhova, Y. V. Gendarme police management of railroads in the system of ensuring transportation security of the Russian Empire (In Russ.). Moscow: Prospect, 2020. 136 p.

Goncharova, Y. V. Gendarmerie police departments of railroads, 1867–1917 gg. Dissertation. ... kand. jurid. nauk (In Russ.). Moscow, 2000. 239 p.

Nikonov, K. O. To the question of the formation of gendarme police departments of railroads in the Far East of Russia (late XIX – early XX centuries.) (In Russ.). IN: Modern Scientific Thought. 2021. № 3, pp. 26–32.

Potemkin, I. A. The main directions of activity and interaction of gendarme police departments of railroads in the years of the First World War (In Russ.). IN: Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. № 4 (52). Pp. 103–112.

Lenin, V. I. Complete Works. T. 2: 1895–1897 (In Russ.). Moscow: Political Literature Publishing House, 1967. 678 p.

About the authors

Kolpakov Petr A., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Russian History of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, +7-985-749-61-18, 1kolpakov1@rambler.ru

The article was received in the editorial office on 09.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 32.019.57+343.326+32.019.52+316.334.22+002.2+091+303.025+303.214.4+316.014+316.032+329.14+002.6.048.26+316.356+329.285+329.61+329.8+332.012.36+332.364+711.144+332.365+343.3/.7+343.301+343.323+392.91+81'373.23+63-057.2+929.532+347.183
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-193-204

Для цитирования

Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. А. Российская деревня 1905–1907 гг. в исторической памяти поколения «революционного перелома». На материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 193–204. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-193-204

Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. А.

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация

Российская деревня 1905–1907 гг. в исторической памяти поколения «революционного перелома». На материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев

Поколенческие исследования в истории позволяют устанавливать новые причинно-следственные связи между историческими событиями в эпоху радикальных перемен, требующих коллективного усилия, поскольку фокусируются на изменениях в мышлении социально-демографической группы, выступающей подлинным актором истории. В исследовании предметом изучения выступает историческая память поколения «революционного перелома» о важнейших социально-политических событиях начала XX в. В этой памяти сохранено нетривиальное представление об уникальном социальном опыте поколения, оказавшего существенное влияние на деревенскую среду в годы «революционного перелома».

Само понятие поколение «революционного перелома» заимствовано из теоретико-социологических изысканий Ю. А. Левады, относившего к нему тех, кто был рожден «примерно

в 90-х годах XIX века»¹. В фокусе исследования – воспоминания членов Общества политкаторжан, представителей указанного поколения, поскольку в него входили наиболее активные участники революционных событий начала прошлого столетия. В соответствии с определением К. Манхейма, считаем поколением социально-демографическую группу, в которой все связаны друг с другом тем, что «они испытывают на себе воздействие социальных и интеллектуальных симптомов процесса динамической дестабилизации»². При столкновении с новыми обстоятельствами («новые контакты» поколения) в сознании поколения происходят существенные трансформации, поэтому можно сказать, что поколение «революционного перелома» становится носителем революционного умонастроения. Его представители являются не только выразителями, но и распространителями революционного мышления, осуществляя его трансферт из города в деревню.

При этом наша исследовательская стратегия отвечает проблематике поколения как «места памяти»³. П. Нора акцентирует внимание на том, что молодежь является ведущей социальной группой, определяющей конкретные эпохи внутри XX в. Он характеризует динамичную ситуацию роста фактора молодежи в социуме, «прогрессирующую автономизацию молодежного материка»⁴. Можно сказать, что спусковым крючком этого процесса в России стали революционные события 1905–1907 гг. При этом следует понимать, что отождествление «места памяти» и исторического факта недопустимо⁵. Для исторической памяти характерно не только достоверное изложение фактического материала, но и его искажение под влиянием существенного компонента воображения. Так, В. А. Ипполитов в ходе своего исследования на основе архивных источников приходит к выводу о том, что для крестьянских воспоминаний событий 1905–1907 гг. «характерна “романтизация” революционных событий в деревне»⁶.

Трудности материального характера были одним из главных факторов роста привлекательности революционных идей среди молодежи «революционного перелома». Например, крестьянин-бедняк Петров, будучи гимназистом военно-фельдшерской школы, отмечал, что «стремление осмыслить

окружающее, узнать почему одни, ничего не делая, живут в полном достатке, а другие, работая как волы, не имеют достаточно хлеба, свели с теми, кто шел с пропагандой в царскую казарму»⁷. Крестьянин Корочкин вспоминал о том, что бедственное положение деревни стало главным фактором радикализации его настроений⁸. Анализ автобиографий политкаторжан показывает, что нередко молодые крестьяне уезжали в город в поиске альтернативной возможности заработка, где и знакомились с революционными идеями⁹.

Атмосфера аграрных волнений усиливала леворадикальные настроения части молодых крестьян. Будучи свидетелем аграрных беспорядков в Балашовском уезде Саратовской губернии, крестьянин Коротков отмечал у себя прилив «революционной энергии»¹⁰. Впрочем, он же вспоминал о том, что на его односельчанина Яханова «выкуривание помещиков из их вековых гнезд» подействовало иначе, он, испугавшись, пересмотрел свои взгляды и вернулся к родителям, покинув революционную ячейку¹¹. По всей видимости, для части молодых сельчан увлечение леворадикальными идеями было своеобразным проявлением неконформизма, свойственным молодежи в целом. Далеко не все были готовы к радикальным способам борьбы с существующими порядками.

Одним из важных факторов радикализации настроений деревенских ребят были детские и юношеские впечатления, которые производила на них атмосфера повседневности революционных дней. Например, Цветков-Просвещенский отмечал, что, будучи мальчиком, приезжал из деревни к отцу в Вышний Волочек, где в разгар всеобщей октябрьской стачки стал свидетелем усмирения казаками бастующих рабочих¹². Это событие, по его личным свидетельствам, стало определяющим в стремлении познакомиться с революционерами и их идеями¹³. Уроженец Кубанской области крестьянин Безуглый утверждал, что детские впечатления событий первой русской революции стали не только поводом для игр в «забастовщиков», но и способствовали изучению народнической литературы¹⁴. Не менее примечателен отрывок из автобиографии крестьянина Цветкова: «События 9 января положили начало моему знакомству с освободительным движением»¹⁵.

Выходец из крестьянской семьи Шандыбин вспоминал о том, что революционная эмоция захлестнула Сибирь, в центр которой (г. Иркутск) из сельских территорий стекала вся каторга и ссылка. В своих воспоминаниях он утверждал, что это был только «революционный угар» накануне настоящей революции 1917 г.¹⁶ Последнее, конечно, является не реальным переживанием, а искажением исторической реальности с учетом последующего опыта, однако наглядно отражает трансформацию сознания молодых крестьян.

События первой русской революции активизировали распространение революционных идей на селе. Занимавшийся пропагандой среди крестьян юга России Черкунов указывал на возросший интерес сельчан к содержанию революционной агитации¹⁷. В частности, в своих воспоминаниях он отмечал, что в 1905 г. желание крестьян проникнуть в сущность большевистского учения было настолько велико, что некоторые из них буквально зазубривали содержание II съезда РСДРП, а потом «козыряли» словами, значение которых и вовсе не знали¹⁸. Крестьянин Воронежской губернии Прасолов отмечал, что слово «забастовщик» в 1905–1907 гг. приобрело особую популярность среди деревенской молодежи. При этом «забастовщиками» называли «всех тех, кто стремился к прогрессу, кто не носил волосы под “горшок”, а стригся, кто надевал пиджак или рубашку городского покроя, сапоги с узкими голенищами»¹⁹.

Связь юных сельчан с опальными народниками нередко становилась причиной радикализации их настроений. Это был тот самый «новый контакт», который выделял поколение «революционного перелома». Незыблемость царизма расшатывалась революционной литературой, разными путями проникавшей в деревню, где молодежь знакомилась с задачами революционных партий. Об этом вспоминал крестьянин Шарыгин, который после общения с ссыльным административным народником заинтересовался революционными идеями²⁰. По свидетельствам крестьянина Голпако, его знакомство с революционной литературой произошло в родном селе также благодаря посредничеству учителей-народовольцев²¹.

Как показывают воспоминания политкаторжан из числа крестьян, революционные события стали импульсом к распространению леворадикальной литературы на селе. Так, уроженец Витебской губернии крестьянин Филипповский отмечал, что без труда доставал народническую литературу в местечке Колышки²². О распространенности нелегальной литературы в годы первой русской революции в селе Турово Воронежской губернии Прасолов сохранил следующие воспоминания: «Прокламации собственного издания приобрели вид периодической газеты, где описывалась вся мерзость местной власти, мародерство попов и кулаков»²³.

Показательно и то, какие темы в годы первой русской революции были популярны в земской школе. Так, по воспоминаниям крестьянина Саратовской губернии Короткова, в земской школе часто велись разговоры о жизни крестьян в Дании, где использовались более интенсивные способы обработки земли, об Америке, которая фигурировала в разговорах как страна «чудес»²⁴. Наряду с этим сообщалось, что царя там нет, что там республика. По свидетельствам Короткова, «все это будоражило и тревожило мозги молодежи»²⁵.

Несомненно, подобные разговоры с крестьянской молодежью приводили к ломке традиционных ценностей. Весьма примечательны в этом отношении настроения крестьянина Свиридова: «Я все знаю, читал книжку. В ней написано, что нет ни царя, ни Бога... Нужно такого иметь царя, что коли негоден, то можно было его сменить как волостного старшину»²⁶. Не менее иллюстративны рассуждения крестьянина Фролова: «Пусть верующие в Бога хоть треснут, утверждая – есть Бог. А я говорю: нет»²⁷. Крестьянский консерватизм в новом поколении давал трещину в результате и других «новых контактов». Так, А. В. Щипцов вспоминал, что от его национализма не осталось и следа после начала Русско-японской войны: «хлынула желтая раса и разбила во мне мои иллюзии»²⁸.

Вместе с тем значительная часть сельской молодежи в годы первой русской революции стала активным участником революционного движения. Подпольная работа и пропаганда составляли основу политической работы молодых революционеров в деревне. Крестьянин Яковлев вспоминал, что вступил

в РСДРП, чтобы заниматься организацией партийных ячеек в деревне²⁹. Уроженец Орловской губернии Манюков вспоминал, как подпольная типография была организована в его деревне, поскольку считалось, что в городе тяжелее будет сохранять тайну пропагандистской работы³⁰. Правда, это не помогло, и при обыске ручная типография была изъята вместе с 54 экземплярами печатной прокламации «Воззвание к новобранцам»³¹.

Распространенным явлением становились случаи участия сельской молодежи в распространении революционной литературы. Так, крестьянин Владимирской губернии Кучанов, вступив в революционный кружок, стал снабжать родную деревню изрядным количеством нелегальной литературы³². Уроженка Витебской губернии Левина-Гуревич, примкнув к эсерам, занималась распространением революционной литературы среди крестьян до тех пор, пока на нее не донес помещик³³. Автобиографии политкаторжан крестьянского происхождения свидетельствуют о распространенности подобных явлений во многих губерниях Российской империи. Как верно заметил Д. А. Сафонов, левая пропаганда постепенно проникала в сознание сельской молодежи, способствуя формированию нового менталитета крестьян поколения «революционного перелома»³⁴.

В то же время самим молодым крестьянам заниматься революционной агитацией на селе было весьма затруднительно. Многим из них приходилось тайно посещать революционные кружки, что нередко становилось поводом для возникновения семейных и межпоколенческих конфликтов. Примкнувший к эсерам крестьянин Прасолов так описывал атмосферу, в которой должен был работать сельский революционер: «Бойся шпикиов, храни в секрете от семьи, а там смерть от товарищей... Выходы находили разные: одни уходили на заработки, бросая семью, другие и секрет открывали»³⁵. Крестьянин Филипповский отмечал, что преимущественно революционной пропагандой среди сельчан приходилось заниматься в лесах и оврагах, а зимой кружковая работа подчас и вовсе велась в банях³⁶.

Таким образом, революционные идеи (которые в понятиях социологии поколений К. Манхейма следует трактовать

как «новые контакты») проникали в деревню по-разному: через подпольные типографии революционеров, пропаганду выходцев из крестьянской среды, через железнодорожных машинистов или ссыльных народников, которые были сознательными агентами революции и занимались трансфертом радикальных идей в деревню. В свою очередь трудности материального характера и атмосфера революционных волнений создавали благоприятную почву для восприятия революционных идей сельской молодежью.

В исторической памяти членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев отражены мотивы общего дела, революционной солидарности. Знакомство деревенской молодежи с леворадикальными идеями приводило к ломке традиционных ценностей и формированию нового менталитета, кристаллизовавшегося в уникальном поколенческом стиле. Как активные участники революционного движения 1905–1907 гг., молодые крестьяне преимущественно занимались агитацией и распространением нелегальной литературы, что могло приводить к возникновению межпоколенческих конфликтов в деревне, тем самым создавая более четкие очертания самобытного поколенческого стиля.

Примечания

¹ Левада, Ю. А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. Москва: Новое издательство, 2006. С. 34.

² Манхейм, К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 28.

³ Нора, П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 48–72.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Головашина, О. В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3. № 2. С. 11.

⁶ Ипполитов, В. А. Революция 1905–1907 гг. в воспоминаниях крестьян Тамбовской губернии // *Вестник архивиста*. 2023. № 3. С. 735.

⁷ Каторга и ссылка. 1934. № 4. С. 130.

⁸ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 958. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 233. Л. 3; Д. 363. Л. 5; Д. 1101. Л. 5.

- ¹⁰ Там же. Д. 204. Л. 5.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Между революциями. 1907–1916 гг. Записки старого большевика. Москва: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933 (обл. 1932). С. 16.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 140. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Д. 2175. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Д. 2264. Л. 4 об.
- ¹⁷ Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 38.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Прасолов, А. Н. Как туровские крестьяне боролись с самодержавием. Москва: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. С. 45.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2270. Л. 4.
- ²¹ Там же. Д. 482. Л. 3.
- ²² Там же. Д. 2109. Л. 3.
- ²³ Прасолов, А. Н. Указ. соч. С. 45–46.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 204. Л. 2–3.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Каторга и ссылка. 1928. № 10. С. 13.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1093. Л. 10 об.
- ²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2351. Л. 5 об.
- ²⁹ Там же. Д. 2389. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Д. 2224. Л. 3.
- ³¹ Там же. Л. 15.
- ³² Там же. Д. 1070. Л. 5.
- ³³ Там же. Д. 1101. Л. 5.
- ³⁴ Сафонов, Д. А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3 (204). С. 685.
- ³⁵ Прасолов, А. Н. Указ. соч. С. 45.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2109. Л. 3.

Аннотация

В начале XX в. трансформация сознания русского крестьянства резко увеличила темпы, и помимо традиционных факторов, оказавших влияние на это, следует выделить также и поколенческий фактор. В статье исследуется историческая память поколения «революционного перелома» о революционных событиях 1905–1907 гг. в российской деревне.

Проблема исторической памяти поколения крайне редко становится предметом исследования отечественных историков. При этом поколение «революционного перелома», несомненно, накопило весьма существенный социальный опыт, исследование памяти о котором представляет собой действительно значимую историческую проблему. Цель исследования заключается в необходимости устранить пробел в научном знании по обозначенной теме. Исследование построено на принципах историзма и объективности с использованием историко-сравнительного, дедуктивного и ретроспективного методов. Авторы опираются на теоретико-методологические подходы поколенческих исследований, сформулированные К. Манхеймом и П. Нора. Объектом исследования является историческая память радикалов поколения «революционного перелома», то есть родившихся в конце XIX в. и принимавших активное участие в революционных событиях 1905–1907 гг. в деревне. Источниковую базу исследования составляют материалы фонда Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), включая биографические анкеты, воспоминания и другие сопроводительные материалы представителей поколения «революционного перелома», вовлеченных в революционный процесс в деревне в 1905–1907 гг. Воспоминания представляют собой наиболее ценный материал по изучению исторической памяти поколения о событиях первой русской революции. Анализ этого материала позволяет выявить специфический поколенческий стиль и источники его формирования. Изучение источников позволяет утверждать, что выработка самостоятельного поколенческого стиля у молодежи «революционного перелома» нашла свое отражение в исторической памяти поколения о революционных событиях в деревне в 1905–1907 гг. Речь идет не только о специфической и совершенно новой для поколения агитационной и пропагандистской работе по организации ячеек в деревне, но и о социальном опыте солидарности между самими революционерами, а также о попытке наладить контакты в рамках принципа совместного действия между революционным элементом и сельскими жителями. Представителями поколения двигали не только революционные идеи, но и революционные эмоции, что нашло свое отражение в воспоминаниях.

Ключевые слова: российская деревня, русская революция 1905–1907 гг., поколение «революционного перелома», историческая память, история поколений.

Список литературы

Головашина, О. В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследование локального прошлого // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3. № 2. С. 6–12.

Левада, Ю. А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. Москва: Новое издательство, 2006. 384 с.

Мангейм, К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.

Нора, П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 48–72.

Сафонов, Д. А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3 (204). С. 673–688.

Сведения об авторах

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, кафедра истории и философии, доцент, г. Тамбов, Российская Федерация, 8-953-707-30-73, gnom-gnom123@mail.ru

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет, кафедра истории и философии, доцент, г. Тамбов, Российская Федерация, 8-920-231-57-62, vyazinkin@yandex.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

В редакцию статья поступила 13.10.2023, рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-193-204

For citation

Viazinkin, Aleksei Y., Yakimov, Kuzma A. Russian village 1905–1907 in the historical memory of the “revolutionary turning point” generation. Based on materials from the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 193–204. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-193-204.

Viazinkin, Aleksei Y., Yakimov, Kuzma A. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation

Russian village 1905–1907 in the historical memory of the “revolutionary turning point” generation. Based on materials from the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers

Abstract

At the beginning of the XXth century, the transformation of the consciousness of the Russian peasantry sharply increased its momentum, and in addition to the traditional factors that influenced this, the generational factor should also be distinguished. The article explores the historical memory of the generation of the «revolutionary turning point» about the revolutionary events of 1905-1907 in the Russian village. The problem of the historical memory of the generation rarely becomes the subject of research by Russian historians. At the same time, the generation of the «revolutionary turning point» undoubtedly accumulated a very significant social experience, the study of the memory of which is a really important historical problem. The purpose of the study is to eliminate the gap in scientific knowledge on the designated topic. The study is built on the principles of historicism and objectivity using historical-comparative, deductive and retrospective methods. The authors rely on the theoretical and methodological approaches of generational research formulated by K. Mannheim and P. Nora. The object of the study is the historical memory of the radicals of the generation of the «revolutionary turning point», who was born at the end of the XIX century, and who took an active part in the revolutionary events of 1905-1907 in the Russian village. The source base of the study is the materials of the foundation of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers of the State Archive of the Russian Federation (GARF), including biographical questionnaires, memoirs and other accompanying materials of representatives of the generation of the «revolutionary turning point» involved in the revolutionary process in the village in 1905–1907. Memoirs represent the most valuable material on the study of the historical memory of the generation about the events of the first Russian revolution. Analysis of this material allows you to identify a specific generational style and the sources of its formation. The analysis of the sources suggests that the development of an independent generational style among the youth of the «revolutionary turning point» was reflected in the historical memory of the generation about the revolutionary events in the village in 1905-1907. This is not only about the specific and completely new agitation and propaganda work for the generation to organize cells in the village. but also about the social experience of solidarity between the revolutionaries themselves, as well as about trying to establish contacts within the framework of the principle of joint action between the revolutionary element and the villagers. Representatives of the generation were driven not only by revolutionary ideas, but also by revolutionary emotions, which was reflected in memories.

Keywords

Russian village, Russian revolution 1905–1907, generation of the «revolutionary turning point», historical memory, history of generations.

References

Golovashina, O. V. Historical fact as a place of memory: P. Nora and studies of the local past (In Russ.). IN: *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3. № 2. Pp. 6–12.

Levada, Yu. A. Looking for a Man: Sociological Essays, 2000–2005. Moscow: New Publishing House publ., 2006. 384 p.

Manheim, K. The Problem of Generations (In Russ.). IN: *New Literary Review*. 1998. № 2 (30). Pp. 7–47.

Nora, P. Generation as a place of memory (In Russ.). IN: *New Literary Review*. 1998. № 2 (30). Pp. 48–72.

Safonov, D. A. Peasant generation of the “revolutionary fracture”: the beginning of formation (In Russ.). IN: *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*. 2023. Т. 28. № 3 (204). Pp. 673–688.

About the authors

Yakimov Kuzma A., PhD in History, Tambov State Technical University, associate professor, Tambov, Russian Federation, +7-953-707-30-73, gnom-gnom123@mail.ru

Viazinkin Aleksei Yu., PhD in Philosophy, associate professor, Tambov State Technical University, associate professor, Tambov, Russian Federation, +7-920-231-57-62. vyazinkin@yandex.ru

Grant information

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

The article was received in the editorial office on 13.10.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 93/94+314.745.22+314.7.045+930.2+314.7.044+314.745.4+314.745.23+314.745.25+351/354+314.7+316.42+001.94+001.9+001.85+316.6+304.5+304.9+304.444+341.783+341.783+341.231.14+342.922+342.924+341.3+351.94+930.253

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218

Для цитирования

Бахтурина, А. Ю. Получение российского гражданства подданными неприятельских стран в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: этничность или лояльность // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 205–218. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218

Бахтурина, А. Ю.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Получение российского гражданства подданными неприятельских стран в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: этничность или лояльность

С началом Первой мировой войны граждане государств-противников становятся объектом пристального внимания со стороны гражданских и военных властей в странах – участниках конфликта. Гражданские и военные власти стремились не допустить укрепления противоборствующей армии и, как следствие, запрещали выезд иностранцев-мужчин призывного возраста на родину. Данная проблема в Российской империи оказалась более сложной из-за постоянно проживавших и даже родившихся на ее территории граждан Австро-Венгрии, Германии, Болгарии, Турции. Наиболее полно в историографии исследовано положение немцев¹, где значительное внимание уделено карательным мерам в их отношении. Характеристика российской политики как однозначно репрессивной не учитывает тесную связь «неприятельских подданных», особенно немцев, с российской экономикой, образованием и культурой, наличием личных связей в разных кругах российского общества. В действительности в политике

высших имперских учреждений с начала войны сочетались как разработка мер по интернированию, так и формирование правовых основ для дифференцированного подхода в принятии решений относительно «неприятельских подданных».

Одним из направлений политики гражданских властей стало предоставление «неприятельским подданным» российского гражданства. Американский исследователь Э. Лор, опираясь на официальные документы, опубликованные в первые недели войны, обратил внимание на этот феномен и отметил, что в годы Первой мировой войны правительство Российской империи «запретило натурализацию... граждан враждебных государств... и с беспрецедентной настоятельностью придерживалось этнического критерия, когда речь заходила о политике гражданства»². Но процесс предоставления российского гражданства «неприятельским подданным», как и вся российская политика, не был статичным, меняясь с ходом войны, не всегда зависел от национальности, что демонстрируют не только официальные документы, но и переписка должностных лиц, прошения о получении гражданства, частные письма из фондов федеральных и региональных архивов России.

Предоставление гражданства «неприятельским подданным»: от министерских циркуляров до Указа от 28 июля 1914 г. Вопрос о статусе подданных воюющих с Россией держав не был принципиально новым. Так, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. действовал Указ от 12 мая 1877 г., где говорилось, что «подданным Турции разрешается продолжать во время войны свое пребывание и свои мирные занятия в пределах Империи, под защиту действующих законов»³. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. проблема с японскими подданными решалась аналогичным образом. В начале войны их правовое положение определяли ст. 82 Основных государственных законов Российской империи и Закон о состояниях в редакции 1899 г.⁴ Для получения российского гражданства иностранцам устанавливался 5-летний срок «предварительного водворения в пределах империи», который сокращался для лиц, известных «замечательными талантами», «учеными познаниями» или поместивших «значительные капиталы в общепользные русские предприятия»⁵.

С началом Первой мировой войны первоначальные распоряжения российских властей касались граждан Германии и Австро-Венгрии. Циркулярными телеграммами товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского от 26 июля 1914 г. предписывалось арестовывать и высылать германских и австро-венгерских подданных, числившихся на действительной военной службе или в запасе⁶, а после объявления призыва в действующие армии Германии и Австро-Венгрии – «всех австрийских и германских подданных мужского пола от 18 до 45 лет»⁷. Были сделаны исключения для славян, подавших прошения о получении российского гражданства. В срочных циркулярных телеграммах МВД говорилось, что вышеперечисленные меры не применяются «к австрийским подданным из чехов и галичан», подавшим прошения о получении российского подданства, «если они не подозреваются в шпионстве» и «за них ручаются чешские или галицко-русские благотворительные общества»⁸. Циркулярной телеграммой за подписью министра внутренних дел Н. А. Маклакова германским и австрийским гражданам польского происхождения, высеяемым из Царства Польского, если они подавали прошения о принятии в российское подданство, разрешалось до решения вопроса выезжать не по этапу, а за свой счет⁹.

Высылки «неприятельских подданных» и ведомственные интересы. Императорский указ «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» от 28 июля 1914 г. предписывал местным властям задерживать подданных неприятельских государств в качестве военнопленных, если они состоят на действительной военной службе или подлежат призыву в Германии или Австро-Венгрии. В день публикации указа члены Совета министров обратили внимание на то, к каким последствиям может привести одновременное появление на территории России огромной массы «военнопленных». Министр торговли и промышленности С. И. Тимашев отметил, что «выселение всех без исключения германских и австро-венгерских подданных <...> наносит несомненный ущерб отечественной торговле и промыслам», предложив предусмотреть возможность перехода их «в русское подданство упрощенным порядком». Министр

народного просвещения Л. А. Кассо также обратил внимание на необходимость предоставить гражданство преподавателям казенных учебных заведений. В результате льготный порядок получения российского гражданства был распространен на германских и австрийских подданных не славянского происхождения. При этом требовалось учитывать «степень полезности» владельцев фабрик или специалистов, последствия высылки для российской экономики и стремление «приобрести права русского гражданства по искреннему убеждению, а не по побуждениям выгоды и сознания безвыходности своего положения».

Эти условия исключали применение формальных процедур получения российского гражданства «неприятельскими подданными». Члены Совета министров признали необходимым детально изучать каждый случай, привлекая местные власти, министерства финансов, торговли и промышленности. Но для славян, «ввиду наблюдающегося среди них подъема чувств приверженности и благодарности к России», по-прежнему было достаточно поручительства отдельных лиц или славянских общественных организаций. На этом же заседании было решено передать МВД рассмотрение дел о принятии в российское подданство, которые затем должны были утверждаться Советом министров¹⁰. Таким образом, вопрос о получении российского гражданства в августе 1914 г. оказался непосредственно связан с вопросом о высылках «неприятельских подданных» и их последствиях. В начале августа 1914 г. были достигнуты соглашения между военными и гражданскими властями. Славянам и итальянцам, подавшим ходатайство о получении российского гражданства, разрешалось проживание на прежнем месте, в том числе и в прифронтовых районах¹¹.

После вступления Османской империи в войну аналогичные правила распространились на ее граждан христианского вероисповедания. Решения первых недель войны почти сразу подверглись корректировке. Претендовать на отмену высылки независимо от национальности можно было только после подачи ходатайства о принятии в число подданных Российской империи. Это требование касалось и детей подданных Гер-

мании и Австро-Венгрии, обучавшихся в российских учебных заведениях. 13 сентября 1914 г. на заседании Совета министров принимается решение о прекращении их обучения, если родители или сами учащиеся к этому моменту не подали прошения о приеме в русское подданство.

Разработка новых правил о получении российского подданства и «враждебные иностранцы». Осенью 1914 г. в МВД было создано междуведомственное совещание по пересмотру правил о приобретении и утрате прав русского подданства. В сентябре совещание рассмотрело вопрос о воинской повинности для натурализовавшихся иностранцев. Результаты его работы 13 сентября 1914 г. на заседании Совета министров огласил Н. А. Маклаков, заявив, что число ходатайств о приеме в российское подданство с началом войны резко возросло и нужно установить правила несения воинской повинности для новых граждан империи. Необходимо, по его мнению, «удержать от перехода в русское подданство иностранцев, желающих принять таковое исключительно из соображений личных выгод», и устранить для них «возможность уклоняться <...> от действительной службы в войсках»¹². Совет министров поддержал Н. А. Маклакова и принял решение о том, что иностранцы мужского пола, не достигшие 30 лет, получившие российское подданство, привлекаются к исполнению воинской повинности на общих основаниях. Самостоятельную группу «неприятельских подданных» составляли женщины – жены иностранцев, получившие германское или австрийское гражданство после вступления в брак. Им разрешалось вернуться из-за границы и восстановить российское подданство. Например, в декабре 1914 г. ставшая по замужеству германской гражданкой Ольга Михайловна Гейнике, а до этого мещанка г. Нарвы, получила разрешение вернуться в Россию через Финляндию¹³.

Индивидуальный подход в предоставлении российского гражданства. Зимой 1915 г. принцип индивидуального подхода при предоставлении российского гражданства «неприятельским подданным» начинает доминировать. Этому способствовал рост борьбы со шпионажем в тылу и на фронте. Так, в марте 1915 г. Верховный главнокомандующий великий

князь Николай Николаевич поддержал ходатайство временного правления Съезда чехов в России об облегчении чехам – австрийским подданным натурализации в империи. После этого члены Совета министров на заседании 31 марта 1915 г. высказались категорически против приема в российское подданство только на основании этнического критерия, заявив, что дополнительные льготы чехам предоставлять не следует, поскольку практика первых месяцев войны показала причастность некоторых из них к шпионажу¹⁴. Они признали недопустимым предоставление российского гражданства лишь на основании национальности, установив, что окончательное решение о подданстве отныне принимается в индивидуальном порядке при наличии согласия со стороны МВД.

После этого все большую роль стали играть ходатайства и рекомендации различных лиц, начиная от императрицы Александры Федоровны и заканчивая директорами предприятий, представителями бюрократии не только высшего, но и среднего звена. В МВД стали формироваться списки германских и австрийских подданных, которым гражданство предоставлялось вне формальных требований по личному распоряжению министра. Н. А. Маклаков 19 февраля 1915 г. представил в Совет министров список из 22 человек, которых он «ввиду исключительных обстоятельств <...> полагал бы возможным принять в подданство России в изъятие из общих правил»¹⁵. В список были включены 15 германских, 6 австрийских и 1 персидский подданный. В большинстве случаев это были преподаватели гимназий, врачи. Все они представили рекомендации крупных чиновников или общественных деятелей. За германских подданных ручались петроградский градоначальник, московский градоначальник, харьковский губернатор, эстляндский губернатор и другие. Ходатайство германского подданного Медора Брандта, директора Киевского электрического общества, поддерживали член Государственной думы В. Я. Демченко и председатель Киевского губернского отдела Союза Михаила архангела А. И. Любинский¹⁶.

В течение 1915 г. произошел окончательный переход от массового приема прошений о предоставлении российского гражданства к индивидуальной практике рассмотрения прошений,

где с особым вниманием относились к поддержке со стороны должностных лиц, общественных деятелей, представителей знати. Не раскрыт до конца вопрос о числе «неприятельских подданных», получивших российское гражданство в годы войны. В. В. Познахирев, анализируя предоставление гражданства турецким подданным, высказывает сомнения в том, что такая практика вообще имела место даже для лиц, «пользующихся покровительством весьма авторитетных особ»¹⁷. В фонде Департамента общих дел МВД отложились прошения «неприятельских подданных» о получении российского гражданства и решения Совета министров и МВД по каждому из них.

Проведенный на их основании подсчет позволяет говорить о том, что в период с 1 августа 1914 по 1 мая 1915 г. в российское подданство принято 2 970 человек «неприятельских подданных»¹⁸. Эти данные необходимо сопоставить с количеством высланных, что представляет серьезную проблему. Э. Лор, говоря о количестве интернированных гражданских лиц¹⁹ – иностранцев, приводит цифры от 55 583²⁰ до 300 000 чел.²¹, указывая, что точных данных не имеется. Но в целом количество «неприятельских подданных», натурализовавшихся в России, безусловно, меньше, чем высланных в отдаленные губернии. Реальные ситуации, связанные с высылками «неприятельских подданных», показывают, что значительное их число, до 50% от общего количества²², получали разрешение остаться на прежнем месте жительства, поэтому получение российского гражданства или гражданства иного государства становилось актуальным преимущественно для мужчин призывного возраста.

Сравнительно невысокие цифры получения российского гражданства связаны также с тем, что «неприятельские подданные» не всегда стремились к его получению. Хотя это избавляло от угрозы высылки и ограничения гражданских прав, но новые граждане становились мещанами. По мнению Н. А. Маклакова, в ряде случаев граждане Германии и Австро-Венгрии не принимают российское подданство, ибо им «грозят неудобства мещанства»²³. Поэтому имели место случаи получения германскими и австрийскими гражданами не только российского, но и шведского, норвежского, американского и английского подданства²⁴.

Практика получения российского гражданства. Процедура получения гражданства «неприятельскими подданными» занимала несколько месяцев. В 1915 г. усложнилась форма прошения о предоставлении российского гражданства, добавился пункт о том, что проситель готов нести воинскую повинность, а также сведения о подданном на типовом типографском бланке, включавшие вопросы о месте рождения, национальности, вероисповедании. Также спрашивалось: «Отлучался ли за границу?», «Не сохранил ли связь с родиной?», «Отбывал ли воинскую повинность за границей?», «Владеет ли русским языком?», «Есть ли члены семьи, принятые в русское подданство?». Также требовалось свидетельство о политической благонадежности²⁵.

Анализ личной переписки лиц, подавших прошения о приеме в российское подданство, показывает, что ожидание растягивалось на долгие месяцы. Это приводило к тому, что лица, подавшие прошение, меняли место жительства, скрывали германское и австрийское подданство до получения российского гражданства. Такие случаи, если обнаруживались, карались высылкой. Решения МВД и Совета министров о предоставлении гражданства демонстрировали, что на первом месте при положительных решениях оказывалась потенциальная лояльность власти и связь с Россией по рождению. Например, натурализовался в империи германский подданный В. Ф. Адлер, подавший прошение о российском подданстве 8 августа 1914 г. Он был сыном немца, родившегося в России, а мать до замужества имела русское подданство²⁶.

Заключение. Получение российского гражданства «неприятельскими подданными» с началом Первой мировой войны помогало избежать высылки и других правовых ограничений и одновременно давало возможность гражданским учреждениям империи сократить поток интернированных иностранцев, снизить нагрузку на полицейские учреждения, пути сообщения. С начала 1915 г. при предоставлении гражданства на первое место выходят не национальные критерии, а лояльность власти. Совет министров препятствовал получению российского подданства из меркантильных соображений. Именно с этим было связано введенное в российское законодательство

требование о несении новыми гражданами империи воинской повинности. С развитием военных действий на фоне роста шпиономании к 1915 г. наиболее предпочтительной становится не формализованная процедура предоставления гражданства «неприятельским подданным», а индивидуальный подход при рассмотрении каждого отдельного прошения, привлечение ходатайств крупных сановников, представителей императорской фамилии, выступавших гарантами политической благонадежности будущих граждан. Отказ от полностью регламентированной процедуры предоставления им гражданства являлся косвенным подтверждением того, что далеко не всегда новые граждане империи осознавали себя ее неотъемлемой частью.

Примечания

¹ Кириллов, В. М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 2 (29). С. 90; Познахирев, В. В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг.: документы, факты, исследования. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. 290 с.; Соболев, И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2004. 176 с.; Stibbe, M. *Civilian Internment during the First World War. A European and Global History 1914–1920*. London: Palgrave Macmillan, 2019.

² Lohr, Eric. *Russian citizenship* Harvard University Press. 2012. IN Russ., ed.: Lohr, E. Moscow, NLO publ., 2017, 336 p.

³ Вормс, А. Гражданские права австрийских и германских подданных во время настоящей войны // Вестник права. 1914. № 34. С. 1013–1018.

⁴ Законы о состояниях с разъяснениями. Санкт-Петербург: Б. и., 1911. С. 634.

⁵ Там же.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 180.

⁷ Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 180.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 189.

¹⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 236–238.

- ¹¹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 190–192.
- ¹² Особые журналы Совета министров Российской империи. С. 371–372.
- ¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 10. Д. 594. Л. 38–40.
- ¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 20. Д. 86. Л. 148.
- ¹⁵ Там же. Ф. 1284. Оп. 107. Д. 29. Л. 13–15.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Познахирев, В. В. Указ. соч. С. 232.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 107. Д. 26. Л. 1–99.
- ¹⁹ Лор, Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
- ²⁰ Lohr, Eric. Nationalizing the Russian empire: the campaign against enemy aliens during world war I: Harvard University Press, 2003, p. 150.
- ²¹ Там же. С. 249.
- ²² Там же. С. 151.
- ²³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. С. 85.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 836. Л. 85.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 244. Д. 16. Л. 1.

Аннотация

В статье рассмотрены условия и особенности процесса получения российского гражданства «неприятельскими подданными» в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. В российской и зарубежной историографии с 1990-х гг. данный вопрос пристально не рассматривался. Преимущественно авторы обращали внимание на массовые высылки «неприятельских подданных» в отдаленные губернии из прифронтовых районов, обвинения последних в шпионаже в пользу противника, ограничение прав. В немногочисленных исследованиях, затрагивающих вопросы получения ими российского гражданства, делается вывод о доминировании этнического и вероисповедного критериев при приеме в подданство Российской империи: наличии славянского происхождения или принадлежности к христианскому вероисповеданию для граждан Османской империи. На основе нормативных актов начала войны и широкого круга архивных документов 1914–1915 гг., отразивших изменения позиций правящих

верхов по вопросу о российском подданстве, в статье реконструируется процесс натурализации «неприятельских подданных». Наряду с законодательными актами, в статье используются их прошения, документы Совета министров и МВД из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). На основе документов фонда МВД (РГИА) о результатах рассмотрения прошений делается вывод о количестве положительных решений и вводятся в оборот новые статистические данные о числе «неприятельских подданных», получивших российское гражданство в 1914–1915 гг. Сделаны выводы о том, что массовое перемещение интернированных иностранцев в отдаленные российские губернии создавало множество проблем для государственных органов в центре и на местах. Натурализация «неприятельских подданных» в империи позволяла сохранить на рабочих местах ценных специалистов, предотвратить закрытие оборонных предприятий, учебных заведений. По мере развития военных действий, борьбы со шпионажем должностные лица, особенно члены Совета министров и руководство МВД, все более настойчиво относились к предоставлению российского гражданства «неприятельским подданным» исключительно на основе этнического и вероисповедного критериев. На первое место выдвигается лояльность государственной власти, а не национальная принадлежность, система личного поручительства. Анализ решений Совета министров и МВД о натурализации «неприятельских подданных» показывает тесную ее зависимость от субъективных факторов: личной поддержки должностных лиц высокого ранга и представителей привилегированных сословий.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг., интернирование, Российская империя, «неприятельские подданные», Совет министров, получение российского гражданства.

Список литературы

- Вормс, А. Гражданские права австрийских и германских подданных во время настоящей войны // Вестник права. 1914. № 34. С. 1013–1018.
- Кириллов, В. М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 2 (29). С. 88–97.
- Познахирев, В. В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг.: документы, факты, исследования. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. 290 с.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. 558 с.

Соболев, И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2004. 176 с.

Лор, Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Lohr, Eric. Russian citizenship Harvard University Press. 2012. IN Russ., ed.: Lohr, E. Moscow, NLO publ., 2017, 336 p.

Stibbe, M. Civilian Internment during the First World War. A European and Global History 1914–1920. London: Palgrave Macmillan, 2019. 364 p.

Сведения об авторах

Бахтурина Александра Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций, профессор, Москва, Российская Федерация, 8-495-606-01-19, grosh13@list.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГГУ (проект «Германские подданные на территории Российской империи в годы Первой мировой войны: локальное, персональное, социальное»), конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ», <https://www.rsuh.ru/science/programma-podderzhki-nauchno-obrazovatelnykh-proektov-rggu/proektnye-nauchnye-kollektivy-rggu/>

В редакцию статья поступила 07.11.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218

For citation

Bakhturina, Alexandra Yu. Obtaining Russian citizenship by subjects of enemy countries during World War I, 1914–1918: ethnicity or loyalty (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 205–218. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218

Bakhturina, Alexandra Yu., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Obtaining Russian citizenship by subjects of enemy countries during World War I, 1914–1918: ethnicity or loyalty

Abstract

The article examines the conditions and features of the naturalization process in Russia of “enemy aliens” during the First World War. In Russian and foreign historiography since the 1990s, this issue has not been closely considered. The authors mainly pay attention to the mass expulsions of enemy subjects to remote provinces from front-line areas, accusations of the latter of espionage in favor of the enemy, restrictions on rights. The researchers conclude that the dominance of ethnic and religious criteria for admission to citizenship of the Russian Empire: the presence of Slavic origin or belonging to the Christian faith for citizens of the Ottoman Empire. Such conclusions are mainly based on an analysis of the laws and orders of the military and civilian authorities of the first months of the war. The purpose of the article is to reconstruct the process of granting citizenship not only on the basis of an analysis of the normative acts of the beginning of the war, but also documents of the subsequent period, which reflected the change in the positions of the ruling elite on the issue of Russian citizenship. The article uses petitions from “enemy foreigners”, documents of the Council of Ministers and the Ministry of Internal Affairs to assess the course of discussion of petitions and the reasons for making positive or negative decisions. These are documents of the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation and the Central State Historical Archive in St. Petersburg. The analysis of the documents of the Fund of the Ministry of Internal Affairs (RGIA) based on the results of consideration of the petitions of enemy subjects allowed us to conclude about the number of positive decisions and provide new statistical data on the number of enemy subjects who received Russian citizenship in 1914–1915. The mass transfer of interned foreigners to remote Russian provinces created a huge number of problems for state bodies in the center and on the ground. Naturalization of “enemy foreigners” in the empire allowed to keep valuable specialists at their jobs, to prevent the closure of enterprises owned by “hostile foreigners”. The granting of Russian citizenship during the war increasingly depended on subjective factors: the personal support of officials. With the development of military operations, the granting of citizenship increasingly depends not on nationality, but on the loyalty of the Russian Empire confirmed by recommendations.

Keywords

World War I 1914–1918, internment, Russian Empire, “enemy aliens”, Council of Ministers, Russian citizenship.

References

Worms, A. Civil rights of Austrian and German subjects during the present war (In Russ.). IN: *Vestnik Prava*. 1914. № 34, pp. 1013–1018.

Kirillov, V. M. Modern Russian historiography of the campaign of «struggle against German domination» in the years of the First World War (In Russ.). IN: Vestnik of Perm University. Series: History. 2015. № 2 (29), pp. 88–97.

Poznakhirev V. V. Turkish prisoners of war and civilian captives in Russia in 1914–1924: documents, facts, research (In Russ.). St. Petersburg: Nestor-Istoria publ., 2014. 290 p.

The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War (In Russ.). St. Petersburg: Dmitry Bulanin publ., 1999, 558 p.

Sobolev, I. G. Struggle against «German domination» in Russia during the First World War (1914–1917) (In Russ.). St. Petersburg: Russian National Library publ., 2004. 176 p.

Lohr, E. Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign against “Enemy Subjects” in the Years of the First World War (In Russ.). / Translated from English by V. Makarov. Moscow: New Literary Review publ., 2012, 304 p.

Lohr, Eric. Russian citizenship Harvard University Press. 2012. IN Russ., ed.: Lohr, E. Moscow, NLO publ., 2017, 336 p.

Stibbe, M. Civilian Internment during the First World War. A European and Global History 1914–1920. London: Palgrave Macmillan publ., 2019, 364 p.

About the authors

Bakhturina Alexandra Yuryevna, Doctor of Sciences in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, department of History of State Institutions and Public Organizations of the Faculty of History Historical and Archival Institute, professor, Moscow, Russian Federation, +7-495-606-01-19, grosh13@list.ru

Grant information

The article was prepared with the financial support of the RSUH grant (the project “German subjects on the territory of the Russian Empire during the First World War: local, personal, social”), the competition “RSUH Project research teams”, <https://www.rsuh.ru/science/programma-podderzhki-nauchno-obrazovatelnykh-proektov-rggu/proektnye-nauchnye-kollektivy-rggu/>

The article was received in the editorial office on 07.11.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Документальная публикация

УДК 93/94+364.273+930.23+001.94+930.253+001.85+304.444+304.442+304.3+304.9+355.01+001.92+930.85+316.023.6+316.37+316.452+316.455+316.454.2+316.454.7+316.454.56+35.077+35.077.6+35.077.9+35.077.1+364.02+364.04+364.05+364.222+364.242+364.278.2+37.075+373.1+376.5+376.64

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-219-231

Для цитирования

Катцина, Т. А., Мезит, Л. Э. Борьба с беспризорностью несовершеннолетних в Енисейской губернии в контексте деятельности Комиссии по улучшению жизни детей. 1921 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 219–231. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-219-231

Катцина, Т. А.

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация

Мезит, Л. Э.

Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация

Борьба с беспризорностью несовершеннолетних в Енисейской губернии в контексте деятельности Комиссии по улучшению жизни детей. 1921 г.

По общему смыслу советского законодательства высшим опекуном каждого несовершеннолетнего провозглашалось государство, которое брало его под особую защиту (социально-правовую, медико-санитарную), руководило его социальным воспитанием и охраняло от вредных общественных влияний. Однако по условиям времени поддержка и помощь детям в необходимой мере не была оказана. Становление новой системы социального обеспечения несовершеннолетних пришлось на годы Гражданской войны 1918–1921, когда главной проблемой стала массовая детская беспризорность. В связи с резким ростом беспризорности Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) постановил учредить Комиссию по улучшению жизни детей (Комиссия), которая через соответствующие

органы центральных ведомств, а на местах – через губернские и уездные исполнительные комитеты, имевшие специальных уполномоченных, должна была проводить продовольственную, жилищную, топливную и иную помощь учреждениям, которым вверялась забота о детях, и в первую очередь беспризорных; наблюдать за выполнением постановлений центральных и местных органов, изданных в ограждение детей и в целях обеспечения их всем необходимым.

По мнению Т. М. Смирновой, создание Комиссии стало началом организационной работы по объединению усилий государственных и общественных институтов в целях спасения детей¹. Обобщая фактические данные и достижения современной историографии, А. В. Чебаковская² раскрыла общую структуру, тенденции формирования органов и учреждений сферы охраны детства в 1920–1935 гг., а Е. Н. Афанасова³ на материалах Енисейской и Иркутской губерний – деятельность региональных Комиссий, но данная проблематика в раннесоветский период отражена в их публикациях фрагментарно. Многообразие видов детских учреждений, причины их бедственного положения в Енисейской губернии в 1920-е гг. даны в монографии З. У. Колокольниковой, О. Б. Лобановой⁴. Они широко использовали материалы обследований, проводившихся губернским уполномоченным по улучшению жизни детей, но сам институт уполномоченных, его организующую роль по созданию эффективной системы охраны жизни и здоровья детей предметом изучения не ставили.

Документ, включенный в настоящую публикацию, имеет собственное название – «Доклад уполномоченного Енисейского губисполкома по улучшению жизни детей, о состоянии детских учреждений к 1 июля 1921 г.», представляет собой машинописный подлинник, датирован 13 июля 1921 г., подписан Р. К. Лепсисом, хранится в фонде Р-93 Государственного архива Красноярского края (ГАКК), относится к делопроизводственной документации, является достоверным. Доклад составлен для Комиссии при ВЦИК непосредственно по результатам обследования детских учреждений и содержит оценку положения детей, мер и мероприятий, которые намечались и проводились в жизнь в целях улучшения детского быта. Данный источник не

использовался ранее, не давалась его характеристика, информация из него не сопоставлялась с другими документами.

Установлено, что Р. К. Лепсис в марте 1921 г. был назначен в Енисейскую губернию уполномоченным по улучшению жизни детей при местном губисполкоме. К июню он лично обследовал детские учреждения в Красноярском, Канском уездах и их административных центрах, но получить исчерпывающие данные о положении детских домов и приютов по Ачинскому, Минусинскому и Енисейскому уездам ему не удалось из-за того, что «аппараты уполномоченных работали довольно слабо»⁵.

Доклад Лепсиса содержит информацию о недопустимом состоянии детских дач, куда были переведены воспитанники из городских учреждений с наступлением теплой погоды. Поэтому вряд ли стоило ожидать большого эффекта от летнего отдыха детей. По мнению уполномоченного, преступно было не использовать освободившиеся на лето помещения для проведения ремонтных работ, но он понимает, что из-за экономических трудностей, ограниченности централизованных фондов, обнищания населения в губернии нет достаточных финансовых и материальных средств, чтобы в соответствии с нормативами, установленными ВЦИК, кормить, одевать воспитанников детских домов. Но для оперативного удовлетворения их нужд Лепсис предлагает создать при губисполкоме резервный фонд предметов первой необходимости.

Уполномоченный характеризует уровень взаимодействия губернских, уездных учреждений между собой, а также механизм исполнения принятых решений, значение и влияние чекистского аппарата. Так, он отмечает, что распоряжения вышестоящих инстанций приходят с опозданием, поэтому исполнение их в губернии осуществляется несвоевременно; проблемы детских учреждений игнорируются или решаются недолжным образом на местах из-за бездушия чиновников, но благодаря тому, что автор является председателем ГубЧК, ему удалось решить некоторые неотложные задачи детских домов и приютов, пресечь в них выявленные хищения и злоупотребления со стороны персонала.

Следует осторожно относиться к высказываниям Лепсиса о педагогическом составе детских учреждений, который, по его

словом, работает ради личного интереса, а не пролетарского воспитания детей. Здесь сказывается не просто классовый подход к воспитателям, но и профессиональная враждебность к «бывшим», распространенная в чекистской среде. Сопоставляя публикуемый документ с другими источниками, мы понимаем, что кадровая проблема в губернских детских учреждениях не была решена ни оперативно, ни в соответствии с рекомендациями уполномоченного. Работа в такого рода учреждениях «каторжно тяжела, на воспитательские места в них не много охотников, кто и поступит, через несколько месяцев стремится уйти и пристроиться на более легкую работу»⁶. Это объяснялось и скромным заработком педагогов, поэтому текучесть кадров, открытые вакансии в данных учреждениях сохранялись длительное время.

Из документа видно, что детские учреждения в Енисейской губернии испытывали дефицит материальных, финансовых, кадровых ресурсов. Система управления ими находилась на стадии «вхождения в проблему»: согласования деятельности ведомств, учреждений по обслуживанию детей на региональном уровне; изыскание и концентрация ресурсов для реального улучшения жизни детей. В условиях рассредоточенности самих учреждений по разным ведомствам данные задачи на местах решали уполномоченные по улучшению жизни детей.

Документ публикуется в полном объеме в соответствии с правилами издания исторических источников. Сохранены стилистические особенности и авторские выделения отдельных мест текста (написаны прописными буквами); восстановленные части текста заключены в квадратные скобки.

№ 1

Доклад уполномоченного Енисейского губисполкома по улучшению жизни детей, о состоянии детских учреждений к 1 июля 1921 г.

г. Красноярск
13 июля 1921 г.⁷

Положение жизни детей в г. Красноярске и губернии за июнь месяц изменилось в том отношении, что с наступлением теплой погоды дети детдомов, яслей, приютов и очагов из

городов были перевезены на дачи; в остальном никаких существенных изменений как в лучшую, так и в худшую сторону не было. В смысле снабжения детей продуктами питания, обмундирования, обувью все еще приходится вести то жалкое существование, которое мы имели раньше и о котором указывалось в предыдущем докладе. Для удовлетворения полностью всех потребностей детских учреждений губернии хотя [бы] в минимальном количестве средств на местах не имеется, а если часть таковых есть, то таковые забронированы и, чтобы разбронировать, необходимо создать целую переписку и бумажную волокиту, что имело место с отводом на оборудование дач, приобретение нужного инвентаря, обстановки, посуды и т. д.

Для размещения детей городских приютов коммунальщиц⁸ было отведено для губнаробраза⁹ в районе г. Красноярска всего около двадцати пяти дач, но большинство из них были разрушены, не имелось печей, окон, дверей, требовался большой ремонт и, таким образом, даже с опозданием удалось перевезти детей на дачи. Дети яслей губздравицы¹⁰, в числе 29 чел[овек], до сих пор не перевезены за неимением помещения. По г. Красноярску и Минусинску имеются сведения, что почти все дети из детских домов и приютов распределены на дачах, хотя дачи обставлены далеко не так, как бы следовало: теснота, отсутствие кроватей, постельного белья, посуды и проч[ее]. Из Канского, Ачинского и Енисейского уездов докладов о перевозе детей из городов на дачи и организации детских колоний пока не поступало. Также губздравом не были приняты своевременно меры о предоставлении больным детям соответствующего количества мест на курортах; всего дано было на губернию 60 мест, нуждающихся в лечении гораздо больше. По моему настоянию в Минусинске отведено еще дополнительно 15 мест, куда будут посылааться на две смены больные дети.

В летний период, когда дети находятся на дачах, преступно, несмотря на все постановления [и] предложения, коммунальному отделу и Комгоссору¹¹ [не привести в надлежащий порядок освободившиеся заведения], [но] таковые до сих пор ничего в этой области не сделали, и сделать не в состоянии, так как не имеют достаточного количества материалов и рабочей

силы. Губнаробраз работу по ремонту помещений хочет проделать хозяйственным способом на те средства, [которые] отпущены, но таковые слишком незначительны, и есть опасение, сумеет ли губнаробраз провести эту работу. Мной в ближайшие дни по этому вопросу делается доклад Президиуму губисполкома о принятии конкретных мер для приведения в надлежащий порядок детских домов, школ и прочих [заведений] к наступлению холодов.

Также в области питания до сих пор наблюдается целый ряд ненормальностей и перебоев со стороны наших продорганов. Так, в Енисейске райпродком¹² все время отпускает для питания малолетних детей соленую рыбу, не добавляет положенные по норме остальные продукты. В Минусинске, несмотря на то, что имеется несколько мельниц, изготавливающих крупу, для детей отпускается целая пшеница. Овощей совершенно нигде не отпускается и есть опасение, что дети заболеют цингой. Прошлую зиму губпродком¹³ снабжал дет[ские] столовые и дома мороженым картофелем и прочими овощами. Во избежание повторений этого, необходимо еще осенью известное количество овощей забронировать и передать в ведение самих детских учреждений. Вообще положенная норма для детей всех категорий продорганами выдается не полностью, также не заменяется и другими продуктами. В очень плачевном положении обстоит дело со снабжением детских столовых, приютов и домов малютки мылом. Губпродком, несмотря на постановление губисполкома, не отпускает таковое, мотивируя неимением или забронировкой.

Относительно снабжения детских учреждений топливом, после получения циркуляра Комиссии [В]ЦИК о своевременной заготовке дров, нужной сметой сведения были представлены в гублеском¹⁴ и губтоп¹⁵, но как будут таковые исполнены, пока сведений нет, ка[к] кроме Канска и Минусинска, где сообщается, что топливо[м] на текущий сезон детские учреждения будут обеспечены.

С наступлением зимы очень остро будет стоять вопрос с обеспечением теплой одеждой, которой совершенно не имеется, и изготавливать здесь не представляется возможным за неимением необходимых материалов. Со стороны губисполкома, совнархоза и губпродкома некоторые меры

принимаются в смысле разрешения этого большого вопроса. В настоящее время совершенно не имеется ниток для пошивки белья и платьев из полученной мануфактуры. Что касается валенок, то таковые возможно изготовить на месте. Почти во всех детских учреждениях губернии отсутствуют канцелярские принадлежности и детские игрушки. В июне месяце по Постановлению Сиббюро и губисполкома была организована Комиссия по проведению «недели ребенка» по всей губернии. Комиссия свою работу еще не закончила, и нет возможности представить отчет о работе таковой.

В ответ на телеграмму Сибкомиссии по улучшению жизни детей от 17 июня за № 5432, что конкретно сделано в области обследования детских учреждений и улучшению жизни детей, необходимо отметить, что целый ряд мероприятий мною указан в первом моем докладе. С момента назначения меня уполномоченным по улучшению жизни детей по губернии, несмотря на перегрузку работы, пришлось непосредственно и через аппарат ЧК провести обследование целого ряда детских учреждений в г. Красноярске и уезде, а также мною лично были обследованы детские учреждения г. Канска и Минусинска. Работа на местах идет очень слабо и для разрешения самых пустячных хозяйственных вопросов требует вмешательства и указаний от губернии, особенно при разрешении тех или иных выданных, которые на местах почти невозможны. Для обследований детских учреждений как в городе, так и по губернии до сих пор использовался исключительно аппарат ЧК и женотдела. В будущем мною разрабатывается план и намечается целый ряд товарищей из других заинтересованных учреждений, которым и решено поручить обследовать детские учреждения по губернии, согласно тому плану и программе, которые предлагаются Комиссией [В]ЦИК. Причем необходимо отметить, что этот план мною получен, к сожалению, лишь 10 июля, несмотря на то, что работу по обследованию необходимо было закончить к 15 апреля. Ввиду громадности территории, предполагаю эту работу закончить не ранее первых чисел августа, после чего весь собранный материал будет суммирован и выслан с нарочным. Что касается борьбы с злоупотреблениями и саботажем со стороны администрации и служащих детских учреждений, то с этим борьба со стороны

Политбюро и ГубЧК ведется. Так, за целый ряд злоупотреблений, выразившихся в замене молока водой и прочими хищениями, отдан под суд и заключен в концентрационный лагерь завед[ующий] детским домом в г. Ачинске; также имеется несколько дел о разгильдяйстве и халатном отношении к своим обязанностям других служащих детских учреждений. Борьба с саботажем почти невозможна, так как большинство служебного персонала детских учреждений являются людьми, ничего не имеющими с пролетарским воспитанием детей и работающими ради личных интересов, а также потому, что губнаробраз работает очень слабо в области улучшения жизни детей.

В заключение необходимо отметить, что проведение в жизнь целого ряда намеченных мероприятий в области улучшения жизни детей как в губернском городе, так и на местах сопряжены с большими трудностями в силу того тяжелого экономического положения, которое мы переживаем, и того равнодушного отношения в большинстве случаев целого ряда ответственных товарищей. Для более успешной работы необходимо было бы представить в распоряжение губисполкома некоторый ряд предметов первой необходимости, которыми необходимо было бы снабдить нуждающиеся детские учреждения, не запрашивая каждый раз соответствующие центры, что крайне затрудняет саму работу и затягивает ее на долгое время.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ГУБИСПОЛКОМА ПО УЛУЧШЕНИЮ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ И ПРЕДГУБЧЕКА ЕНИСЕЙСКОЙ (подпись)

Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 89. Л. 13, 13 об., 14, 14 об. Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Примечания

¹ Смирнова, Т. М. Детство послереволюционной России: основные итоги и перспективы изучения // Труды Института российской истории РАН. 2019. № 15. С. 70–82.

² Чебаковская, А. В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 890–892.

³ Афанасова, Е. Н. Работа комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-е гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права. 2010. С. 235–238.

⁴ Колокольникова, З. У., Лобанова, О. Б. Социальное воспитание в Приенисейской Сибири в 20-е гг. XX в. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. 236 с.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 89. Л. 8–10 об.

⁶ Там же. Д. 130. Л. 83.

⁷ Имеется рукописная помета: «в губисполком для сведения № 10».

⁸ Коммунхоз – коммунальный хозяйственный отдел.

⁹ Губнаробраз – губернский отдел народного образования.

¹⁰ Губздрав – губернский отдел здравоохранения.

¹¹ Комгоссор – комитет по строительству государственных учреждений.

¹² Райпродком – районный продовольственный комитет.

¹³ Губпродком – губернский продовольственный комитет.

¹⁴ Гублеском – губернский лесной комитет.

¹⁵ Губтоп – губернский комитет по топливу.

Аннотация

Первые годы советской власти стали периодом реализации идеологической доктрины о том, что социальное обеспечение детей должно являться исключительно прерогативой государства. Изучение богатства решений так называемого детского вопроса в раннесоветском государстве требует привлечения многих видов источников. Предметом внимания авторов стал доклад уполномоченного Енисейского губернского исполнительного комитета по улучшению жизни детей Роберта Кришьяновича Лепсиса (1896–1942) о состоянии детских учреждений к июлю 1921 г., подготовленный в Комиссию по улучшению жизни детей при Всероссийском центральном исполнительном комитете. Документ, включенный в публикацию, выявлен в составе фонда Р-93 «Отдел народного образования Енисейского губернского исполнительного комитета» Государственного архива Красноярского края (ГАКК), является достоверным и информативным, дает представление о региональных аспектах деятельности советского аппарата на этапе его становления; поисках гуманных механизмов ликвидации беспризорности несовершеннолетних. Работ, освещающих организацию и изначальные действия Комиссии

по улучшению жизни детей в Енисейской губернии, авторами не выявлено. В публикуемом документе охарактеризованы данные о состоянии и снабжении детских домов и приютов в Енисейской губернии, оценена деятельность уполномоченных по улучшению жизни детей, механизмы решения проблемы беспризорности несовершеннолетних. Автор доклада указывает, что проблемы беспризорных и безнадзорных детей не являются приоритетными в деятельности советских учреждений, хозяйствующих субъектов, но благодаря тому, что он одновременно председатель губернской чрезвычайной комиссии (ГубЧК), ему удается решить некоторые неотложные задачи детских учреждений. К анализу информации, содержащейся в источнике, применен диахронный метод. Сформулирован вывод о том, что кардинально изменить ситуацию по преодолению детской беспризорности в Енисейской губернии к июлю 1921 г. не удалось, но начался процесс погружения новых советских органов в решение названной проблемы. Из-за дефицита финансовых, материальных средств, слабой укомплектованности кадрами детские дома и приюты бедствовали, не решали должным образом возложенные на них воспитательные задачи, но служили «питательными пунктами», где можно было выжить беспризорникам в условиях разрухи и голода. Информация, содержащаяся в источнике, представляет интерес для тех, кто изучает раннее советское общество, формы и практики решения проблем детской беспризорности.

Ключевые слова: исторические источники, беспризорность несовершеннолетних, детский дом, Енисейская губерния, уполномоченный по улучшению жизни детей.

Список литературы

Афанасова, Е. Н. Работа комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-е гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. С. 235–238.

Колокольникова, З. У., Лобанова, О. Б. Социальное воспитание в Приенисейской Сибири в 20-е гг. XX в. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. 236 с.

Смирнова, Т. М. Детство послереволюционной России: основные итоги и перспективы изучения // Труды Института российской истории РАН. 2019. № 15. С. 70–82.

Чебаковская, А. В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 890–892.

Сведения об авторах

Катцина Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, кафедра теории и методики социальной работы, доцент, г. Красноярск, Российская Федерация, 8-391-293-19-92, kattsina@list.ru

ORCID 0000-0001-6566-9678

Мезит Людмила Эдгаровна, кандидат исторических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, кафедра отечественной истории, доцент, г. Красноярск, Российская Федерация, 8-902-990-71-96, mezit@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3341-4237

Сведения о грантах

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109 (<https://rscf.ru/project/22-18-20109/>); Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

В редакцию статья поступила 29.04.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-219-231

For citation

Kattsina, T. A., Mezit, L. E. The struggle against homelessness of minors in Yenisei province in the context of the activities of the Commission for the Improvement of Children's Life. 1921 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 219–231. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-219-231

Kattsina, Tatyana A., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Mezit, Lyudmila E., Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation

Problems of Homeless Children in Yenisseyskaya Province in the Context of the Commission for the Improvement of Children's Lives. Year1921

Abstract

Early years of the Soviet regime were a period of implementation of the ideological doctrine that stated that children welfare should be the exclusive remit of the State. The study of the entire range of solutions

for the so called children's problem in early Soviet state requires involvement of multiple kinds of sources. The object of our interest was the report of Robert Krishyanovich Lepsis (1896–1942), a representative of Yenisseyskii Provincial Executive Committee on the Improvement of Children's Lives, about the condition of childcare facilities by July 1921. The report was prepared for the Commission for the Improvement of Children's Lives under the All-Russian Central Executive Committee. The document included into the publication was identified as part of Fund P-93 "Department of National Education of the Yenisseyskii Provincial Executive Committee" in State Archive of Krasnoyarsk Territory. The document is reliable and informative; it provides details of geographical location and regional aspects of formation and activities of Soviet machinery during its establishment. The document also gives an idea of searching for humane mechanisms to eliminate juvenile homelessness. We failed to find papers that would highlight organization and initial steps of the Commission for the Improvement of Children's Lives in Yenisseyskaya Province. The published document the data on the condition and supply of orphanages and shelters in Yenisseyskaya Province; it evaluates the activities of the representatives for the improvement of children's lives and mechanisms of solution for the problem of juvenile homelessness. The author of the report does not hide the fact that the problems of homeless and neglected children are not a priority in the activities of all the Soviet institutions or administrative organizations. However, due to his being at the same time a Chairman of the Provincial Extraordinary Commission, he manages to solve some urgent issues of childcare facilities. We applied diachronic method to analyze information from the source. As a result we came to a conclusion that they did not manage to change the situation with children's homelessness in Yenisseyskaya Province radically by July 1921. But a process of introduction of newly formed Soviet institutions into the solution of the above mentioned problem started. Due to the lack of financial and material resources, as well as poor staffing, orphanages and shelters were in poverty. They did not properly solve the educational tasks assigned to them, but at least they served as feeding stations where one could survive in the midst of destruction and famine. The information from the source may be of interest to those who study Soviet society, forms and practical activities of addressing the problems of children's homelessness.

Keywords

Historical sources, homelessness of minors, orphanage, Yenisei province, authorized to improve the lives of children.

References

Afanasova, E. N. Work of the Commission for the improvement of children's lives in the fight against child homelessness in the 1920–1930s (on the example of the Irkutsk Oblast and Krasnoyarsk Krai). IN: Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2010. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law publ, 2010. Pp. 235–238.

Kolokolnikova, Z. U., Lobanova, O. B. Social education in Prienisei Siberia in the 20s of the twentieth century. IN: Krasnoyarsk: Siberian Federal University publ., 2022. 236 c.

Smirnova, T. M. Childhood of post-revolutionary Russia: main results and prospects of study. IN: Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2019. № 15. Pp. 70–82.

Chebakovskaya, A. V. The system of state management of the sphere of child protection in 1920-1935. IN: St. Petersburg Historical Journal. 2018. № 2. Pp. 890–892.

About the authors

Kattsina Tatyana A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Department of Theory and Methods of Social Work, Associate Professor, Krasnoyarsk, Russian Federation, +7-391-293-19-92, katsina@list.ru

ORCID: 0000-0001-6566-9678

Mezit Lyudmila E., PhD in History, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University. V. P. Astafieva, Department of National History, Associate Professor, Krasnoyarsk, Russian Federation, +7-902-990-71-96 mezit@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3341-4237

Grant information

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-20109, <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific and Technical Activities.

The article was received in the editorial office on 29.04.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 93/94+303.446.4+303.436+308+323.212+323.22/.28+323.38.01+323.396323.382+334.025+334.021.1+658.5+002.6.048.26+323.3.01/.06+334.012.2+334.012.5+334.012.7+338.3.01+338.36+338.124.4+347.195.3+347.195.1+351.711+351.712.4+351.712.6+351.83.075.8+351.83.072.6
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-232-245

Для цитирования

Димони, К. О. Хозяйственно-управленческая этика советских руководителей предприятий периода 1930–1940-х гг. По источникам личного происхождения // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 232–245. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-232-245

Димони, К. О.

Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Российская Федерация

Хозяйственно-управленческая этика советских руководителей предприятий периода 1930–1940-х гг. По источникам личного происхождения

Хозяйственно-управленческая этика советских руководителей предприятий периода 1930–1940-х гг. представляет собой феномен, не подвергавшийся серьезному изучению. Частично данные вопросы получили освещение в рамках описания принципов советской трудовой этики и морали, исследовавшихся в советском обществознании, однако эти работы были проникнуты соответствующим идеологическим духом. В методологическом плане крупнейшей работой о хозяйственной этике является труд швейцарского экономиста А. Риха, вышедший в 1996 г.¹ Он писал, что хозяйственная этика изучает вопросы справедливости, ответственности в отношении участников хозяйственных отношений, взаимодействие общества и государства, причины возникновения норм поведения и т. д.

В последние десятилетия вопросы хозяйственно-управленческой и трудовой этики начали привлекать внимание историков и социологов, вышел ряд работ, описывающих раз-

ные стороны проблемы², однако эти исследования пока находятся в зачаточной стадии.

Вопросы производственной этики в советской России, особенно относящиеся к сфере руководства предприятиями, также являются «белыми пятнами» для исследователя – подходы к данной проблеме еще только начинают разрабатываться³. Историки указывают на то, что период 1930–1940-х гг. характеризуется большими изменениями, связанными с переходом на плановый тип экономики, форсированной индустриализацией, созданием коллективных хозяйств, усилением роли государства в экономическом развитии. Одновременно в исторической науке высказана мысль о том, что вместе с господством государственной формы собственности коренным образом изменились собственнические правоотношения: право собственности трансформировалось в разделенное, сложился деперсонифицированный характер права собственности на средства производства («собственниками» становится группа высших управленцев)⁴. Вместе с этими процессами существенным изменениям подвергалась и этика, связанная с хозяйственной и управленческой деятельностью.

Наиболее эффективным способом поиска этических принципов руководителей советских производств, на наш взгляд, является анализ источников личного происхождения, прежде всего, дневников и воспоминаний. В качестве исторических источников для анализа хозяйственной этики советских руководителей предприятий в статье использованы воспоминания из личных фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и опубликованные источники. Дела, собранные в фондах личного хранения РГАЭ (здесь сосредоточено более 350 фондов личного происхождения)⁵, в отношении хозяйственно-управленческого корпуса советской России обладают рядом общих параметров. Основная часть воспоминаний написана в 1950–1980-е гг., при этом 1930-е гг. остались, в основном, за кадром, так как большой корпус директоров предприятий этого времени был репрессирован. Воспоминания оставили люди, завершившие свою трудовую деятельность в 1960–1970-е гг., многие довольно скупо делились деталями биографии, так как в прошлом были

также репрессированы. Значительную долю дел составляют документы официального характера, представляющие «банк информации» фондообразователя. Часто встречаются тексты выступлений, рецензии, рукописи монографий и статей, рабочие тетради, фотографии, переписка. Реже встречаются ценные источники в виде воспоминаний и дневников, некоторые из них были опубликованы.

Нужно отметить, что от хозяйственных руководителей 1930–1940-х гг. сохранилось мало информации личного характера. Так, в фондах РГАЭ содержатся воспоминания о жизни и деятельности А. В. Кудрявцева, работавшего министром лесной промышленности РСФСР и СССР в 1947–1957 гг. (Ф. 725), воспоминания «Откуда я родом...» П. Ф. Ломако, работавшего наркомом и министром цветной металлургии СССР более 46 лет (Ф. 739), воспоминания «Моя биография» Н. Д. Псурцева, занимавшего должность министра связи СССР с 1948 по 1975 г. (Ф. 493), воспоминания «Хроника одной жизни, почти полностью посвященной комсомолу, партии и алюминиевой промышленности» А. А. Гайлита, бывшего в 1940-е гг. начальником Управления организации труда, заработной платы и рабочих кадров Минцветмета СССР, воспоминания «Страницы жизни, связанные с развитием цветной металлургии СССР» И. А. Стригина, работавшего начальником ряда обогатительных фабрик, а затем на разных постах в Министерстве цветной металлургии (и те, и другие воспоминания находятся в коллекции документов деятелей металлургической промышленности. Ф. 332).

Для подготовки статьи использованы источники из фондов личного происхождения, позволяющие описать хозяйственно-управленческую этику. Наиболее подробно данная тема отражена в рукописи воспоминаний «Полвека труда в лесной промышленности» Александра Леонтьевича Козлова⁶, а также в рукописях воспоминаний Алексея Максимовича Конторщикова⁷ и Юлиана Николаевича Кожевникова «Трубная промышленность – фронту»⁸. А. Л. Козлов (1906–1991) после работы председателем сельсовета в 1932 г. стал лесным инженером, затем начальником лесоустройства, с 1932 по 1937 г. работал директором Красно-Вишерского лесопро-

мышленного хозяйства (в 1937 г. был репрессирован, затем освобожден), с 1943 по 1946 г. занимал пост управляющего трестом «Уралзападлес», в 1947–1949 гг. был начальником производственно-технического управления Министерства лесной промышленности СССР, затем – председателем СНХ Тюменского экономического административного района.

В воспоминаниях А. Л. Козлова изложена не только биография автора, но и отражен процесс формирования этических хозяйственных представлений. А. М. Конторщиков (1900 г. р., дата смерти не установлена) – участник Гражданской войны, после которой занялся партийной работой, в 1928 г. стал директором Шатурской, затем Каховской ГРЭС, в 1934 г. работал директором авиационного завода, с 1937 г. был неоднократно репрессирован, позднее работал в лесозаготовительной промышленности и энергетике⁹. А. М. Конторщиков оставил воспоминания, состоящие из двух частей. Первая повествует о работе автора директором авиационного завода № 95 в 1934 г., вторая – об участии в подавлении контрреволюции в 1920–1923 гг.

Ю. Н. Кожевников (1904–1975) в 1934–1938 гг. был техническим директором – главным инженером Первоуральского новотрубного завода, в 1938–1944 гг. – начальником Главтрубостали. С 1948 г. был зам. председателя Государственного научно-технического комитета СССР, затем работал в Совете министров СССР и РСФСР, Министерстве черной металлургии СССР.

В фонде, кроме вышеназванных, отложились воспоминания Ю. Н. Кожевникова «Черная металлургия в годы Великой Отечественной войны». Для более полного анализа хозяйственно-управленческой этики в статье использован аутентичный источник, созданный в 1930-е гг. Речь идет о «Дневнике директора завода»¹⁰ Михаила Вениаминовича Ясвоина (в части изданий фамилия написана как «Ясвойн»), опубликованном в 1934 г. М. В. Ясвоин (1892–1937) в 1930–1933 гг. был директором ленинградского завода «Светлана», с 1933 по 1937 г. – директором завода «Красная заря», а с 1937 г. – директором московского завода «Динамо». В 1937 г. был репрессирован. Дневник включен в издание «О советском директоре», вышедшее в 1934 г.¹¹

Анализ источников личного происхождения указанных выше авторов позволил выявить ряд характерных для руководителей предприятий хозяйственно-управленческих этических принципов.

Одним из важных и часто встречающихся в описаниях этических принципов советских руководителей является принцип декларативной лояльности (по отношению к партии, государству, идеологии, лидеру). Эта установка присутствует в воспоминаниях большинства информантов выборки. Например, репрессированный и впоследствии реабилитированный А. Л. Козлов ограничивается описанием того, что советский передел имущества, образовательные программы и связанный с этими явлениями экономический рост в советской России был правильным, но без излишних сантиментов в адрес вождя 1930-х гг. и коммунистической партии¹².

В воспоминаниях А. М. Конторщикова, наоборот, внимание читателя осознанно акцентируется на данном принципе: «Но воля партии для нас, коммунистов, всегда есть закон»¹³. Также выделяет данный принцип и Ю. Н. Кожевников: «Ничего не могло остановить выполнения важнейшего государственного задания»¹⁴. М. В. Ясвоин пишет в дневнике о первых днях работы на заводе «Красная заря»: «Прежде всего надо установить большевистский порядок на заводе. С этого начинать!»¹⁵. Стоит заметить, что декларация верности партии, советскому государству или лично вождю характерна отнюдь не только для директоров производств, но встречается в огромном количестве иных источников, особенно, если автор предполагал, что воспоминания будут прочитаны.

В большинстве случаев декларация политической верности являлась этическим принципом демонстрации подчиненности вышестоящим в иерархической пирамиде. В этом ряду показательными являются рассуждения о единоначалии в советской экономике. В 1930-е гг. единоначалие стало не просто установкой, а, фактически, всеобщим законом в рамках советской системы. Следствием введения жесткой иерархии стало устранение «ненужных» для иерархической системы отделов, дублирующих управленческие функции. Именно с внедрения этого принципа и начал свою деятель-

ность на заводе «Красная заря» М. В. Ясвоин. Заступив на пост директора завода 4 сентября 1933 г., уже 8 сентября он зафиксировал в дневнике: «Специальное бюро техпромфинплана занималось писаниной, наводняя цеха ворохами бумаг. Бюро распустил, бездельников выгнал с завода»¹⁶. 15 сентября Ясвоин сообщил читателю о том, что после устранения «старых (коллегиальных) порядков» вводится жесткая иерархия: «Начальникам цехов и мастерам передадим всю полноту власти, приучим их к ответственности за свой участок»¹⁷.

По мнению руководителей предприятий 1930–1940-х гг. именно единоначалие смогло заставить советскую экономическую систему работать в едином ритме, система жесткой соподчиненности стала важной этической ценностью тех лет, пролонгированной в будущем. Следствием введения принципа единоначалия в управлении предприятиями стало также изменение всех производственных структур на «укрупненные», что, по мнению руководителей предприятий, значительно упростило централизованное управление целыми отраслями промышленности. А. Л. Козлов с одобрением отмечал в воспоминаниях: «Поиски наркоматом лесной промышленности новых, более совершенных форм руководства отраслью привели к правильной мысли объединения в одно бумажное хозяйство бумажного комбината и леспромхоза»¹⁸. Хорошо прослеживается эта ментальная и этическая установка при отзыве Козлова о разукрупнении производственных комплексов: «Я <...> категорически возражал против разукрупнения, считая, что трест нужно оставить один, а некоторые предприятия укрупнить»¹⁹.

Другим следствием введения принципа единоначалия стало оформление принципа трудовой, поведенческой и производственной дисциплины, работающего как в отношении непосредственно руководителя, так и подчиненных ему работников. В выборке воспоминаний советских руководителей часто упоминается об их участии в жизни предприятия. В нетипичных случаях это описывается как непосредственное физическое выполнение работ вместе с трудящимися. Например, А. Л. Козлов писал: «В период сплава приходилось неделями быть на производстве и часто с багром в руках вместе

с рабочими разбирать заторы леса, грузить в челенья спецдревесину»²⁰. В большинстве же случаев руководитель производства совершал обходы предприятия, следил за наличием рабочих на местах, выявлял проблемы, регулировал работу в цехах. Так, М. В. Ясвоин записывает в дневнике за 21 октября 1933 г.: «ежедневно, как правило, обхожу весь завод и вижу со всеми начальниками цехов. Завод уже знаю весь – все уголки облазил»²¹. Практическое значение надзора было достаточно велико – зачастую руководителями производств обнаруживались проблемы, существенно влияющие на работу предприятия. Например, М. В. Ясвоин «обнаружил, что рабочие по 4–5 часов вынуждены стоять у кассы в ожидании полочки. Распорядился, чтобы деньги рабочим приносили к станкам»²².

Принцип лидерского примера руководителя тоже являлся многосоставным принципом хозяйственно-управленческой этики 1930–1940-х гг. Этот принцип подразумевал максимальную дисциплинированность руководителя – например, ему полагалось иметь строгий распорядок дня, приходиться на работу в одно и то же время, вести свою жизнь и работу в рамках положенного для начальника регламента. А. М. Конторщиков писал об этом: «имело значение установление твердого распорядка дня директора и его помощников. Было установлено правило, как и на электростанциях: приезжал я на завод в строго установленное время для себя в 7:30–7:45, не позднее, сразу делал обход территории завода, а потом и цехов, это занимало время до 11 часов дня, а потом я садился за кабинетную работу, делал вызовы руководящего производственного персонала, конкретизируя свои задания»²³.

Этический «кодекс» руководителя также включал требование быть максимально компетентным в области своей деятельности. С этим сюжетом связаны отраженные в воспоминаниях сомнения в связи с назначением директором на предприятие, профиль деятельности которого не совпадал со специальностью назначенного руководителя. Так, А. М. Конторщиков писал о своем назначении директором авиазавода: «я не был ни самолетостроителем, ни металлургом по легким сплавам, а был энергетиком. Этим я мотивировал свой отказ от принятия завода у товарища Серго»²⁴.

Хозяйственно-управленческая этика предполагала, что советский руководитель должен быть чужд всякой семейственности, кумовства и других проявлений начальственного статуса. А. Л. Козлов в воспоминаниях отмечал: «слаженность работы коллектива достигается упорным трудом руководителей, и она тем сильнее, чем больше руководители являются примером для других как в труде, так и в быту. Особенно плохо влияет на коллектив всякое использование служебного положения со стороны руководителей, семейственность, распределение оплаты не по труду и неправильное использование общественных фондов»²⁵.

Одним из важнейших для большинства советских руководителей также был принцип требовательности к культуре производства. Это относилось не только к выполнению работниками поставленных задач и слаженной работе всех отделов, но и к элементарной чистоте. Весьма часто в воспоминаниях руководителей упоминаются кампании по уборке мусора на заводах с целью улучшения работоспособности предприятия. Так, А. М. Конторщикова вспоминает: «Создалось такое впечатление, что люди жмут на освоение нового оборудования, процессов его технологии и тут же на глазах грязь в цехах, «неумытое» оборудование, забывая при всем большом порыве необходимость высокой требовательности к культуре производства, чистоты на рабочих местах»²⁶, «я был твердо уверен в том, что та грязь и захламленность завода была основной причиной всех неполадок»²⁷.

Мотивация директора Конторщикова была на самом деле вполне оправданна: при большой захламленности производства завод производил значительное количество брака, чем срывал выполнение плана. Так же видел задачу и директор «Красной зари» Ясвоин: «Завод большой и хороший, но очень плохо организован. В цехах – грязь и беспорядок. Во время работы гуляют, как в выходной день на Невском»²⁸. Проблему составляла не только грязь на производстве, но и учет рабочего времени, отлучки с рабочего места, прогулы работников и т. д.

Документы личного происхождения показывают, что именно в 1930–1940-е гг. шло становление новой хозяйственно-управленческой этики. Ее осмысление занимало довольно

большое место в рукописях. Анализ источников позволил определить, что основными этическими принципами российских руководителей производств в 1930–1940-е гг. было проявление преданности партии и коммунистической идеологии, признание иерархичности управленческой пирамиды и стремление к централизации управления, а также операционные принципы личного участия в производственных процессах, компетентность руководителя, принцип лидерского примера и личностно-дисциплинарные принципы порядочности, требовательности к культуре производства.

Примечания

¹ Рих, А. Хозяйственная этика. Москва: Посев, 1996. С. 79.

² Novokmet, Filip, Piketty, Thomas, Zucman, Gabriel. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // Society for the Study of Economic Inequality. 2017. Vol. 16 (2). Pp. 189–223; Амосова, А. А. Нормы и практики служебного поведения советской элиты Ленинграда в эпоху позднего сталинизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2020. № 1 (65). С. 188–210.

³ Безнин, М. А., Димони, Т. М. Обзор подходов к изучению модели власть – собственность в советской России сталинского периода // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: История. 2022. № 3. С. 49–60.

⁴ Безнин, М. А., Димони, Т. М. Становление новых властно-собственнических отношений в советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 10-1. С. 4–19.

⁵ Российский государственный архив экономики: Путеводитель: Выпуск 3: Фонды личного происхождения. Москва: Галерея, 2001. 312 с.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 20. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–136.

⁷ Там же. Ф. 246. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–46.

⁸ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–40.

⁹ Эрлих, А. И. Дорога в небо: Очерк. Москва: Триумф, 2017. С. 98–100.

¹⁰ О советском директоре. Ленинград: Ленпартиздат, 1934. 46 с.

¹¹ Там же. С. 14–34.

¹² РГАЭ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–13.

¹³ Там же. Ф. 246. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

- ¹⁴ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 167. Л. 14.
- ¹⁵ О советском директоре. Указ. соч. С. 17.
- ¹⁶ Там же. С. 16.
- ¹⁷ Там же. С. 20.
- ¹⁸ РГАЭ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.
- ¹⁹ Там же. Л. 57.
- ²⁰ Там же. Л. 60.
- ²¹ О советском директоре. Указ. соч. С. 23.
- ²² Там же. С. 20.
- ²³ РГАЭ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 24. Л. 100.
- ²⁶ Там же. Ф. 246. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ О советском директоре. Указ. соч. С. 14.

Аннотация

В статье анализируются хозяйственно-управленческие этические принципы работы директоров российских предприятий периода 1930–1940-х гг. Для изучения данной проблемы из источников личного происхождения автором сделана выборка, состоящая из высказываний о принципах хозяйственно-управленческой этики, после чего было проведено их структурированное описание. В работе использованы историко-сравнительный и историко-генетический методы. Значимость хозяйственно-этического аспекта ментальности советских руководителей позволяет получить новое знание о генезисе советской элиты, ее месте в трансформации социально-экономического устройства страны. Кроме того, изучение трудовой этики советских руководителей на основании источников личного происхождения проводится автором впервые в историографии. Впервые также применяется метод системного структурирования управленческо-этических принципов руководства предприятиями. Исследование хозяйственно-управленческой этики выполнено на основе источников личного происхождения – воспоминаний и дневников директоров предприятий. Основная часть источникового комплекса извлечена из фондов Российского государственного архива экономики (воспоминания А. Л. Козлова, А. М. Конторщикова, Ю. Н. Кожевникова, дневник М. В. Ясвоина), большинство из них не публиковались и мало введены в научный оборот. Методологической основой изучения данных источников стали работы А. Риха о понимании хозяйственной этики, а также работы современных российских

историков о новых отношениях собственности в советской экономике 1930-х – начала 1950-х гг. Автор пришел к выводу о том, что основные этические принципы, исповедуемые руководителями предприятий в хозяйственно-управленческой деятельности, состояли в «присяге» основным постулатам советской власти и сформулированным государством требованиям. Руководители предприятий считали правильным принцип единоначалия, принцип личного трудового участия в делах предприятия. В части нравственных норм руководители предприятий считали недопустимым получение личной выгоды, семейственности, кумовства и т. д. В то же время выявленные по опубликованным источникам принципы хозяйственно-трудовой этики не охватывают латентного пласта советской экономической модели, где считалось возможным нарушение ряда экономико-идеологических норм, пренебрежительное отношение к нижестоящим, «обыденные» нормы материального обеспечения руководства и т. д. Вывод статьи состоит в том, что большая часть руководителей советских предприятий периода 1930–1940-х гг. жила в предложенной советской идеологией системе этических ценностей, старалась соблюдать и культивировать «социалистические» этические параметры.

Ключевые слова: хозяйственно-управленческая этика, экономика России, руководители предприятий, сталинский период, источники личного происхождения, принципы управления, единоначалие.

Список литературы

- Амосова, А. А. Нормы и практики служебного поведения советской элиты Ленинграда в эпоху позднего сталинизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2020. № 1 (65). С. 188–210.
- Безнин, М. А., Димони, Т. М. Обзор подходов к изучению модели власть – собственность в советской России сталинского периода // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: История. 2022. № 3. С. 49–60.
- Безнин, М. А., Димони, Т. М. Становление новых властно-собственнических отношений в советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 10-1. С. 4–19.
- О советском директоре. Ленинград: Ленпартиздат, 1934. 46 с.
- Рих, А. Хозяйственная этика. Москва: Посев, 1996. 810 с.
- Эрлих, А. И. Дорога в небо: Очерк. Москва: Триумф, 2017. 192 с.
- Novokmet, Filip, Piketty, Thomas, Zucman, Gabriel. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // Society for the Study of Economic Inequality. 2017. Vol. 16 (2). Pp. 189–223.

Сведения об авторах

Димони Кирилл Олегович, Вологодский государственный университет, Институт социальных и гуманитарных наук, кафедра отечественной истории, старший преподаватель, г. Вологда, Российская Федерация, 8-953-506-52-08, ucto@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00325 «Власть и собственность в советской России (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): борьба экономических и политических интересов». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rscf.ru/project/22-28-00325>

В редакцию статья поступила 21.07.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-232-245

For citation

Dimoni, K. O. Economic and managerial ethics of Soviet enterprise managers in the 1930s-1940s. Based on sources of personal origin (In Russ). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 232–245. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-232-245

Dimoni, K. O., Vologda State University, Vologda, Russian Federation
Economic and managerial ethics of Soviet enterprise managers in the 1930s–1940s. Based on sources of personal origin

Abstract

This article, for the first time in domestic historiography, scrutinizes the ethical principles guiding the managerial activities of directors in Russian enterprises during the 1930s and 1940s. To address this issue, a selection was made from sources of personal origin, consisting of expressions concerning the principles of managerial ethics, followed by a structured description of these principles. The study employs historical-comparative and historical-genetic methods. The significance of the economic-ethical aspect of the soviet leaders mentality allows for a fresh understanding of the genesis of the soviet elite and its role in the transformation of the socio-economic structure of the country. Furthermore, the examination of the labor ethics of soviet leaders based on personal origin sources is undertaken by the author for the first time in historiography. Additionally, the article introduces a novel

approach by applying a systematic structuring method to the managerial-ethical principles of enterprise leadership. The study of managerial ethics is conducted based on personal origin sources, such as memoirs and diaries of enterprise directors. The primary portion of the source complex is extracted from the archives of the Russian State Archive of Economics (memoirs of A. L. Kozlov, A. M. Kontorshchikov, Yu. N. Kozhevnikov, and the diary of M. V. Yasvojn), the majority of which remain unpublished and minimally incorporated into scholarly discourse. The methodological foundation for studying these sources is rooted in A. Rikh's works on the understanding of economic ethics, as well as contemporary Russian historians works on new property relations in the soviet economy of the 1930s to the early 1950s. The author concludes that the fundamental ethical principles adhered to by enterprise leaders in their managerial activities consisted of an «oath» to the fundamental postulates of soviet authority and the requirements formulated by the state. The leaders deemed the principles of centralized command and personal labor participation in enterprise affairs as correct. Regarding moral norms of management, the leaders considered personal gain, nepotism, and favoritism, among other practices, as unacceptable. However, the principles of economic-labor ethics identified through published sources do not encompass the latent stratum of the soviet economic model, where deviations from certain economic-ideological norms, disregard for subordinates, «everyday» norms of managerial material support, etc., were deemed acceptable. The article concludes that a significant portion of soviet enterprise leaders in the 1930s and 1940s adhered to the proposed soviet ideological system of ethical values, striving to uphold and cultivate «socialist» ethical parameters.

Keywords

Economic-managerial ethics, Russian economy, enterprise leaders, Stalinist era, personal origin sources, management principles, centralized command.

References

- Amosova, A. A. Norms and practices of official behavior of the Soviet elite of Leningrad in the era of late Stalinism [In Russ.]. IN: Vestnik of St. Petersburg University. Series: History. 2020. № 1 (65). Pp. 188–210.
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. Review of approaches to the study of the model of power-ownership in Soviet Russia of the Stalin period [In Russ.]. IN: Journal of the Belarusian State University. Series: History. 2022. № 3. Pp. 49–60.
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. Formation of new power relations in Soviet Russia in the late 1920s – early 1950s [In Russ.]. IN: Voprosy istorii. 2022. № 10-1. Pp. 4–19.

On the Soviet Director. Leningrad: Lenpartizdat publ., 1934. 46 p.
Rikh, A. Khozyazhestvennaya etika. Moscow: Posev publ., 1996. 810 p.
Erlich, A. I. Doroga v nebo: Sketch. Moscow: Triumph publ., 2017. 192 p.
Novokmet, Filip, Piketty, Thomas, Zucman, Gabriel. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. IN: Society for the Study of Economic Inequality. 2017. Vol. 16 (2), pp. 189–223.

About the authors

Dimoni Kirill Olegovich, Vologda State University, Institute of social and humanities sciences, department of Russian history, Senior Lecturer, Vologda, Russian Federation, +7-953-506-52-08, ucto@yandex.ru

Grant information

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the research project № 22-28-00325 «Power and property in Soviet Russia (late 1920s to early 1950s): struggle of economic and political interests». Electronic Resource. Access Mode: <https://rscf.ru/project/22-28-00325>

The article was received in the editorial office on 21.07.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Научная статья

УДК 001.38+330.3+330.84/.86+658.5+001.92+930.253+308+32.019.5+659.4+330.36+338.246.8+608+608.3+347.771(094.7)+930.24+008+930.85+658.5

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-246-256

Для цитирования

Бодрова, Е. В., Калинов, В. В. Государственная политика СССР в сфере внедрения достижений науки и техники в середине 1950-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 246–256. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-246-256

Бодрова, Е. В.

МИРЭА – Российский технологический университет,
г. Москва, Российская Федерация

Калинов, В. В.

РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина,
г. Москва, Российская Федерация

Государственная политика СССР в сфере внедрения достижений науки и техники в середине 1950-х гг.

Изучение одного из самых важных направлений государственной промышленной и научно-технической политики середины 1950-х гг. представляет значительный интерес в контексте современных дискуссий. Так, Г. И. Ханин говорит о триумфе страны, ссылаясь на двузначные цифры темпов экономического роста и характеризуя этот период в качестве подлинной научно-технической революции¹. В свою очередь В. А. Шестаков пишет об ограниченности раннеиндустриальной модернизации, о «сталинском» факторе, обусловившем проявление кризисных явлений и технологическое отставание уже в начале 1950-х гг.² Представляет интерес и попытка В. М. Кудрова критически переосмыслить результаты экономической политики послевоенного периода³.

Изученные нами в настоящее время доступные документы из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) позволяют с большой степенью достовер-

ности проанализировать достижения и просчеты государственной промышленной и научно-технической политики в исследуемый период. Изучение архивных документов дает возможность внести определенность в ведущие споры относительно эффективности экономической модели 1950-х гг. Базовой в ходе исследования явилась теория модернизации.

Полагаем правомерным определить в качестве рубежного события, определившего изменения курса в научно-технической сфере, принятие Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 мая 1955 г. «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники»⁴ и решения Пленума ЦК партии 4–12 июля 1955 г., который был посвящен проблемам дальнейшего подъема промышленности, обеспечения активизации технического прогресса и оптимизации организации производства⁵.

Эти опубликованные постановления и материалы содержат мало конкретных данных. Однако архивные фонды хранят документы иного рода и представляют большую ценность для исследователей. Так, в письме с пометкой «не для печати», которое было распространено до указанных выше событий, технологическое отставание объяснялось «самоуспокоенностью, зазнайством многих работников промышленности», «забвением перспективы». Скорейшая разработка и внедрение новейших научно-технических достижений определялись в качестве важнейшей задачи⁶. Еще больше данных содержит проект этого письма, подготовленный заведующим отделом машиностроения ЦК КПСС И. И. Кузьминым по поручению Н. С. Хрущева. Проект был адресован Л. М. Кагановичу, М. З. Сабурову, М. Г. Первухину, В. А. Малышеву, И. Ф. Тевосяну и содержал Обращение ЦК КПСС и Совета министров СССР ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим, к руководителям предприятий, деятелям науки и техники, к партийным, профсоюзным и комсомольским организациям предприятий и учреждений промышленности⁷.

Обращение, посвященное «коренным вопросам работы и дальнейшего развития нашей социалистической промышленности», содержало перечисление достижений СССР, главным

из которых, без сомнения, были темпы роста промышленности, опережающие капиталистические страны. В этот перечень успехов были включены и механизация процесса добычи угля и подавляющей части выпуска черных металлов, и внедрение комплексной механизации и автоматизации производственных процессов. Машиностроение ежегодно создавало и осваивало 600–700 новых видов машин. Оно давало народному хозяйству, отмечалось в обращении, много первоклассного оборудования, совершенных машин, механизмов и приборов. Наличие мощного машиностроения, в свою очередь, позволило добиться больших успехов в оснащении Советских вооруженных сил новым, вполне современным оружием и боевой техникой⁸.

Однако, акцентируя внимание на сохранении в планах прежнего приоритета – тяжелого машиностроения, называя оппортунистической иную линию, авторы предупреждали о невозможности ревизии генеральной линии партии, направленной на преимущественное развитие средств производства, обеспечение высоких темпов развития тяжелой промышленности, технического прогресса и дальнейшего укрепления оборонной мощи страны⁹. Особенно это было недопустимо, отмечалось в письме, в условиях, когда империалистические государства развертывают «бешеную подготовку к новой войне»¹⁰.

Особый раздел проекта обращения посвящен призыву внедрять в народное хозяйство передовую технику. Подчеркивалась недопустимость слишком медленных темпов, значительного отставания от уровня современных мировых достижений¹¹. Документ содержал и конкретные примеры. Только безответственным отношением к этой проблеме со стороны Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения объяснялся в письме тот факт, что грузовые и легковые автомашины, выпускаемые предприятиями этого ведомства, во многом уступали лучшим зарубежным автомобилям по весу, мощности двигателя, максимальной скорости, по расходу горючего. В обращении прямо назывались фамилии руководителей этого министерства, для которых должен был стать позором выпуск одних из самых плохих в мире тракторов «Универсал», грузовиков ЗИС-5, самоходных комбайнов и подобных машин.

Как и во многих подобных документах того времени, в проекте Обращения содержалась ссылка на достижения США. Так, если в этот период в СССР в области энергетического оборудования только 17% турбин имели мощность в 100 тыс. кВт и выше, а на тепловых электростанциях, внедренных в эксплуатацию в течение предыдущих 3–4 лет, свыше 80% турбин имели мощность 50 тыс. кВт, то в США электроэнергетическое хозяйство развивалось в то время, прежде всего, за счет широкого внедрения крупных турбин – свыше 45% турбин на электростанциях США имели мощность в 100 тыс. кВт и выше.

СССР, являясь родиной тепловозостроения, не имел необходимой промышленной базы по производству тепловозов, они составляли всего 3% локомотивного парка. В США этот показатель составлял 50%¹². Виновными назывались руководители Министерства путей сообщений и Министерства транспортного машиностроения, которые «упорно цепляются за старую, отжившую свой век технику» и не хотели внедрять новую, передовую¹³.

Отмечено в документе и серьезное отставание в сфере внедрения передовых методов производства. Так, в машиностроении тогда еще не нашли широкого применения горячая и холодная штамповка, точное литье и другие современные способы изготовления заготовок, позволявшие резко сократить расход металла и затраты труда на механическую обработку деталей. Уровень литейного производства в нашей стране значительно отставал от мирового. Особо акцентировалось внимание на недостатке внимания к комплексной механизации всех промышленных процессов, автоматизации производства¹⁴.

Не менее значимым является и содержащийся в письме анализ причин сложившейся ситуации, которая, по мнению авторов, стала результатом утраты многими работниками промышленности чувства ответственности перед государством за внедрение передовой техники; недостаточного изучения руководством министерств, научными работниками и инженерно-техническими работниками (ИТР) достижений науки и техники за рубежом, что явилось примером «косности и отсталости», боязни идти на риск, нежелания поддерживать изобретателей. Весьма жестко были охарактеризованы

и сотрудники НИИ, среди которых, говорилось в Обращении: «<...> много бездельников и карьеристов, примазавшихся к науке и помышляющих лишь об ученых званиях и степенях, о высоких ставках и похвалах»¹⁵.

Еще один раздел посвящен анализу факторов роста производительности труда, так как на многих советских производствах оставалось еще очень много ручного труда. Так, на лесозаготовках было занято ручным трудом свыше 80% рабочих, на угольных шахтах – почти 50%, на текстильных предприятиях – до 40%. На шахтах Донбасса производительность труда оставалась ниже довоенной¹⁶.

Наконец, в Обращении содержалось строгое напоминание о том, что государственный план должен быть законом для каждого предприятия. Между тем, отмечалось в проекте письма, в некоторых отраслях промышленности не выполняли планы от 1/3 до половины общего числа предприятий¹⁷. В заключение предлагалось обсудить это Обращение на партийных, комсомольских собраниях, на собраниях рабочих, ИТР, научных работников, с целью подвергнуть критике и ликвидировать недостатки, найти и мобилизовать внутренние резервы дальнейшего роста и совершенствования производства, сосредоточив внимание, прежде всего, на скорейшем внедрении новейшей техники, выполнении плана¹⁸.

Подготовка такого обращения объяснялась тем, что к этому времени стало очевидным: плановые задания по росту производительности труда не выполняются. Речь шла, прежде всего, о машиностроении, которое создавало проблемы другим отраслям промышленности: снижался удельный вес высокопроизводительных станков, отставало производство кузнечно-прессового оборудования, медленно внедрялись процессы автоматизации, не соответствовали мировым аналогам технические характеристики выпускаемой продукции. Только на предприятиях станкостроительной и инструментальной промышленности требовалось модернизировать примерно 18% выпускаемых металлорежущих станков¹⁹.

В качестве главных задач шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, принятого на XX съезде партии (1956 г.), были определены приоритеты: преимущест-

венное развитие тяжелой промышленности, непрерывный технический прогресс и повышение производительности труда²⁰. Однако из предусмотренных Госпланом на 1956 г. 2 429 заданий по разработке и изготовлению опытных образцов машин, оборудования, приборов по механизации и автоматизации производственных процессов, по внедрению передовых технологических процессов было выполнено всего 1 286 заданий (53% к плану). План по 963 заданиям был выполнен не в полном объеме, а по 180 заданиями работы не были начаты²¹.

Таким образом, изученные документы подтверждают вывод о том, что на фоне высоких темпов экономического роста, значительных достижений в области науки и техники в стране наблюдалось торможение модернизационных процессов. В недостаточной степени стимулировалось движение изобретателей и рационализаторов, медленно внедрялись результаты научно-исследовательских разработок. Утвержденные документы свидетельствуют о том, что власти пытались справиться с возникающими проблемами с помощью приказных методов, реорганизаций системы управления. Но результаты принятых мер сложно назвать триумфальными. Доля ручного труда оставалась высокой. Важнейшим фактором торможения явилась действующая в то время мобилизационная модель экономики, ориентирующая в первую очередь на достижение количественных плановых показателей. Кроме того, негативным образом сказался отказ от разработки единого общесоюзного плана внедрения новой техники, отсутствовал единый орган, обеспечивающий координацию научно-исследовательских работ и внедрение результатов. Руководство страны в недостаточной степени оценивало значимость выпуска вычислительной техники, автоматизации и механизации производства.

Примечания

¹ Ханин, Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые. // Свободная мысль–XXI. 2002. № 5. С. 72–94.

² Шестаков, В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов. Автореф. дис ... док. ист. н. Москва, 2006. С. 28.

³ Кудров, В. М. Советская экономика. Проблемы переосмысливания. Москва: Наука, 1997. 301 с.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 8. Москва: Политиздат, 1985. С. 505–509.

⁵ Там же. С. 510–528.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 40. Д. 10. Л. 1–33.

⁷ Там же. Л. 1–33.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Л. 9–11.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 12–13.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 22–23.

¹⁸ Там же. Л. 33.

¹⁹ Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созданного ЦК КПСС и Советом министров СССР 16–18 мая 1955 года: Стенографический отчет. Москва: Б. и., 1955. С. 94.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 9. Москва: Политиздат, 1985. С. 29.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 40. Д. 93. Л. 4.

Аннотация

Авторы на основании изучения в настоящее время доступных архивных документов из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) исследуют эволюцию государственной политики в сфере внедрения достижений науки и техники в СССР в середине 1950-х гг. Опубликованные в то время документы ориентировали на форсирование темпов внедрения новой техники, лучшее использование зарубежных образцов, поддержку движения рационализаторов и изобретателей, его масштабирование. Сравнительный анализ показателей СССР и США демонстрировал сохраняющееся технологическое отставание нашей страны по ряду значимых направлений. Оставалась относительно низкой производительность труда. В качестве факторов, определявших неуспех в достижении плановых показателей, назывались зазнайство, самоуспокоенность, боязнь

рисковать и нежелание использовать лучшее из мирового и отечественного опыта. В документах, не предназначенных для печати, содержались конкретные негативные примеры, звучала достаточно резкая и жесткая критика в адрес руководителей министерств, предприятий и ученых. Сформулирован вывод о том, что данные, которые содержатся в ранее не опубликованных документах, дают более точное представление о результатах реализации государственной научно-технической политики в исследуемый период и не позволяют оценить предпринятые властью мероприятия в сфере технического перевооружения производства в качестве оптимальных. На фоне высоких темпов экономического роста, значительных достижений в области науки и техники наблюдалось торможение модернизационных процессов. В недостаточной степени стимулировались изобретатели, медленно внедрялись результаты научно-исследовательских разработок. Утвержденные документы свидетельствуют о том, что власти пытались справиться с возникающими проблемами с помощью приказных методов, реорганизаций системы управления. Но доля ручного труда оставалась высокой. Это приводило к тому, что преимущества, достигнутые в какой-либо отрасли промышленности высокой механизацией отдельных процессов, в значительной мере терялись, а трудоемкость изделий продолжала оставаться высокой. В качестве важнейшего фактора торможения определена действующая в то время мобилизационная модель экономики, ориентирующая в первую очередь на достижение количественных плановых показателей. Кроме того, негативным образом сказался отказ от разработки единого общесоюзного плана внедрения новой техники, отсутствовал единый орган, обеспечивающий координацию научно-исследовательских работ и внедрение их результатов. Руководство страны в недостаточной степени оценивало значимость выпуска вычислительной техники, автоматизации и механизации производства.

Ключевые слова: научно-техническая политика, промышленность, внедрение, научно-исследовательские разработки, механизация, автоматизация, исторические источники.

Список литературы

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 8. Москва: Политиздат, 1985. 542 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 9. Москва: Политиздат, 1985. 574 с.

Кудров, В. М. Советская экономика. Проблемы переосмысления. Москва: Наука, 1997. 301 с.

Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом министров СССР 16–18 мая 1955 года. Стенографический отчет. Москва: Б. и., 1955, 169 с.

Ханин, Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль–XXI. 2002. № 5. С. 72–94.

Шестаков, В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов. Автореф. дис. ... док. ист. н. Москва: Б. и., 2006. 56 с.

Сведения об авторах

Бодрова Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет, Институт технологий управления, кафедра гуманитарных и социальных наук, заведующая кафедрой, г. Москва, Российская Федерация, 8-915-227-42-04, evbodrova@mail.ru

Калинов Вячеслав Викторович, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина, факультет гуманитарного образования, кафедра истории, заведующий кафедрой, г. Москва, Российская Федерация, 8-915-227-42-04, kafedra-i@andex.ru

В редакцию статья поступила 10.05.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-246-256

For citation

Bodrova, Elena V., Kalinov, Vyacheslav V. The state policy of the USSR in the field of introduction of achievements of science and technology in the mid–1950s (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 246–256. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-246-256.

Bodrova, Elena V. MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Kalinov, Vyacheslav V. National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Moscow, Russian Federation

The state policy of the USSR in the field of introduction of achievements of science and technology in the mid–1950s.

Abstract

Based on the study of currently available archival documents from the RGANI funds, the problem of the evolution of state policy in the field of the introduction

of science and technology in the USSR in the mid-1950s is investigated. The documents published at that time focused on speeding up the pace of the introduction of new technology, the best use of foreign samples, support for the movement of innovators and inventors, its scaling. A comparative analysis of the indicators of the USSR and the USA demonstrated the continuing technological lag of our country in a number of significant areas. Labor productivity remained relatively low. Arrogance, complacency, fear of taking risks and unwillingness to use the best of world and domestic experience were mentioned as factors determining the failure to achieve the targets. The documents that were not intended for publication contained specific negative examples, there was quite sharp and harsh criticism of the heads of ministries, enterprises and scientists. The conclusion is formulated that the data contained in previously unpublished documents give a more accurate idea of the results of the implementation of the state scientific and technical policy in the period under study and do not allow assessing the measures taken by the authorities in the field of technical re-equipment of production as optimal. Against the background of high rates of economic growth, significant achievements in the field of science and technology, there was a slowdown in modernization processes. Inventors were insufficiently stimulated, the results of research developments were slowly introduced. The approved documents indicate that the authorities tried to cope with the emerging problems with the help of command methods, reorganizations of the management system. But the share of manual labor remained high. This led to the fact that the advantages achieved in any industry by high mechanization of individual processes were largely lost, and the labor intensity of products continued to remain high. As the most important factor of inhibition, the current mobilization model of the economy was determined, focusing primarily on achieving quantitative targets. In addition, the rejection of the development of a unified all-Union plan for the introduction of new technology had a negative impact, there was no single body ensuring the coordination of research and implementation of their results. The country's leadership did not sufficiently assess the importance of the release of computer technology, automation and mechanization of production.

Keywords

Science and technology policy, industry, implementation, research and development, mechanization, automation, historical sources.

References

The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. Ed. 9. T. 8 (In Russ.). Moscow: Politizdat, 1985. 542 p.

The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. Izd. 9. T. 9 (In Russ.). Moscow: Politizdat, 1985. 574 p.

Kudrov, V. M. Soviet Economy. Problems of rethinking. (In Russ.). Moscow: Nauka, 1997. 301 p.

Materials of the All-Union Meeting of Industrial Workers Convened by the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, May 16–18, 1955. Stenographic report (In Russ.). Moscow: B. i., 1955, 169 p.

Khanin, G. I. Decade of the Triumph of the Soviet Economy. The Years of the Fifties (In Russ.). IN: *Svobodnaya mysl'–XXI*. 2002. № 5. Pp. 72–94.

Shestakov, V. A. Socio-economic policy of the Soviet state in the 1950s – mid-1960s. Avtoref. dis. (In Russ.). Moscow, 2006. 56 p.

About the authors

Bodrova Elena Vladimirovna, doctor of historical sciences, professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MIREA – Russian Technological University, Institute of Management Technology, Department of Humanities and Social Sciences, head of the department, Moscow, Russian Federation, +7-915-227-42-04, evbodrova@mail.ru

Kalinov Vyacheslav Viktorovich, doctor of historical sciences, associate professor, National University of Oil and Gas «Gubkin University», faculty of humanities education, department of history, head of the department, Moscow, Russian Federation, +7-915- 227-42-04, kafedra-i@andex.ru

The article was received in the editorial office on 10.05.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Scientific Publication of Archival Documents

Документальная публикация

УДК 93/94+930.23+930.253+930.255+651.5+651.93+091+002.2+002.6+303.01+303.025+303.029+303.032.4+303.092+303.832+303.443+32.019.5+323.22/.28+323.23+323.272+323.276+329.15+329.63+35.083+35.087+35.081.71

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-257-270

Для цитирования

Морозов, Д. В. «Все же не получилось великого содружества Ленина со Сталиным»: стенограмма совещания при дирекции Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) по обсуждению научной биографии В. И. Ленина 20 ноября 1940 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 257–270. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-257-270

Морозов, Д. В.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

«Все же не получилось великого содружества Ленина со Сталиным»: стенограмма совещания при дирекции Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) по обсуждению научной биографии В. И. Ленина 20 ноября 1940 г.

Советская историческая наука активно изучала жизнь и деятельность В. И. Ленина в течение всего периода своего существования. В то же время биографические тексты о самом вожде исследовались достаточно лакунарно. Первые жизнеописания В. И. Ленина обратили на себя внимание профессиональных ученых в 1960–1980-е гг. Советская историография¹ акцентировала свое внимание на источниковую базу исследований, их фактографическую точность, влияние

на авторов текстов о масштабах политической борьбы внутри РСДРП–РКП(б)–ВКП(б). Представители данного направления отмечают, что биографии В. И. Ленина и жизнеописания о героях революции в целом в первые два десятилетия после Октябрьской революции пока еще не соответствовали научным стандартам. Это было вызвано в ряде случаев узостью источниковой базы, а также недостаточным уровнем разработки жизни и деятельности вождя. Отличительной чертой данного направления является игнорирование проблемы влияния культа личности И. В. Сталина на тексты о В. И. Ленине, издаваемые в 1920–1950-е гг.

Постсоветская историография рассматривала тексты о В. И. Ленине, получившие неофициально название «Лениниана», в контексте становления и развития культа личности вождя в 1920–1950-е гг. Общим местом для исследователей стало утверждение о том, что биографии становятся инструментом целенаправленного конструирования культа личности, создания взаимосвязи между народными массами и советской властью, стремлением доступным образом объяснить официальную линию партии, минуя сложные для понимания марксистские законы социального развития. Но истоки культа личности оказываются различными. Ряд исследователей находят их в исторической традиции русской духовно-религиозной жизни². Другие историки рассматривают их в самой советской политической культуре 1920–1950-х гг.³, в рамках которой романтическое воодушевление исследователей создает благоприятный психологический фон для героизации деятелей революции⁴, третьи – в харизме В. И. Ленина, статус вождя которого подтвердился в результате свершения Октябрьской революции⁵. Данная публикация поможет осветить более подробно отдельные элементы конструирования биографии В. И. Ленина советской исторической наукой.

Весной 1934 г., после празднования шестьдесят четвертой годовщины со дня рождения В. И. Ленина, дирекция Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) поручила В. Г. Сорину, заведующему сектором научной биографии и издания работ В. И. Ленина института, одновременно и заместителю директора ИМЭЛ, написать биографию В. И. Ленина. Зна-

чально ему было поручено сделать это за несколько месяцев, но, оценив в дальнейшем масштаб работы, дирекция сформировала авторский коллектив из двенадцати человек. Реконструировать полностью список причастных к написанию этого труда научных сотрудников не представляется возможным, т. к. на всем протяжении разработки биографии и руководитель, и члены этого авторского коллектива менялись в зависимости от задач, которые ставились перед институтом.

Первоначальные планы института написать биографию в несколько месяцев были провалены: более того, текст биографии не был написан даже к 1938 г. – году издания «Краткого курса истории ВКП(б)» – после чего книга была полностью переписана в соответствии с новым учебником по истории партии. Дирекция ИМЭЛ видела причины этого срыва в слабом контроле за выполнением секторами и отдельными членами авторского коллектива плановых сроков, предусмотренных производственным графиком; в слабой трудовой дисциплине, все еще имеющей место в ряде решающих звеньев секторов; в недостаточно своевременной проверке исполнения и слабости оперативного контроля сверху до низу⁶. Но невыполнение плана не является особенностью авторского коллектива биографии или ИМЭЛ в целом – это «сущностная черта всего социалистического способа хозяйствования»⁷, – указывает исследователь В. Г. Мосолов.

В ходе совещания дирекции ИМЭЛ от 20 ноября 1940 г., на котором был впервые обсужден макет очерка, основной вопрос, привлечший к себе внимание, был связан с проблемой идейного содружества В. И. Ленина и И. В. Сталина. Научный сотрудник Д. А. Чугаев с сожалением отмечал во время заседания, что в биографии не получилось великого содружества Ленина со Сталиным. Стоит отметить, что его комментарии не касаются фактической или объективной стороны дела. Во время своего выступления он не выскажется о том, что какие-то факты и события совместной деятельности В. И. Ленина и И. В. Сталина не были раскрыты в тексте. В этом упрекнуть авторский коллектив невозможно.

Претензии Д. А. Чугаева состоят в оценках, в дедуктивных схемах, которые будут навязываться эмпирическому

материалу. И. В. Сталин, с его точки зрения, оказывается в подчиненном положении по отношению к В. И. Ленину. В области идейного развития ленинизма он говорит, что недостаточно, что В. И. Ленин высоко оценил работу И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», вместо этого надо было сказать, что И. В. Сталин и В. И. Ленин вместе разработали теорию марксизма по национальному вопросу, и в этой совместной работе показать, что Сталин вместе с Лениным разрабатывали вопросы ленинизма⁸. В области государственной деятельности следовало бы прямо провести ту мысль, что Ленин не решал без совета Сталина ни одного важнейшего государственного вопроса. Это было так, и эту сторону вопроса следовало бы показать, в военной – недостаточно указать, что В. И. Ленин посылает «творца важнейших стратегических планов на важнейшие фронты»⁹. Этого недостаточно, мало, он не только творец стратегических планов, но и великий полководец. Что здесь два великих полководца, два великих стратега и гения, осуществляющих, решающих все военные вопросы вместе, выполняющих боевые операции, а этого не видно. «Слитность, единство их военной деятельности дано здесь неярко»¹⁰. В области партийного строительства: «Здесь много фактов об организации Лениным и Сталиным большевистской партии, но не получается ясности, что Ленин и Сталин – организаторы партии, нет обобщений»¹¹.

На эти слова возразил И. А. Гладков. «Здесь я не согласен с тов. Чугаевым, мне кажется, что в биографии собран богатый материал, который характеризует идейное содружество Ленина и Сталина. Еще надо посидеть, подумать и улучшить эту сторону, но нигде, ни в одной работе лично я не встречал, чтобы так ярко и в таком полном объеме представлена была и эта сторона»¹². Здесь, с нашей точки зрения, заслуживает внимание слово «материал» – совокупность фактов и событий, которые имплицитно противопоставляются обобщениям и оценкам Д. А. Чугаева.

Директор ИМЭЛ М. Б. Митин завершает данный спор следующим образом. Он резюмирует, что обсуждаемый макет в действительности основан на богатой источниковой

базе, но авторскому коллективу, прежде всего, надо выдерживать главную задачу – «дать биографию Ленина»¹³. Таким образом, в этих словах мы можем найти своеобразный предел «сталинизации» текста, в рамках которого повествование о В. И. Ленине оставалось бы повествованием о нем же.

Стенограмма заседания дирекции ИМЭЛ от 20 ноября 1940 г. отложилась в составе фонда 71, описи 8, дела 1 Российского государственного архива социально-политической истории и является ценным источником для истории советской исторической науки¹⁴. Материалы остальных дискуссий, посвященных написанию биографии, помимо данного источника, на момент публикации источника остаются вне исследовательского поля: они либо пока не выявлены, либо не отложились. Документ является машинописным подлинником и публикуется в соответствии с современными правилами правописания, исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, публикуется с купюрами, исключены малозначительные с точки зрения обсуждаемых вопросов фрагменты текста.

№ 1

Стенограмма совещания при дирекции ИМЭЛ по биографии В. И. Ленина 20 ноября 1940 г.

Б. М. Волин¹⁵

Конечно, лучше было бы до начала этой работы или в середине ее обменяться мнениями, но лучше поздно, чем никогда. В работе над биографией участвовал ряд товарищей, но я буду излагать свои личные взгляды, как в процессе подготовки у меня складывалось представление о ней и как я старался по мере сил отразить его в тех главах, которые я писал сам, и в тех, которые мне приходилось приспособлять к своему пониманию биографии. <...> как я подходил к решению вопроса об идеях Ленина, об их развитии, об их изложении. Прежде всего приходится исходить здесь из «Краткого курса», из того изложения основных, важнейших работ Ленина, которое дано в «Кратком курсе». Но этим ограничиться в биографии Ленина нельзя. Мы здесь стали на путь более сокращенного изложения того, что есть в «Кратком курсе», но сверх того,

в связи с крупными ленинскими работами нам пришлось остановиться на целом ряде вопросов.

<...> нужно взять преимущественно те работы Ленина, о которых идет речь и в работах тов. Сталина, в «Кратком курсе», в «Основах ленинизма».

<...> Теперь второй вопрос – о содружестве. Он решался двояко. Во-первых, так, как мы решили его и в биографии тов. Сталина, старались привести все факты совместной деятельности Ленина и Сталина, факты, характеризующие поддержку Сталиным позиций Ленина. Во-вторых, и в этом отличие от прошлых биографий, я старался показать в ряде случаев, как Ленин обобщал опыт Закавказья, деятельность закавказских большевиков, руководимым Сталиным, и как он это обобщение клал в основу деятельности партии в целом. Ну, скажем, вопрос о строительстве партии, о борьбе с национальными тенденциями в строительстве партийной пролетарской организации, как Ленин учитывал опыт Кавказа как образец пролетарского интернационализма, не раз призывал следовать тому, как строилась эта организация под руководством тов. Сталина. Затем, как Ленин, вырабатывая тактику в революцию 1905 г., обобщил и опыт борьбы в Закавказье, где особенно острый характер приобрела борьба. Скажем, вопрос об организации крестьянских комитетов. Выдвинутый Лениным лозунг опирался на эту организацию. <...>

Д. А. Чугаев¹⁶

Первым существенным, большим недостатком биографии является, по-моему, то, что все же не получилось великого содружества Ленина со Сталиным. В биографии всюду показывается деятельность Сталина в такой форме, что Ленин давал Сталину самые важные поручения, Сталин их мастерски выполнял, Сталин всегда проводил ленинскую линию и поддерживал Ленина. Это правильно и безусловно нужно, но этого мало, не получается впечатления о совместной деятельности. Я возьму только четыре таких вопроса. Первый – о совместной разработке вопросов теории марксизма. Здесь не получается такого впечатления. Больше того, в частности, по национальному вопросу. Там, где речь идет о работе Сталина «Марксизм и национальный вопрос», сказано буквально

несколько слов: «Сталин написал работу “Марксизм и национальный вопрос”, Ленин высоко оценил ту работу». По-моему, не с этой стороны нужно было подходить; надо было сказать, что Сталин и Ленин вместе разработали теорию марксизма по национальному вопросу, и в этой совместной работе показать, что Сталин вместе с Лениным разрабатывали вопросы ленинизма, теоретически развивали в то время марксизм.

Второй вопрос – относительно государственной деятельности Ленина и Сталина. Тоже нет здесь ясной постановки вопроса. Здесь, по-моему, следовало бы прямо провести ту мысль, что Ленин не решал без совета Сталина ни одного важнейшего государственного вопроса. Это было так, и эту сторону вопроса следовало бы показать.

Третий момент – военная деятельность Ленина. Здесь фактов много из военной деятельности, но должного обобщения этих фактов тоже нет. В главе 11, на стр. 25 есть попытка обобщить, но недостаточная. Там сказано: «Ленин посылает творца важнейших стратегических планов на важнейшие фронты». Этого недостаточно, мало, он не только творец стратегических планов, но и великий полководец. Что здесь два великих полководца, два великих стратега и гения, осуществляющих, решающих все военные вопросы вместе, выполняющих боевые операции, этого не видно. Слитность, единство их военной деятельности дано здесь неярко.

Здесь много фактов об организации Лениным и Сталиным большевистской партии, но не получается ясности, что Ленин и Сталин – организаторы партии, нет обобщений.

И. А. Гладков¹⁷

Здесь я не согласен с тов. Чугаевым, мне кажется, что в биографии собран богатый материал, который характеризует идейное содружество Ленина и Сталина. Еще надо посидеть, подумать и улучшить эту сторону, но нигде, ни в одной работе лично я не встречал, чтобы так ярко и в таком полном объеме представлена была и эта сторона. Мне кажется, что таких обобщений, какие тов. Чугаев представляет себе, мы от биографии требовать не можем. Скажем, проблема кадров и теоретическое обобщение, тогда это будет не биография. Здесь совершенно правильно дано, как Ленин подбирал и воспитывал кадры

большевистской партии, кадры большевиков-ленинцев. На протяжении всей биографии показано, как Ленин собрал весь костяк нашей партии. Мне кажется, что это ценнее, чем если бы в одном абзаце где-нибудь было сказано о подборе, закалке и воспитании большевистских кадров. Тогда это была бы не биография, а журнальная статейка на тему о кадрах. <...>

М. Б. Митин¹⁸

В связи с некоторыми высказываниями, надо учесть и то, что это биография Ленина, а не краткая история партии. Ряд замечаний, которые делались здесь, надо учесть, но не сбиваться, помнить, что все должно быть сконцентрировано вокруг Ленина, правильно давать оценку исторической роли Ленина, марксистскую оценку. Затем, не сбиваться и на другое, – что это биография Ленина, а не биография тов. Сталина. Много очень интересных материалов и замечательных моментов, из которых видна совместная деятельность Ленина и Сталина. Их надо использовать, но надо выдержать задачу – дать биографию Ленина. <...>

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 8. Д. 1. Л. 80–120.

Примечания

¹ Баженов, В. В. Из истории разработки научной биографии В. И. Ленина (1917 г. – середина 30-х годов XX в.) // История и историки: историографический ежегодник. 1974. Москва: Наука, 1976. С. 35–61; Баженов, В. В. Биографические исследования в советской историографии: 1917 – середина 1930-х гг. // Исторические записки. Т. 98. Москва: Академия наук СССР, 1977. С. 238–256; Иллерицкая, Н. В. Разработка Ем. Ярославским биографии В. И. Ленина // История и историки: историографический ежегодник. 1981. Москва: Наука, 1985. С. 165–184; Михайлова, Н. М. Работа М. С. Ольминского над биографией В. И. Ленина и его литературным наследием // История и историки: историографический ежегодник. 1979. Москва: Наука, 1982. С. 162–176; Савицкая, Р. М. Разработка научной биографии В. И. Ленина // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 3–19.

² Тумаркин, Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. С. 14.

³ Великанова, О. В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177–185.

⁴ Сидорова, Л. А. Миф в советской исторической науке: генерационный аспект // Преподаватель. XXI век. 2019. № 1–2. С. 295–296.

⁵ Эннкер, Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 391–393.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 1. Д. 25. Л. 96–97.

⁷ Мосолов, В. Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. Москва: Новый хронограф, 2010. С. 224.

⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 8. Д. 1. Л. 95.

⁹ Там же. Л. 96.

¹⁰ Там же. Л. 96.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 108.

¹³ Там же. Л. 116.

¹⁴ Труд, который обсуждался на совещании при дирекции ИМЭЛ по биографии В. И. Ленина 20 ноября 1940 г., опубликован: Ленин Владимир Ильич: краткий очерк жизни и деятельности / Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б). Москва: Госполитиздат, 1942. 297 с.

¹⁵ Волин, Борис Михайлович (1886–1957), руководитель авторского коллектива биографии В. И. Ленина, научный сотрудник ИМЭЛ, главный редактор «Исторического журнала».

¹⁶ Чугаев, Дмитрий Агеевич (1899–1973), старший научный сотрудник ИМЭЛ.

¹⁷ Гладков, Иван Андреевич (1904–1980), заведующий отделом произведений В. И. Ленина ИМЭЛ.

¹⁸ Митин, Марк Борисович (1901–1987), директор ИМЭЛ, главный редактор журнала «Под знаменем марксизма».

Аннотация

Публикация вводит в научный оборот с незначительными сокращениями стенограмму заседания дирекции Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) от 20 ноября 1940 г. Публикуемый источник принадлежит к проблемному полю истории исторической науки на рубеже 1930–1940-х гг. Отраженное в документе заседание стало одним из немногих известных нам «обменов мнениями» внутри института о ходе разработки научной биографии В. И. Ленина. Документ

дополняет сюжеты, связанные с формированием культа личности И. В. Сталина и его пределами в советской исторической науке; дает понимание того, каким должен предстать образ профессионального революционера; отражает технические нюансы, накладывавшие объективные ограничения на авторский коллектив в ходе написания биографии В. И. Ленина. Создатели текста оказались в определенных идеологических рамках: они были обязаны не только выстраивать обозреваемые ленинские произведения, ориентируясь на «Краткий курс истории ВКП(б)», но и конструировать содружество между В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Простого сходства личных качеств и описания совместной деятельности двух вождей оказывается недостаточно для одного из историков революции, что приводит на заседании дирекции ИМЭЛ к спору о том, в чем заключается идейное содружество между двумя профессиональными революционерами. Достаточно ли для выстраивания исторического нарратива о «великом содружестве» между двумя вождями простого факта совместной деятельности или же интеграция образов двух политиков должна происходить на ином, более качественном уровне? Ответ на этот вопрос одновременно ставит и своеобразный предел «сталинизации» советской исторической науки. Источник выявлен в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в ф. 71, описи 8, дела 1. Документ является машинописным подлинником и публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. В тексте исправлены очевидные недочеты и немногочисленные ошибки. Сведения об упоминаемых в источнике лицах даны в подстрочном примечании. Важное значение имеет предваряющий публикацию комментарий, актуализирующий данный источник. Источник публикуется с купюрами: вырезаны мало значительные с точки зрения обсуждаемых вопросов фрагменты текста.

Ключевые слова: В. И. Ленин, Институт Маркса–Энгельса–Ленина, биография, Ленин Владимир Ильич: краткий очерк жизни и деятельности, «Краткий курс истории ВКП(б)».

Список литературы

Баженов, В. В. Биографические исследования в советской историографии: 1917 – середина 1930-х гг. // Исторические записки. Т. 98. Москва: Наука, 1977. С. 238–256.

Баженов, В. В. Из истории разработки научной биографии В. И. Ленина: 1917 г. – середина 30-х годов XX в. // История и историки: историографический ежегодник. 1974. Москва: Наука, 1976. С. 35–61.

Великанова, О. В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177–185.

Ленин Владимир Ильич: краткий очерк жизни и деятельности / Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б). Москва: Госполитиздат, 1942. 297 с.

Иллерицкая, Н. В. Разработка Ем. Ярославским биографии В. И. Ленина // История и историки: историографический ежегодник. 1981. Москва: Наука, 1985. С. 165–184.

Михайлова, Н. М. Работа М. С. Ольминского над биографией В. И. Ленина и его литературным наследием // История и историки: историографический ежегодник. 1979. Москва: Наука, 1982. С. 162–176.

Мосолов, В. Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. Москва: Новый хронограф, 2010. 600 с.

Савицкая, Р. М. Разработка научной биографии В. И. Ленина // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 3–19.

Сидорова, Л. А. Миф в советской исторической науке: генерационный аспект // Преподаватель. XXI век. С. 288–297.

Тумаркин, Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.

Эннкер, Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. Москва: РОССПЭН, 2011. 437 с.

Сведения об авторах

Морозов Дмитрий Владимирович, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории и теории исторической науки, аспирант, Москва, Российская Федерация, 8-916-360-28-50, lzedmitryi@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-1798-8752

Сведения о грантах

Работа выполнена в рамках проекта Российского государственного гуманитарного университета «Интеллектуальная биография в исследованиях молодых историков» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

В редакцию статья поступила 31.08.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-257-270

For citation

Morozov, Dmitry V. “Still, the great collaboration between Lenin and Stalin did not work out”: transcript of the meeting at the Directorate of the Marx-Engels-Lenin Institute (IMEL) to discuss the scientific biography of V. I. Lenin. I. Lenin on November 20, 1940. (In Russ). IN: *Vestnik Archivista / Herald of an Archivist*, 2024, no. 1, pp. 257–270. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-257-270

Morozov, Dmitry V., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

“Still, the great collaboration between Lenin and Stalin did not work out”: transcript of the meeting at the Directorate of the Marx-Engels-Lenin Institute (IMEL) to discuss the scientific biography of V. I. Lenin. I. Lenin on November 20, 1940.

Abstract

The purpose of this publication is to introduce into scientific circulation the transcript of the meeting of the Directorate of the Marx Engels Lenin Institute (IMEL) dated November 20, 1940. The published source belongs to the problematic field of the history of historical science at the turn of the 1930s-1940s. The meeting reflected in the document became one of the few known to us “exchanges of views” within the institute on the development of the author’s team of the biography of V.I. Lenin. The document complements the plots related to the functioning of the cult of personality of I.V. Stalin and its limits in Soviet historical science; gives an understanding of how the image of a professional revolutionary should appear; reflects the technical nuances that imposed objective restrictions on the author’s team during the writing of the biography of V.I. Lenin. The creators of the text found themselves in a certain ideological framework: they were obliged to build the reviewed Lenin’s works, focusing on the “Short Course of the history of the CPSU (b)”. Separate text inserts and quotations of V.I. Lenin in the text of the biography were subject to the same kind of adjustments. The construction of the image of the leader from the point of view of his human qualities posed a large number of questions to the team of authors concerning the image of a professional revolutionary. How should one comprehend the theoretical heritage of the leader and how to combine it with practice? How should the portrait of V.I. Lenin be given? Is it worth showing the personality through everyday details (through a description of his rest, attitude to nature, etc.) or is it quite possible to limit yourself to showing high culture in the work and modesty of the leader? And is it necessary to set such a goal

at all? Ultimately, during the discussion that unfolded during the meeting of the IMEL directorate, the team of authors decided to focus mainly on the political activities of V.I. Lenin, limiting themselves to only rare references to the personal life of a professional revolutionary. The source was identified in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) in f. 71. The document is a typewritten original and is published in accordance with modern rules of spelling and punctuation. Obvious shortcomings and a few errors have been corrected in the text. Information about the persons and scientific works mentioned in the source is given in the footnote. An important pre-publication comment updating this source is important. The source is published with banknotes: plots that are insignificant from the point of view of the issues discussed are cut out.

Keywords

V. I. Lenin, Institute of Marx–Engels–Lenin, biography, Lenin Vladimir Ilyich: A brief sketch of life and activity, A short course in the history of the VKP(b)

References

Bazhenov, B. V. Biographical studies in Soviet historiography: 1917 – mid-1930s (In Russ.). IN: Historical Notes. T. 98. (In Russ.). Moscow: Nauka publ., 1977, pp. 238–256.

Bazhenov, B. V. From the history of the development of scientific biography of V. I. Lenin: 1917. I. Lenin: 1917. – mid 30-ies of the XX century (In Russ.). IN: History and historians: historiographic yearbook. 1974 (In Russ.). Moscow: Nauka publ., 1976, pp. 35–61.

Velikanova, O. V. The image of Lenin in the mass consciousness (In Russ.). IN: Otechestvennaya istoriya. 1994, № 2, pp. 177–185.

Lenin Vladimir Ilyich: A Brief Sketch of Life and Work / Marx-Engels-Lenin Institute at the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks(b) (In Russ.). Moscow Gospolitizdat publ., 1942. 297 p.

Illeritskaya, N. V. Development of Em. Yaroslavsky biography of B. I. Lenin (In Russ.). IN: History and historians: historiographical yearbook. 1981. Moscow: Nauka publ., 1985, pp. 165–184.

Mikhailova, N. M. S. Olminsky's work on the biography of V. I. Lenin and his literary heritage (In Russ.). IN: History and historians: historiographical yearbook. 1979. Moscow: Nauka publ., 1982, pp. 162–176.

Mosolov, V. G. IMEL – citadel of party orthodoxy: from the history of the Institute of Marxism-Leninism at the CPSU Central Committee, 1921 – 1956 (In Russ.). Moscow: Novy Khronograph publ., 2010. 600 p.

Savitskaya, R. M. Development of scientific biography of V. I. Lenin. I. Lenin (In Russ.). IN: Questions of History. 1971. № 4, pp. 3–19.

Savitskaya, R. M. Development of scientific biography of V. I. Lenin. I. Lenin (In Russ.). IN: Questions of History. 1971. № 4, pp. 3–19.

Sidorova, L. A. Myth in the Soviet historical science: generational aspect (In Russ.). IN: Teachers XXI century, pp. 288–297.

Tumarkin, N. Lenin is alive! The Cult of Lenin in Soviet Russia (In Russ.). St. Petersburg: Humanitarian Agency Academic Project publ., 1999. 285 p.

Ennker, B. Formation of Lenin's Cult in the Soviet Union (In Russ.). Moscow: ROSSPEN publ., 2011, 437 p.

About the authors

Morozov Dmitry Vladimirovich, Russian State University for the Humanities, Institute of History and Archives, Faculty of History, Department of History and Theory of Historical Science, PhD student, Moscow, Russian Federation, 8-916-360-28-50, lzedmitryi@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-1798-8752

Information about grants

The work was carried out within the framework of the Russian State University for the Humanities project “Intellectual biography in the research of young historians” (competition “Student project research teams of RSUH”).

The article was received in the editorial office on 31.08.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Документальная публикация

УДК 93/94+930.253+553.495+553.498+54-79+930.23+651.5+62-05+629.039.58+662.2.022+662.6/.9+544.452+662.857.5

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-271-283

Для цитирования

Михеев, М. В., Бедель, А. Э. Специфика кадрового комплектования советского акционерного общества «Висмут»: материалы переписки аппарата Первого главного управления при Совете министров СССР и парторганизаций Свердловского обкома ВКП(б) в 1949 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 271–283. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-271-283

Михеев, М. В., Бедель, А. Э.

Институт истории и археологии Уральского отделения

Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Специфика кадрового комплектования советского акционерного общества «Висмут»: материалы переписки аппарата Первого главного управления при Совете министров СССР и парторганизаций Свердловского обкома ВКП(б) в 1949 г.

В Центре документации общественных организаций Свердловской области отложились фрагменты переписки заместителя начальника Первого главного управления (ПГУ) при Совете министров СССР П. Я. Мешика с секретарями свердловских областного и городского комитетов ВКП(б) о мобилизации на работу коммунистов, преимущественно инженерно-технических специальностей, с опытом работы в геологоразведке и горнорудной промышленности. Как следует из источника, эта работа велась в соответствии с Постановлением Совмина СССР от 26 марта 1949 г. «Об обеспечении руководящими и инженерно-техническими кадрами [советского] акционерного общества «Висмут» в Германии»¹.

ПГУ являлось исполнительным органом атомного проекта, подчинявшимся Специальному комитету. Последний был учрежден 20 августа 1945 г. при Государственном комитете

обороны (позднее при Совнаркоме, Совмине СССР) под председательством Л. П. Берии. Спецкомитет был наделен чрезвычайными полномочиями по привлечению любых ресурсов, имевшихся в распоряжении правительства СССР, к работам по атомному проекту. Одним из первоочередных условий его реализации стало развитие сырьевой базы атомной промышленности.

В ПГУ из системы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) осенью 1945 г. передавались действующие и создающиеся предприятия по добыче и переработке ураносодержащих руд². В последнем случае, наряду с развитием отечественной сырьевой базы урана, проводились широкомасштабные работы по поиску и разведке урановых месторождений в странах Восточной Европы, в первую очередь в советской зоне оккупации Германии. В 1945 г. Советский Союз получил по репарациям старые полиметаллические рудники и обогатительные фабрики в районе рудных гор Саксонии. Постановлением Совмина СССР от 10 мая 1947 г. на базе Саксонского горного управления было образовано отделение советского акционерного общества «Висмут», которое развернуло интенсивные работы по поиску и добыче урана³.

Для работы на урановых рудниках «Висмута» отбирались как наиболее опытные инженерно-технические работники угольной и горнорудной промышленности СССР, так и молодые инженеры, окончившие горные вузы Москвы, Ленинграда, Свердловска, Алма-Аты, Днепропетровска, Томска⁴. К сентябрю 1949 г. на предприятиях советского акционерного общества «Висмут» работало 140 119 человек, из них 3 386 советских граждан⁵. Максимальное количество мобилизованных на предприятия советских работников было достигнуто в 1951 г., составив 10 952 человека⁶.

Настоящая подборка документов относится к одному из эпизодов такой мобилизации на территории Свердловской области весной – осенью 1949 г. Набор специалистов в систему атомного проекта СССР носил как персонифицированный, так и массовый характер. В первом случае речь шла о привлечении к атомным разработкам выдающихся ученых, крупных управленцев, ведущих конструкторов. Как правило,

решения по таким назначениям принимались индивидуально по каждому специалисту на основании представления ПГУ и утверждались Секретариатом ЦК ВКП(б).

Второй вариант предполагал массовый набор на предприятия ПГУ инженерно-технических работников нижнего и среднего звена, рабочих и обслуживающего персонала. Преимущественно он осуществлялся по количественным разрядам, спускавшимся в региональные партийные комитеты⁷. Подбор кандидатов был жестким, центр требовал положительных характеристик, «чистых» анкет, хороших рекомендаций по месту работы.

Публикуемый материал связан именно со вторым, массовым, отбором работников горной промышленности и геологоразведки, который был поручен Свердловскому обкому ВКП(б) весной 1949 г. Из документов следует, что по запросу обкома 10 мая 1949 г. Свердловский горком ВКП(б) рекомендовал для работы на предприятиях ПГУ за границей 13 человек, среди которых был младший научный сотрудник республиканского в Свердловске Восточного научно-исследовательского института топливоиспользования (ВНИИТ) Глеб Николаевич Сунцов (документы № 1, 2, 3). Осенью 1949 г. целесообразность работы Г. Н. Сунцова за границей была поставлена ПГУ под сомнение в связи с отдельными фактами, отмеченными в его партийной характеристике по основному месту работы. Соответствующий запрос за подписью заместителя начальника ПГУ П. Я. Мешика был направлен в горком (документ № 3). Рассмотрев партийную характеристику заново (документ № 4), Свердловский горком отозвал ранее данные Г. Н. Сунцову рекомендации для работы за границей (документ № 5). Формальными причинами стали его «инертность в общественно-политической жизни и отсутствие желания и настойчивости в повышении своего политического уровня [...], недооценка [важности подписки на облигации государственного] займа, невыполнение отдельных поручений парторганизации института».

Несмотря на первоначально кажущуюся малозначимость произошедшего, мы полагаем, что случай инженера Г. Н. Сунцова достоин внимания исследователей. И персонифицированные,

и массовые наборы в ПГУ регулярно сталкивались с попытками сопротивления, а иногда и прямого саботажа как рекрутируемых работников, так и организаций-доноров. В случае массовых наборов, исследователем Н. В. Мельниковой приводятся такие уловки направляемых специалистов, как невыезд к новому месту работы, поиск высокой протекции, уничтожение документов и т. д.⁸

Уместно предположить, что внесение незначительных отрицательных черт в целом положительную характеристику Г. Н. Сунцова стало своеобразным приемом, позволившим руководству ВНИИТ сохранить ценного, перспективного молодого сотрудника. Самого же Г. Н. Сунцова это избавило от перехода на новое, неизвестное место работы.

Отмеченные обстоятельства делают публикуемые материалы переписки аппарата ПГУ и организаций Свердловского обкома ценным источником по истории как советского атомного проекта вообще, так и комплектования его кадрами в особенности.

№ 1

Письмо секретарю Свердловского горкома ВКП(б) И. Ф. Красножёнову⁹ об утверждении рекомендаций специалистов свердловских организаций, направляемых на предприятия Первого главного управления при Совете министров СССР за рубежом

г. Свердловск

7 мая 1949 г.

Прошу срочно утвердить на бюро горкома ВКП(б) и дать рекомендации для посылки на работу за границу на поименованных в прилагаемом списке товарищей¹⁰.

Решение бюро срочно вышлите в [Свердловский] обком ВКП(б).

Секретарь [Свердловского] обкома ВКП(б)

[В. М.] Шестаков¹¹

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 161. Оп. 15. Д. 369. Л. 109. Машинописный подлинник. Подпись автограф.

№ 2

Список коммунистов свердловских организаций, рекомендованных для работы на предприятиях Первого главного управления при Совете министров СССР за рубежом, с указанием их места работы, должности и специальности¹²

1. Локтев Александр Петрович, [Свердловский] обком ВКП(б), инструктор, горный инженер.

2. Анчугов Матвей Иванович, Уральский геофизический трест, нач[альник] п[роизводственно-]т[ехнического] о[тдела], инженер-геофиз[ик].

3. Сунцов Глеб Николаевич, Восточ[ный] научно-исследователь[ьский] институт топливоиспользов[ания], мл[адший] научный сотрудник, инж[енер] хим[ико]-пирогенных процессов.

4. Молоков Алексей Игнатьевич, трест «Уралруда», ст[арший] инженер, горн[ый] инж[енер].

5. Русский Изот Исакович, Уральский горный округ, зам[еститель] начальника [округа], горный инженер.

6. Спасский Алексей Александрович, трест «Углегеология», гл[авный] инженер экспедиции, горн[ый] инжен[ер]-геолог.

7. Кирсанов Василий Иванович, УТС¹³ строи[тельного] управления, гл[авный] инженер, инженер-строитель.

8. Качалов Герман Ефимович, [трест] «Уралшахтопроект», инженер проекта, горный инженер-эл[ектро]механик.

9. Швечихин Михаил Ильич, У[ральский] н[аучно-]и[сследовательский и] про[ектный институт] мед[ной промышленности], горн[ый] инженер.

10. Симанов Александр Иванович, У[ральский] ф[илиал] А[кадемии] н[аук СССР], мл[адший] научный сотрудник, инженер-геолог.

11. Козлов Аркадий Александрович, трест «Уралруда», инженер-маркшейдер.

12. Кузнецов Николай Руфович, Г[осударственный] и[нститут по] про[ектированию] предприятий горно[рудной] промышленности], Свердловск, ст[арший] инженер, инженер-строитель.

13. Цимбаленко Михаил Николаевич, У[ральский] ф[илиал] А[кадемии] н[аук СССР], мл[адший] научный сотрудник, инженер-геолог.

Одиннадцать выписок получил, инструктор ЦК ВКП(б) Сенцов, 18.5.[19]49¹⁴.

ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 15. Д. 369. Л. 110–110а. Машинописный подлинник.

№ 3

Письмо заместителя начальника Первого главного управления при Совете министров СССР П. Я. Мешика секретарю Свердловского горкома ВКП(б). И. Ф. Красножёнову о повторной проверке характеристики на сотрудника Восточного научно-исследовательского института топливоиспользования Г. Н. Сунцова

г. Москва

8 октября 1949 г.

Первым главным управлением при Совете министров СССР, в счет решения Совета министров СССР от 26 марта 1949 г.¹⁵, на работу за границу оформляется младший [научный] сотрудник В[осточного] н[аучно]-и[сследовательского] и[нститута топливоиспользования] тов[оварищ] Сунцов Глеб Николаевич, член ВКП(б) с 1945 г.

Решением Свердловского г[ородского] к[омитета] ВКП(б) от 10 мая 1949 г. тов[арищ] Сунцов Г. Н. рекомендуется для работы за границей.

В характеристике, выданной директором В[осточного] н[аучно]-и[сследовательского] и[нститута топливоиспользования] тов[арищем] Чарушкиным и секретарем парторганизации [института] тов[арищем] Карповой, тов[арищ] Сунцов Г. Н. характеризуется отрицательно.

Так, например: «К недостаткам инженера Сунцова следует отнести инертность в общественно-политической жизни и отсутствие желания и настойчивости в повышении своего политического уровня, что приводит его иногда к неправильной оценке тех или иных мероприятий, как, например, недооценка [важности подписки на облигации государственного]

займа, невыполнение отдельных поручений парторганизации института».

В связи с этим прошу Вас проверить данные, изложенные в характеристике тов[арища] Сунцова, и сообщить нам о целесообразности командирования его на работу за границу.
П. [Я.] Мешик¹⁶

ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 15. Д. 369. Л. 274. Машинописный подлинник.
Подпись автограф.

№ 4

Выписка из протокола партбюро Восточного научно-исследовательского института топливоиспользования о характеристике на члена ВКП(б) Г. Н. Сунцова

г. Свердловск

22 октября 1949 г.

Присутствовало 7 человек.

1. Слушали: О характеристике на члена ВКП(б) тов[арища] Сунцова Глеба Николаевича, по запросу Свердловского горкома ВКП(б).

Постановили: Утвердить следующую характеристику на члена ВКП(б) – инженера Сунцова Глеба Николаевича.

Инженер Сунцов Глеб Николаевич рождения 1915 г. Из семьи служащего, член ВКП(б) с апреля 1945 г., работает в газогенераторной лаборатории Восточного научно-исследовательского института топливоиспользования М[инистерства] м[еталлургической] п[ромышленности] с 20 февраля 1946 г. в должности младшего научного сотрудника.

За период трехлетней работы в институте инж[енер] Сунцов Г. Н. проявил себя как дисциплинированный и вдумчивый производственник, имеющий достаточную квалификацию для помощника руководителя работы.

За это время инж[енер] Сунцов Г. Н. работал как помощник руководителя в ряде серьезных тем, проводимых лабораторией, в частности по кислородной газификации и по реконструкции газогенераторов заводов [треста] «Главуралмета».

За одну из работ инж[енер] Сунцов Г. Н. приказом министра от 22 апреля 1947 года награжден значком «Отличник

сосоревнования черной металлургии» и премирован месячным окладом.

К недостаткам инж[енера] Сунцова Г. Н. следует отнести инертность в общественно-политической жизни и отсутствие желания и настойчивости в повышении своего политического уровня, что приводит его иногда к неправильной оценке тех или иных мероприятий, как, например, недооценка [важности подписки на облигации государственного] займа, невыполнение отдельных поручений парторганизации института. Эти недостатки являлись предметом обсуждения партсобраний, партбюро института, где обращалось [внимание] т[оварища] Сунцова Г. Н. на их устранение. Видимо, это можно отнести на счет некоторой незрелости его как коммуниста, требующей дальнейшей с ним работы и должного внимания в этой части к нему со стороны парторганизации.

Выписка верна: Янецкий

ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 15. Д. 369. Л. 273. Машинописный подлинник. Подпись автограф.

№ 5

Письмо секретаря Свердловского горкома ВКП(б) И. Ф. Красножёнова заместителю начальника ПГУ П. Я. Мешику об отзыве рекомендации на работу за рубежом сотрудника Восточного научно-исследовательского института топливоиспользования Г. Н. Сунцова

г. Свердловск

12 ноября 1949 г.

Свердловский городской комитет ВКП(б) просит Вас воздержаться от посылки для работы за границей ранее рекомендованного нами тов[арища] Сунцова Глеба Николаевича – младшего [научного] сотрудника В[осточного] н[аучно]-и[сследовательского] и[нститута топливоиспользования].

Секретарь городского комитета ВКП(б)

[И. Ф.] Красножёнов

ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 15. Д. 369. Л. 272. Машинописный подлинник. Подпись автограф.

Примечания

¹ Атомный проект СССР / Под ред. Л. Д. Рябева. Т. 2. Кн. 4. Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2003. С. 274, 275.

² Подробнее см.: Артёмов, Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. Москва: РОССПЭН, 2017. С. 92–96.

³ Чесноков, Н. И. Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы. Москва: Информ-Знание, 1998. С. 10–11.

⁴ Андреев, Г. Г. Уран для мира. История СГАО «Висмут», 1945–1990. Москва: б. и., 2013. С. 45.

⁵ Атомный проект СССР. Указ. соч. Т. 2. Кн. 4. С. 704.

⁶ Андреев, Г. Г. Указ. соч. С. 45.

⁷ Подробнее см.: Мельникова, Н. В. Советский атомный проект: опыт кадрового комплектования. Москва: РОССПЭН, 2022. С. 54–93.

⁸ Там же. С. 64, 72. Ibid., pp. 64, 72.

⁹ Красножён Иван Федотович – второй секретарь Свердловского горкома ВКП(б) в 1949–1950 гг.

¹⁰ См.: документ № 2.

¹¹ Шестаков Всеволод Матвеевич – второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б) в 1948–1950 гг.

¹² Опущены сведения о номерах партийных билетов и территориальной принадлежности к райкомам Свердловского горкома ВКП(б).

¹³ УТС – аббревиатуру расшифровать не удалось, возможно, учебно-тренировочная станция.

¹⁴ Одиннадцать выписок получил, инструктор ЦК ВКП(б) Сенцов 18.5.49, – написано от руки чернилами.

¹⁵ Постановление № 1251–441 «Об обеспечении руководящими и инженерно-техническими кадрами акционерного общества “Висмут” в Германии».

¹⁶ Мешик Павел Яковлевич – генерал-лейтенант госбезопасности. В 1945–1953 гг. – заместитель начальника Первого главного управления (ПГУ), отвечал за подбор кадров, обеспечение охраны и режима секретности предприятий и организаций, участвующих в атомном проекте. Участник испытания первой советской атомной бомбы. В июле 1953 г. арестован и приговорен к расстрелу Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР.

Аннотация

Публикация вводит в научный оборот материалы переписки заместителя начальника Первого главного управления (ПГУ, исполнительный

орган советского атомного проекта) при Совете министров СССР П. Я. Мешика с организациями Свердловского обкома ВКП(б) по вопросу подбора кадров для работы за границей. Анализ содержащихся в документах отсылок на известные исследователям постановления Совмина позволил установить, что набор осуществлялся для укомплектования штатов расположенного в Германии советского акционерного общества «Висмут» горными инженерами и специалистами в области геологоразведки. Подведомственные обществу предприятия занимались поиском и разработкой урановых месторождений в советской зоне оккупации Германии. Формирование сырьевой базы по добыче и переработке ураносодержащих руд осуществлялось для реализации советской программы по созданию ядерного оружия во второй половине 1940-х гг. Из соображений государственной секретности, исследователи до сих пор существенно ограничены в доступе к архивным документам по истории атомного проекта. В этой связи введение в научный оборот новых исторических источников, связанных с реализацией проекта, уже представляется в достаточной степени актуальной и востребованной научной задачей для профессионального сообщества. В данном случае речь идет о подборке из пяти документов, отложившихся в материалах фонда Свердловского горкома ВКП(б) Центра документации общественных организаций Свердловской области, связанных с массовым набором работников горной промышленности и геологоразведки, который, в интересах атомного проекта, был поручен Свердловскому обкому ВКП(б) весной 1949 г. По указанию обкома Свердловским горкомом на основе партийно-производственных характеристик был отобран ряд необходимых специалистов, а Первое главное управление приступило к оформлению их на работу за границу. Осенью 1949 г. из ПГУ пришел запрос о целесообразности такого перевода для одного из отобранных специалистов. Сомнения были вызваны незначительными изъятиями, указанными в целом положительной характеристике. Реагируя на запрос, горком отозвал свое решение. Введение в научный оборот выявленной подборки обусловлено двумя причинами. Во-первых, она на низовом этапе фиксирует систему набора кадров в советский атомный проект, малоизученную вплоть до настоящего времени. Во-вторых, на гипотетическом уровне ее можно рассматривать как иллюстрацию одного из механизмов уклонения от мобилизации в систему атомного проекта, пугавшую многих специалистов своей неизвестностью.

Ключевые слова: исторические источники, архивные документы, советский атомный проект, кадровые мобилизации, уклонения от моби-

лизаций, П. Я. Мешик, Средний Урал, Восточная Германия, геологоразведка, добыча урана, поздний сталинизм 1945–1953 гг.

Список литературы

Андреев, Г. Г. Уран для мира. История СГАО «Висмут», 1945–1990. Москва: б. и., 2013. 416 с.

Артёмов, Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. Москва: РОССПЭН, 2017. 343 с.

Мельникова, Н. В. Советский атомный проект: опыт кадрового комплектования. Москва: РОССПЭН, 2022. С. 390.

Чесноков, Н. И. Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы. Москва: Информ-Знание, 1998. 236 с.

Сведения об авторах

Михеев Михаил Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, центр методологии и историографии, старший научный сотрудник, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-967-909-61-25, mikheeviiiiauroran@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8097-4953

Бедель Александр Эмануилович, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, центр экономической истории, старший научный сотрудник, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-912-287-93-13, bedel54@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6091-913X

В редакцию статья поступила 27.04.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-271-283

For citation

Mikheev, M. V., Bedel, A. E. Specifics of staffing of the Soviet joint-stock company “Vismut”: materials of correspondence between the apparatus of the First Main Directorate under the Council of Ministers of the USSR and party organizations of the Sverdlovsk Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks(b) in 1949 (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 271–283. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-271-283

Mikheev, Mikhail V., Bedel, Alexander E., Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

Specifics of Staffing of the Soviet Joint Stock Company “Wismut”: Correspondence of the Apparatus of the First Main Directorate under the Council of Ministers of the USSR and the Sverdlovsk Regional Committee of the AUCP (B) Party Organizations in 1949

Abstract

The publication introduces into scientific use correspondence of the deputy head of the First Main Directorate (PGU, executing agency of the Soviet nuclear project) under the Council of Ministers of the USSR P. Ya. Meshik with the party organizations of the Sverdlovsk Regional Committee of the AUCP (B) on the issue of recruitment for work abroad. The analysis of references to the resolutions of the Council of Ministers known to researchers establishes that the Soviet Joint-Stock Company “Wismut” located in Germany recruited mining engineers and specialists in the field of geological exploration. Its subordinates were engaged in search and development of uranium deposits in the Soviet zone of occupation of Germany. A raw material base for extraction and processing of uranium-containing ores was formed for implementation of the Soviet nuclear weapons program in the second half of the 1940s. For reasons of state secrecy, researchers are still significantly limited in access to archival documents on the history of the nuclear project. Thus, introduction into scientific use of new historical sources related to the project implementation already seems sufficiently relevant and high-demand scientific task. In this case, it is a selection of five documents deposited in the materials of the Sverdlovsk City Committee of the AUCP (B) Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region associated with the mass recruitment of mining and exploration workers entrusted to the Sverdlovsk Regional Committee of the AUCP (B) in spring of 1949 in the interests of the nuclear project. At the direction of the Regional Committee (obkom), the Sverdlovsk City Committee selected a number of necessary specialists, and the First Main Directorate began their registration for work abroad. In the autumn of 1949, a request came from the PGU about expediency of such transfer for one of the selected specialists. Doubts were caused by minor flaws indicated in his generally positive characteristic. Responding to the request, the city committee withdrew its decision. The introduction of the identified documents collection into scientific use is due to two reasons. Firstly, at the grassroots stage, it fixes the recruitment system for the Soviet

nuclear project, which has been little studied up to date. Secondly, on a hypothetical level, it can be considered an illustration of a mechanism of evasion from mobilization into the atomic project system, which frightened many specialists with its obscurity.

Keywords

Historical sources, archival sources, Soviet nuclear project, personnel mobilizations, evasion of mobilizations, P. Ya. Meshik, Middle Urals, East Germany, geological survey, uranium mining, late Stalinism (1945–53).

References

Andreev, G. G. Uran dlya mira. Istoriya SGAO “Vismut” (In Russ.). Moscow, 2013, 416 p.

Artyomov, E. T. Atomic project in the coordinates of the Stalinist economy (In Russ.). Moscow, ROSSPEN publ., 2017, 343 p.

Melnikova, N. V. Soviet nuclear project: Recruitment experience (In Russ.). Moscow, ROSSPEN publ., 2022, 390 p.

CHesnokov, N. I. Creation and development of the uranium mining industry in the countries of Eastern Europe (In Russ.). Moscow, Inform-Znanie publ., 1998, 236 p.

About the authors

Mikheev Mikhail V., PhD in History, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, center for methodology and historiography, senior researcher, Yekaterinburg, Russian Federation, +7-967-909-61-25, mikheeviiiiauroran@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8097-4953

Bedel Alexander E., PhD in History, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, economic history center, senior researcher, Yekaterinburg, Russian Federation, +7-912-287-93-13, bedel54@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6091-913X

The article was received in the editorial office on 27.04.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

МУЗЕЙНЫЕ И АРХИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Museum and Archival Collections

Научная статья

УДК 93/94+17.023.36+394.23+930.25+651.5+009+316.6+111.84+111.85+308+304+304.2+304.444+364.01+364.022+364.023+364.025.4+364.025.24+303.025+303.029+377.2+392.7+394.014+394.26+792.08+791.7+791.9+636.047+798.9

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-284-294

Для цитирования

Синова, И. В. Документы по регламентации детского труда в сфере зрелищ и увеселений конца XIX века. На архивных материалах Санкт-Петербурга // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 284–294. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-284-294

Синова, И. В.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Документы по регламентации детского труда в сфере зрелищ и увеселений конца XIX века. На архивных материалах Санкт-Петербурга

Правовое регулирование труда подростков, начатое в Российской империи в 1845 г., хоть и носило формальный характер и далеко не во всех губерниях и не на всех предприятиях действовало в соответствии с принятым законом, но документ послужил отправной точкой формирования и развития законодательства о труде малолетних и несовершеннолетних¹. Начиная с 1882 г. регламентация условий труда детей осуществлялась по разным отраслям промышленности, а также ремесленным мастерским².

Социальные условия жизни и бедность трудящегося населения вынуждали детей начинать зарабатывать на жизнь еще в раннем возрасте не только на промышленных предприятиях, в мастерских и в лавках, но также в сфере зрелищ и увеселений, включая цирк, кафе-шантаны и другие заведения для

проведения досуга. Данная область во второй половине XIX в. не была охвачена правовым регулированием из-за незначительного числа людей, занятых в ней, и, как следствие, находилась вне пристального внимания со стороны государства и общественности, что позволяло делать работавших в ней детей и подростков объектом эксплуатации и виктимизации. Рассматриваемая узкая сфера является в научном отношении лакуной, которая практически не затронута в работах ни советских, ни современных ученых, хотя ее исследование способствует формированию целостной картины труда детей и подростков, что и делает публикацию актуальной.

Территориальные рамки статьи ограничены Санкт-Петербургом, а хронологические – относятся ко второй половине 1890-х гг., к периоду, с которым связаны исследуемые документы, когда градоначальник столицы с подачи общественности обратил внимание не только на контроль за трудом детей и подростков в промышленности и ремесленных мастерских, но и в сфере зрелищ и увеселений.

Специалисты и представители гражданского общества исследовали условия труда малолетних рабочих на фабриках, заводах и в ремесленных мастерских³. В периодической печати конца XIX в. был опубликован ряд статей по вопросам виктимизации и эксплуатации детей в сфере зрелищ⁴. У советских ученых востребованными и актуальными проблемами для изучения являлись правовое регулирование и условия труда детей и подростков исключительно на фабриках и заводах⁵. Современные российские ученые проявляют интерес к данному исследовательскому полю преимущественно через призму законодательного регулирования трудовой деятельности несовершеннолетних в промышленности, обходя вниманием комплекс социальных, экономических проблем, вопросы охраны, гигиены труда и травматизма⁶. При этом сфера зрелищ и увеселений остается за рамками научных интересов не столько по причине отсутствия массовых нарушений в данной области, сколько из-за недостаточности исторических источников, отражающих подобные сюжеты, в связи с их латентностью. Поэтому любые документы, содержащие факты, позволяющие расширить знания и представления о трудовой деятельности детей

в развлекательных заведениях, представляют несомненный интерес для специалистов и впервые вводятся в научный оборот.

Извлечение прибыли из труда малолетних в сфере зрелищ и увеселений достигло значительных масштабов во второй половине XIX в. Данная форма эксплуатации сопровождалась зачастую жестокостями по отношению к детям. Публицисты в статьях писали, что на фабриках и в ремесленных заведениях детей сажают за станки гораздо позже по возрасту, чем они начинают работать на канате и трапедии⁷.

В письме от 25 августа 1896 г. в фонде Канцелярии Петроградского градоначальника Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), подписанном инициалами Т.ф.Ш., автор просит из «человеколюбивых побуждений» обратить внимание «на безобразия, творящиеся на открытых сценах наших увеселительных садов. Сейчас мы были свидетелями, как в зоологическом саду при 3-х градусах тепла и холодном ветре шла феерия «Синяя борода» при участии многочисленного балета из дам и детей в одних трико с обнаженными руками и грудью. Они неизбежно обречены на гибельные заблуждения. Не достаточно ли у нас и без того тифов и чахотки? Неужели нельзя воспретить подобную бессовестную эксплуатацию бедности и труда, не разрешая проводить представления при температуре ниже 10 градусов»⁸.

В свою очередь канцелярия градоначальника не оставила без внимания данное письмо, вероятно, автор был знаком главе города, и 4 сентября 1896 г. обратилась к инспектору Санкт-Петербургского столичного врачебного управления с просьбой дать заключение о возможном участии детей в цирке и на сцене без вреда для их здоровья и физического развития. И если это возможно, то «с какого предельного возраста детям обоего пола могло бы быть разрешаемо участие в таковых представлениях»⁹.

Инспектор с большой заинтересованностью и заботой о подрастающем поколении ответил на запрос. В письме градоначальнику от 17 сентября 1896 г. было обращено внимание на вредные последствия для здоровья и правильного развития, которые может повлечь активное участие детей в акробатических и других подобных сценических представлениях «чем возраст их моложе, здоровье слабее, и тем большего напряжения

сил требуют эти упражнения <...>, в возрасте от 12 до 16 лет происходят самые важные изменения как в росте скелета, так и в развитии более важных для жизни внутренних органов»¹⁰.

На основании знания анатомии и физиологии ребенка инспектор высказывает тактичное, но смелое пожелание о том, «чтобы дети ранее 16 лет вовсе не допускались к активному участию в акробатических представлениях на сцене. Если закон не позволяет, чтобы дети моложе 14 лет, а в некоторых случаях и 16 лет, были допускаемы на фабриках и заводах к работе, <...> то справедливым применить этот закон во всей этой силе к малолетним акробатам»¹¹. И уже совсем смело звучит пожелание инспектора врачебного управления о правовом регулировании возрастных ограничений, что свидетельствует о его равнодушии к судьбам и здоровью детей. Апеллируя к отсутствию в законодательстве указаний на предельный возраст, начиная с которого дети могли быть допущены к активному участию в публичных акробатических представлениях, и условий, при котором это участие могло быть, он видит единственную и полезную меру для ограждения их жизни и здоровья в издании распоряжения, согласно которому необходимо ввести «предварительное освидетельствование их телосложения и состояния здоровья чрез Полицейских врачей»¹². На документе стоит неразборчивая подпись инспектора. В целом данный документ отличает гуманистический подход и стремление защитить интересы детей, а также повлиять на принятие решения в их пользу.

После получения экспертного мнения из врачебного управления канцелярия градоначальника 28 сентября 1896 г. направила циркуляр полицмейстерам и приставам, в котором им вменялось в обязанность: «Предупредить предпринимателей, что активное участие в акробатических представлениях детей и подростков может быть допускаемо не иначе как под условием полного физического здоровья молодых акробатов и безусловного устранения всех упражнений, превышающих их телесные силы»¹³.

Согласно распоряжению, полицейские чины должны были также докладывать градоначальнику о «публичных зрелищах, сопряженных с очевидною опасностью для жизни исполнителей и потому производящих удручающее впечатление на зрителей»¹⁴.

Но оно скорее было направлено не на эффективное решение существовавшей проблемы, а на формальное снижение озабоченности по этому поводу представителей гражданского общества. В правовом акте не указан возраст детей, которые могут участвовать в акробатических представлениях, не конкретизируется, что подразумевается под «активным участием» в них, не предполагаются меры воздействия на предпринимателей, которые нарушат данное распоряжение. Все действия приставов были сведены только к наблюдению и докладу градоначальнику. А такие меры вряд ли могли привести не только к искоренению эксплуатации, но даже к каким-либо изменениям в данной сфере.

О продолжавшихся нарушениях свидетельствуют публикации, раскрывавшие факты виктимизации и жестокой эксплуатации детей, наносившей вред их здоровью в сфере зрелищ и увеселений, в частности, в газете «Жизнь и искусство» и журнале «Трудовая помощь» в конце 1890-х гг.

Вместе с тем три приведенных в статье письма позволяют исследователям, во-первых, ознакомиться с фактами, свидетельствовавшими о формах эксплуатации детей в сфере развлечений. Во-вторых, узнать о неравнодушных представителях гражданского общества, которые обращают внимание на детские проблемы. В-третьих, проследить правовую и бюрократическую систему рассмотрения подобных обращений. Документы данного архивного дела являются свидетельством о принятых мерах по конкретному обращению. При этом с момента письма к градоначальнику с 25 августа 1896 г. до издания им циркуляра 28 сентября прошло немногим более месяца. Для российской бюрократической системы – это являлось примером оперативно принятого решения, что позволяет предположить актуальность данной проблемы и ее общественный резонанс. Регламентация использования детского труда у акробатов, в цирках и у антрепренеров происходила не на общегосударственном уровне, а только на региональном, вероятно в связи с тем, что данная сфера составляла незначительную долю детского труда, зато факты нанесения ущерба здоровью детей, становясь достоянием общественности, вызывали широкое обсуждение и осуждение.

Примечания

¹ Закон от 7 августа 1845 г. «О воспреещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» // ПСЗРИ (1825–1881). Т. XX (1845). Ч. I. № 19262.

² Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» // ПСЗ РИ (1881–1913). Т. II (1882). № 931; Сборник постановлений о малолетних рабочих на заводах, фабриках и в других промышленных заведениях. Санкт-Петербург: Хрулёв и Животовский, 1885. 52 с.; Устав ремесленный. Издание 1879 г. Санкт-Петербург: Типография 2-го отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1879. 58 с.

³ Андреев, Е. Н. Работа малолетних в России и Западной Европе. Вып. 1. Санкт-Петербург. 1884. 240 с.; Балабанов, М. С. Наши законы о защите детского труда. Общедоступное практическое руководство. Киев: Лига защиты детства, 1915. 89 с.; Гольцев, В. Надзор за работой малолетних на русских фабриках // Детская помощь. 1885. № 3. С. 142–156.; Мацкевич, В. Г. Программа к вопросу об исследовании в мастерских работ относительно влияния последних на детский организм для более точного руководства при отдаче детей в мастерские. Доклад IV Отделению русского Общества охранения Народного здоровья 31 марта 1900 года. Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 8 с.

⁴ Астров, П. Дети подмостков. К вопросу о регламентации детского труда в области зрелищ и увеселений // Трудовая помощь. 1899. № 6. С. 22–42; Астров, П. Маленькие акробаты // Трудовая помощь. 1898. № 8. С. 152–158.

⁵ Гессен, В. Ю. Труд детей и подростков в России с XVII века до Октябрьской революции. Т. 1. Москва; Ленинград: Печатный двор, 1927. 267 с.; Татаров, И. Закон 1-го июня 1882 года о труде малолетних // Комсомольская летопись. 1926. № 3. С. 66–95.

⁶ Боренштейн, А. Л., Ташбекова, И. Ю. Правовое регулирование промышленного труда детей в России в конце XIX – начале XX века. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2010. С. 139; Старостин, В. А. Продолжительность рабочего времени несовершеннолетних лиц в России в XIX веке // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 251–258; Старостин, В. А. Детский труд в России в XIX веке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. Т. 6 (72). 2020. № 1. С. 128–137; Шкодинский, С. В., Волков, В. В. Труд женщин и детей в Императорской России в конце XIX – начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 2. С. 38–45; Сайфуллина, Н. А.,

Степаненко, Е. Е. Историко-правовой анализ нормативного регулирования труда несовершеннолетних работников с середины XIX до начала XX века // Новый юридический вестник. 2019. № 1 (8). С. 33–37.

⁷ Астров, П. Дети подмошков. К вопросу о регламентации детского труда в области зрелищ и увеселений // Трудовая помощь. 1899. № 6. С. 31.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 11. Д. 1215. Л. 2–2 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 6–6 об.

¹² Там же. Л. 6 об.

¹³ Там же. Л. 8–8 об.

¹⁴ Там же.

Аннотация

Статья посвящена исследованию переписки, находящейся в фондохранилище Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Она связана с действиями канцелярии столичного градоначальника, направленными на предотвращение эксплуатации, и заботой о здоровье и физическом состоянии детей, которые зарабатывали на жизнь в сфере, связанной с развлечениями и увеселениями. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью письменных источников, отражающих подобные сюжеты, в связи с их ограниченностью и латентностью, а также необходимостью ликвидации имеющейся в исторической науке лакуны, для создания целостной картины труда несовершеннолетних во второй половине XIX в. как в правовом поле, так и в социально-экономической сфере. Целью данной статьи является анализ ранее неопубликованных писем, отражающих использование детского труда в сфере зрелищ и увеселений. Хронологические рамки статьи относятся ко второй половине 1890-х гг., когда были написаны данные письма и издан локальный законодательный акт. В ходе исследования был применен системный метод, который способствовал раскрытию процедуры решения вопроса о регламентации труда детей в увеселительных заведениях, инициированного представителем гражданского общества. Новизна исследования связана с введением впервые в научный оборот документов, которые являются редкими в части их содержания и представляют собой законченную переписку по решению конкретной проблемы по использованию труда несовершеннолетних в сфере развлечений с точки зрения их эксплуатации и виктимизации, а также наносимого ущерба здоровью. Документы позволяют на примере конкретного обращения гражданина проследить механизм и сроки

реагирования на него канцелярии градоначальника, а также сделать выводы об актуальности поднятой в письме проблемы и предпринимаемых мер. В статье показано, что глава города обратился за экспертным мнением и заключением в столичное врачебное управление по вопросу, связанному с нанесением вреда здоровью детей при их участии в акробатических и других сценических представлениях. Рассмотренная переписка свидетельствует, что распоряжение градоначальника о регламентации детского труда было принято с учетом заключения инспектора о вредных последствиях для жизни, здоровья и правильного физического развития подростков до 16 лет, которые влекут их участие в публичных акробатических представлениях. В целом документы данного архивного дела являются репрезентативными, что позволило сделать выводы о процедуре регламентации детского труда и эффективности предпринимаемых мер.

Ключевые слова: дети, труд малолетних, виктимизация и эксплуатация детей, дети подмошток, врачебное управление.

Список литературы

Андреев, Е. Н. Работа малолетних в России и Западной Европе. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1884. 240 с.

Астров, П. Дети подмошток. К вопросу о регламентации детского труда в области зрелищ и увеселений // Трудовая помощь. 1899. № 6. С. 22–42.

Астров, П. Маленькие акробаты // Трудовая помощь. 1898. № 8. С. 152–158.

Балабанов, М. С. Наши законы о защите детского труда. Общедоступное практическое руководство. Киев: Лига защиты детства, 1915. 89 с.

Боренштейн, А. Л., Ташбекова, И. Ю. Правовое регулирование промышленного труда детей в России в конце XIX – начале XX века. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2010. С. 139.

Гессен, В. Ю. Труд детей и подростков в России с XVII века до Октябрьской революции. Т. 1. Москва; Ленинград: Печатный двор, 1927. 267 с.

Гольцев, В. Надзор за работой малолетних на русских фабриках // Детская помощь. 1885. № 3. С. 142–156.

Мацкевич, В. Г. Программа к вопросу об исследовании в мастерских работ относительно влияния последних на детский организм для более точного руководства при отдаче детей в мастерские. Доклад IV Отделению русского Общества охранения Народного здоровья 31 марта 1900 года. Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 8 с.

Сайфуллина, Н. А., Степаненко, Е. Е. Историко-правовой анализ нормативного регулирования труда несовершеннолетних работников с середины XIX до начала XX века // Новый юридический вестник. 2019. № 1 (8). С. 33–37.

Старостин, В. А. Детский труд в России в XIX веке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия:

Философия. Политология. Культурология. Т. 6 (72). 2020. № 1. С. 128–137.

Старостин, В. А. Продолжительность рабочего времени несовершеннолетних лиц в России в XIX веке // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 251–258.

Татаров, И. Закон 1-го июня 1882 года о труде малолетних // Комсомольская летопись. 1926. № 3. С. 66–95.

Шкодинский, С. В., Волков, В. В. Труд женщин и детей в Императорской России в конце XIX – начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 2. С. 38–45.

Сведения об авторах

Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, научно-образовательный центр краеведческих исследований, старший научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, +7-911-250-32-03, s-irina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9109-2980

Сведения о грантах

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-18-00421. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

В редакцию статья поступила 04.08.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-284-294

For citation

Sinova Irina V., Documents on the regulation of child labor in the sphere of entertainment and amusement at the end of the XIX century. On archival materials of St. Petersburg (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 284–294. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-284-294

Sinova Irina V., Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation

Documents on the regulation of child labor in the sphere of entertainment and amusement at the end of the XIX century. On archival materials of St. Petersburg

Abstract

Based on four documents stored in the Central State Historical Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb), the article traces the procedure for issuing an

order by the mayor of the capital related to the restriction of exploitation and health protection of working children. The relevance of the study is due to the lack of written sources reflecting such stories. It is also linked to their limitations and latency and, at the same time, to the need to address the historical lacuna, to create a holistic picture of underage labour, both in the legal field and in the socio-economic sphere. Therefore, the article aims to analyze previously unpublished letters reflecting the use of child labour in entertainment. The chronological framework is related to the 1890s., when these letters were written and a local legislative act was issued. The system method has been applied, which contributed to the disclosure of the procedure for resolving the issue of regulation of children's work in entertainment establishments initiated by representative of civil society. Documents used are rare in terms of content and represent completed correspondence to address the specific problem of employment in the area of recreation, minors are exploited and victimized, as well as harmed. The documents allow, using the example of a specific citizen's appeal, to trace the mechanism and timing of the response to it of the mayor's office. The article shows that the head of the city appealed for expert opinion and opinion to the capital's medical department on the issue of harm to the health of children with their participation in acrobatic and other stage performances. The correspondence reviewed in the article indicates that the order of the mayor on the regulation of child labor was adopted taking into account the inspector's conclusion about the harmful consequences for the life, health and proper physical development of adolescents under 16 years of age, which entail their participation in public acrobatic performances. In general, the documents of this archival case are representative. This made it possible to do conclusions on the procedure for regulating child labor and efficiency measures being taken.

Keywords

Children, juvenile labor, victimization and exploitation of children, stage children, medical management.

References

- Andreev, E. N. The work of minors in Russia and Western Europe (In Russ.). Vyp. 1. St. Petersburg, 1884, 240 p.
- Astrov, P. Children of scaffolding. To the question of the regulation of child labor in the field of entertainment and amusements. (In Russ.). IN: Labor Aid. 1899. № 6. Pp. 22–42.
- Astrov, P. Little acrobats. (In Russ.). IN: Labor help. 1898. № 8, pp. 152–158.
- Balabanov, M. S. Our laws on the protection of child labor. Publicly available practical guide (In Russ.). Kiev: League for the Protection of Childhood publ., 1915, 89 p.

Borenstein, A. L., Tashbekova, I. Y. Legal Regulation of Industrial Labor of Children in Russia in the late XIX – early XX century (In Russ.). Kursk: South-West State University publ., 2010, pp. 139.

Gessen, V. Y. Labor of children and adolescents in Russia from the XVII century to the October Revolution (In Russ.). T. 1. Moscow; Leningrad: Pechatny dvor publ., 1927, 267 p.

Goltsev, V. Supervision over the work of minors in Russian factories (In Russ.). IN: Children's Aid. 1885. № 3, pp. 142–156.

Matzkevich, V. G. Program to the question about the study of work in workshops regarding the influence of the latter on children's organism for more accurate guidance in giving children to workshops. Report to the IV Department of the Russian Society for the Protection of Public Health on March 31, 1900 (In Russ.). St. Petersburg: Tip. P. P. Soykin publ., 1900, 8 p.

Sayfullina, N. A., Stepanenko, E. E. Historical and legal analysis of the normative regulation of the labor of underage workers from the middle of XIX to the beginning of XX century (In Russ.). IN: New legal bulletin. 2019. № 1 (8), pp. 33–37.

Starostin, V. A. Child labor in Russia in the XIX century (In Russ.). IN: Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Series: Philosophy. Political science. Cultural Studies. T. 6 (72). 2020. № 1, pp. 128–137.

Starostin, V. A. Duration of working time of minors in Russia in the XIX century (In Russ.). IN: Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 2 (127). С. 251–258.

Tatarov, I. Law of June 1, 1882 on the labor of minors (In Russ.). IN: Komsomolskaya letopis. 1926. № 3, pp. 66–95.

Shkodinsky, S. V., Volkov, V. V. Labor of women and children in Imperial Russia in the late XIX – early XX centuries (In Russ.). IN: Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Economics. 2021. № 2, pp. 38–45.

About authors

Sinova Irina V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, A. S. Pushkin Leningrad State University, Scientific and Educational Center for Local History Studies, Senior Researcher, St. Petersburg, Russian Federation, +7-911-250-32-03, s-irina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9109-2980

Grant information

The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00421, Electronic resource. Access mode: <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

The article was received in the editorial office on 04.08.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ФОНДОВ И КОЛЛЕКЦИЙ

Archival Fonds and Collections Synopsis

Научная статья

УДК 93/94+930.253+651.5+17.023.36+930.255+930.24+303.02+303.4.02+303.688+303.5+314.6+314.9+331.1+338.23+331.5+334.7+69.001.6+69.003.13

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-295-304

Для цитирования

Павлюкевич, Р. В., Северьянов, М. Д., Элтеко, Ю. В. Краевые архивные источники по истории молодого города на примере Дивногорска Красноярского края // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 295–304. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-295-304

Павлюкевич, Р. В.

Красноярский государственный аграрный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация

Северьянов, М. Д., Элтеко, Ю. В.

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация

Краевые архивные источники по истории молодого города на примере Дивногорска Красноярского края

Дивногорск Красноярского края, отметивший в 2023 г. 60 лет со дня основания, представляет собой один из наиболее типичных молодых городов СССР. Термин «молодые города» появляется в 1960–1970-е гг. одновременно с целой серией подобных ему на всей территории РСФСР. Дивногорск был задуман и построен для обеспечения нужд Красноярской гидроэлектростанции. Город изначально вошел в состав Красноярской агломерации. Многие краеведы, описывая его историю, преимущественно основывались на материалах Дивногорского городского архива, коллекция которого достаточно обширна,

но в то же время не способна дать полной комплексной картины развития молодого города в условиях индустриальной модернизации. Дивногорск привлекал особое внимание краевых властей в связи со значимостью ГЭС для развития экономики Красноярского края. По этой причине в краевом архиве сложился достаточно крупный корпус документов, посвященных Дивногорску, многие из которых еще не введены в научный оборот.

Историография Дивногорска, как и проблема малых молодых городов, имеет свои особенности. Большинство работ по Дивногорску представлены работами демографов и урбанистов, среди исторических трудов следует также отметить ряд работ. Так, новосибирская исследовательница Н. В. Гонина в статье анализирует демографическую динамику в малых исторических и молодых индустриальных городах, в частности, Братске и Дивногорске¹. В работе Н. А. Ипполитовой проанализированы основные результаты динамики численности населения малых городов в регионах Восточной Сибири за более чем 30-летний период². В работе Е. К. Захарченко на примере ряда малых молодых городов, в том числе и Дивногорска, показаны процессы территориальных преобразований малых городов Центральной Сибири во второй половине XX в.³ Основная часть работ, посвященных Дивногорску, представляет собой преимущественно краеведческие труды, в частности работа И. Г. Федорова, посвященная воспоминаниям горожан о Великой Отечественной войне⁴. В работе Р. С. Лопаткиной рассматривается отражение истории Дивногорска в советской художественной литературе⁵.

Отправной точкой в истории малого молодого города Дивногорска выступает 1956 г., когда было утверждено место для сооружения Красноярской ГЭС. В 1957 г. поселок Скит, находившийся на этом месте, был переименован в Дивногорск, а в 1963 г. он стал городом. Корпус документов по истории Дивногорска рассредоточен по нескольким десяткам фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Их условно можно разделить на две группы: фонды первой группы преимущественно представляют собой документы партийных и советских организаций и учреждений, расположенных в Дивногорске. В коллекции ГАКК хранится два с половиной десятка данных фондов.

Центральное место занимает фонд П-6628 Дивногорского городского комитета КПСС⁶. Это самый крупный фонд ГАКК, содержащий материалы, исключительно связанные с Дивногорском и его окрестностями. В фонде хранится 2 450 дел, распределенных по 37 описям. Он включает в себя дела за 36 лет: с 1955 по 1991 г. Внушительный размер фонда обусловлен ролью коммунистической партии в СССР. Документы представлены протоколами заседаний партийной организации, анкетами и справками о ее работе. На протяжении своей истории население Дивногорска было относительно небольшим. Так, пик населения в советское время приходится на 1989 г. (29 963 жителя). Заседания горкома КПСС Дивногорска проходили в достаточно живой, если не сказать, почти домашней обстановке. В протоколах отражены многочисленные как позитивные, так и негативные аспекты жизни города, когда поведение отдельной семьи или даже человека могли стать основой отдельного разбирательства. В документах фонда отражены различные аспекты социально-экономического развития города.

Схожую структуру и содержание имеют фонды различных партийных организаций предприятий и учреждений Дивногорска⁷. Это небольшие фонды, состоящие из одной описи, включающей в среднем по 20 дел. Данные документы позволяют погрузиться в отдельные аспекты жизни города. Каждую из первичных партийных организаций, помимо протокольных вопросов, интересовали проблемы своей отрасли. Материалы организаций ГЭС позволяют проанализировать отдельные аспекты жизни и деятельности ее трудовых коллективов, материалы партийных организаций учебных заведений дают ключ к пониманию системы образования города. К этой же группе документов относятся материалы фондов комсомольских организаций Дивногорска⁸, что позволяет реконструировать жизнь молодежи. Они особенно актуальны в связи с тем, что основной характеристикой Дивногорска долгое время выступал термин «молодой город». На протяжении большей части своего советского этапа истории население города было относительно молодое, особенно на фоне других городов Красноярского края.

Вторая группа рассматриваемого корпуса документов включает фонды документов государственных учреждений

Красноярского края, в которых отражены отдельные аспекты истории Дивногорска, в первую очередь следует выделить фонд Р-2309 – Управление строительства «Красноярскгэсстрой». Организация появилась в Красноярском крае в 1955 г., когда было создано специализированное строительно-монтажное Управление строительства Красноярской гидроэлектростанции в г. Красноярске. В 1963 г. управление было перенесено в Дивногорск. Анализ материалов фонда дает возможность рассмотреть логику развития хозяйственной жизни Дивногорска: отражены проекты и обоснования строительства красноярского судоподъемника, завода низковольтной аппаратуры, заводов и объектов строительной индустрии, собственной производственной базы. Находят отражение и вопросы развития жилищно-коммунального хозяйства Дивногорска, а также превращения города в один из рекреационных центров Красноярского края⁹.

В основе советской экономики лежали плановые принципы управления. В этих условиях плановые комиссии выступали в роли главного рычага управления социально-экономическими процессами. Документы и материалы Красноярской плановой комиссии объединены в фонде Р-1478 – Министерство экономики и регионального развития Красноярского края. В делах фонда достаточно полно отражены особенности развития Дивногорска в советскую и постсоветскую эпоху¹⁰. Информация по городу преимущественно сосредоточена в третьей описи фонда, содержащего дела с 1930 по 2011 г. В документах встречаются проекты развития отдельных территорий, в том числе и г. Дивногорска, что позволяет проследить, как представляли развитие города местное и центральное руководство, определить основные направления развития городской инфраструктуры. Вместе с плановой документацией в фонде представлены и многочисленные отчеты, затрагивающие различные аспекты жизни Дивногорска: от развития местной системы жилищного хозяйства до расходов и доходов населения.

Еще одним фондом Государственного архива Красноярского края, содержащим документы и материалы по развитию Дивногорска, является фонд Р-1300 – Территориально-го органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю¹¹. Фонд Крайстата является одним

из крупнейших в коллекции ГАКК, в первую очередь следует выделить дела седьмой и восьмой описей. Седьмая опись содержит материалы общесоюзных и общероссийских переписей начиная с 1959 по 2010 г., включая результаты описей по Дивногорску. Восьмая содержит материалы по естественному движению населения Красноярского края, но здесь следует заметить одну сложность: Дивногорск как отдельная категория в рамках дел данного фонда не всегда отражен. В одни годы он присутствует самостоятельно, и исследователь может получить данные по количеству рождений, смертей, заключенных браков и разводов по городу. В другие годы данные по Дивногорску включены в дела по Красноярску, а в третьем случае Красноярск дан отдельно от Дивногорска, население которого причислено к городскому населению столицы края.

Основной же группой описей фонда Р-1300 выступают документы, находящиеся в случайном порядке, без особой тематики, но в рамках хронологии. Для изучения Дивногорска представляют интерес материалы второй описи (содержит дела за 1948–1970 гг.) и пятой (дела за 1971–2011 гг.). Здесь представлена разнообразнейшая информация по социально-экономическому развитию Красноярского края, в том числе и его поселений. Среди дел следует выделить ежегодные отчеты предприятий Дивногорска, отчеты по движению населения, материалы по бюджету, развитию системы ЖКХ, строительству и условиям жизни горожан.

Дивногорск, являясь типичным молодым городом СССР, имел и достаточно сильные отличия от других малых городов Красноярского края. Он был городом новой волны индустриализации Сибири, его значение для развития народно-хозяйственного комплекса было значительным. Будучи городом, обслуживающим ГЭС, он становится центром экономического освоения региона в 1970–1980-х гг. Такая специфика не могла не отразиться на содержании материалов по Дивногорску, хранящихся в краевых архивах, где образовался крупный и структурно сложный корпус документов по истории города. Материалы коллекции Государственного архива Красноярского края в совокупности с материалами Дивногорского городского архива позволяют осуществить комплексное исследование истории Дивногорска в его связи с социально-экономической

системой края, понять логику развития города, его особенности и общие закономерности относительно развития других подобных населенных пунктов Красноярского края.

Примечания

¹ Гонина, Н. В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4. С. 129–142.

² Ипполитова, Н. А. Пространственная динамика численности населения малых городов сибирских регионов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2023. № 1. С. 70–78.

³ Захарченко, Е. К. Этапы территориальных преобразований малых городов Центральной Сибири во второй половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 46–55.

⁴ Фёдоров, И. Г. Дети в прозе войны – это мы: воспоминания дивногорцев. Красноярск: Папирус, 2020. 320 с.

⁵ Лопаткина, Р. С. Отражение в советской художественной литературе истории малых территорий и популяций на примере города Дивногорска // Гришаевские чтения. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. С. 163–166.

⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-6628.

⁷ Там же. Ф. П-6870. Ф. П-6871. Ф. П-6872. Ф. П-6873. Ф. П-7300. Ф. П-7476. Ф. П-7690. Ф. П-7692. Ф. П-7694. Ф. П-7696. Ф. П-7697. Ф. П-7698. Ф. П-7699. Ф. П-7700.

⁸ Там же. Ф. П-7773. Ф. П-7774.

⁹ Там же. Ф. Р-2309.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1478.

¹¹ Там же. Ф. Р-1300.

Аннотация

В статье представлен обзор корпуса документов Государственного архива Красноярского края, связанных с историей Дивногорска. Город был основан властями как обслуживающее Красноярскую ГЭС поселение в 1963 г. Дивногорск является одним из многих молодых индустриальных малых городов, возникших в СССР в ходе очередного витка индустриальной модернизации. Его особенностью выступала тесная связь с краевым центром. Дивногорск является частью Красноярской агломерации. В связи с высокой

ролью города в экономических планах и проектах развития Красноярского края, история города отражена не только в городском архиве, но и в значительной степени в документах из коллекции краевого архива, значительная часть которых еще не введена в научный оборот. Корпус документов, связанных с Дивногорском, достаточно сложен и хаотичен, он представлен не одним каким-либо конкретным фондом, но часто включен в другие фонды и дела. Все материалы, посвященные городу, можно условно разделить на две группы. Во-первых, это фонды, полностью посвященные и связанные с Дивногорском и предприятиями, находящимися в нем. Это преимущественно коллекции партийных и советских организаций Дивногорска. Благодаря тому, что город был относительно небольшим поселением, в этих материалах отражены данные по различным аспектам жизни и развития малого индустриального города Сибири. В данную группу вошли фонды Дивногорского городского комитета КПСС, первичных партийных организаций учреждений Дивногорска (строительного, автотранспортного управления, исполкома горсовета, горкома, завода низковольтной аппаратуры, жилищно-коммунальной конторы, суда и прокуратуры, а также образовательных учреждений города), фонды комсомольских организаций города, органов государственного и партийного контроля. Во-вторых, это общекраевые фонды, в отдельных делах которых находится информация о социально-экономическом развитии городского поселения. Во вторую группу вошли фонды Управления строительства «Красноярскгэсстрой», Красноярской краевой плановой комиссии, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. Использование коллекций краевых архивов позволяет осуществить комплексное исследование такого явления, как молодые города СССР. Их изучение поможет лучше понять особенности индустриальной модернизации советской промышленности во второй половине XX в. Анализ корпуса документов, связанных с Дивногорском, Государственного архива Красноярского края дает возможность понять закономерности отложения документов по истории молодых городов советского периода в архивах, что способствует дальнейшему поиску материалов для изучения актуальных тем.

Ключевые слова: молодой город, малый город, урбанистика, архивные фонды, Красноярская ГЭС, гидроэлектростанция, исторические источники.

Список литературы

Гонина, Н. В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4. С. 129–142.

Захарченко, Е. К. Этапы территориальных преобразований малых городов Центральной Сибири во второй половине XX в. // Вестник Томско-

го государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 46–55.

Ишполитова, Н. А. Пространственная динамика численности населения малых городов сибирских регионов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2023. № 1. С. 70–78.

Лопаткина, Р. С. Отражение в советской художественной литературе истории малых территорий и популяций на примере города Дивногорска // Гришаевские чтения. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. С. 163–166.

Фёдоров, И. Г. Дети в прозе войны – это мы: воспоминания дивногорцев. Красноярск: Папирус, 2020. 320 с.

Сведения об авторах

Павлюкевич Руслан Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, Красноярский государственный аграрный университет, кафедра истории и политологии, доцент, Сибирский федеральный университет, кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций, доцент, г. Красноярск, Российская Федерация, 8-902-914-06-18, autocrator@yandex.ru

Северьянов Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций, профессор, г. Красноярск, Российская Федерация, 8-902-918-79-90, severyanova@mail.ru

Элтеко Юлия Викторовна, Сибирский федеральный университет, кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций, ассистент, г. Красноярск, Российская Федерация, 8-999-443-50-30, Yelteko@yandex.ru

Сведения о грантах

Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644.

В редакцию статья поступила 13.06.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2023 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-295-304

For citation

Pavlyukevich, Ruslan V., Severyanov, Mikhail D., Elteko, Juliya V. Regional Archival Sources on the History of a Young City on the Example of Divnogorsk, Krasnoyarsk Region (In Russ.). IN: Vestnik Archivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 295–304. doi 10.28995/2073-0101-2024-1-295-304

Pavlyukevich, Ruslan V., Severyanov, Mikhail D., Elteko, Juliya V., Krasnoyarsk, Russian Federation
Regional Archival Sources on the History of a Young City on the Example of Divnogorsk, Krasnoyarsk Region

Abstract

The article presents a review of the corpus of documents of the State Archive of Krasnoyarsk Krai, related to the history of Divnogorsk. The town was founded by the authorities as a settlement serving the Krasnoyarsk hydroelectric power station in 1963. Divnogorsk is one of the many young industrialised small towns which appeared in the USSR during the next round of industrial modernisation. Its peculiarity is the close connection to the regional centre. Divnogorsk is a part of Krasnoyarsk agglomeration. Due to the high role of the town in the economic plans and projects of the Krasnoyarsk region development, its history is reflected not only in the town archive, but also in the documents of the regional archive collection to a great extent. A considerable part of them has not yet been put into scientific circulation. The corpus of documents related to Divnogorsk is quite complicated and chaotic. It is represented by neither one fund in particular but scattered over many others. All the materials about the town can be divided into two groups. Firstly, these are funds entirely dedicated to and related to Divnogorsk and businesses located there. These are mainly collections of party and Soviet organizations of Divnogorsk. Due to the fact that the town was a relatively small settlement, these materials reflect data on various aspects of life and development of small industrial town in Siberia. This group includes the fonds of the Divnogorsk town committee of the Communist Party of the RSFSR, primary party organizations of the CPSU institutions in Divnogorsk (the town's building and transport departments, the executive committee of the town council, the town committee, the low voltage plant, the housing and utilities office, the court and prosecutor's offices, and educational institutions); the fonds of the town's Komsomol organizations, and state and party control agencies. The second group comprises the fonds of the township-wide fonds, which contain information on the socio-economic development of the township. The second group includes the fonds of Krasnoyarskgesstroy Construction Directorate, Krasnoyarsk Region Planning Commission, and the local branch of the Federal State Statistics Service in Krasnoyarsk Region. The use of the krai archives collections allows a comprehensive study of the phenomenon of young cities of the USSR. The analysis of documents related to Divnogorsk in the State Archive of Krasnoyarsk region will make it possible to understand the regularity of deposition of documents on history of young towns of the Soviet period in archives, which will contribute to further search of materials to study such topics.

Keywords

Young city, small town, urban studies, archival fonds, Krasnoyarsk hydroelectric power station, Hydroelectric power station

References

Gonina, N. V. Demographic processes in small historical towns of the Angara-Yenisei region in the second half of the 1950s – late 1970s (In Russ.). IN: Historical Courier. 2019. № 4. С. 129–142.

Zakharchenko, E. K. Stages of territorial transformations of small towns of central Siberia in the second half of the twentieth century (In Russ.). IN: Bulletin of Tomsk State University. Series: Cultural Studies and Art History. 2018. № 31. С. 46–55.

Ippolitova, N. A. Spatial dynamics of the population of small towns in Siberian regions // Izvestiya vysshee obrazovaniya vysshee obrazovaniya. North Caucasus region. Series: natural sciences. 2023. № 1. С. 70–78.

Lopatkina, R. S. Reflection in Soviet fiction of the history of small territories and populations on the example of Divnogorsk (In Russ.). IN: Grishaev Readings. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2023. С. 163–166.

Fedorov, I. G. Children in the prose of the war – this is us: memories of Divnogorsk residents. Krasnoyarsk: Papyrus publ., 2020. 320 с.

About the authors

Pavlyukevich Ruslan V., PhD in History, Associate Professor, Krasnoyarsk State Agrarian University, Department of History and Political Science, Associate Professor, Siberian Federal University, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Associate Professor, Krasnoyarsk, Russian Federation, +7-902-914-06-18, autocrator@yandex.ru

Severyanov Mikhail D., Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian Federal University, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Professor, Krasnoyarsk, Russian Federation, +7-902-918-79-90, severyanova@mail.ru

Elteko Yulia V., Siberian Federal University, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Assistant, Krasnoyarsk, Russian Federation, +7-999-443-50-30, Yelteko@yandex.ru

Grant information

The study was carried out with the support of the Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Scientific-Technical Activities in the framework of the project «History of the municipality of Divnogorsk» No. 2023031609644.

The article was received in the editorial office on 13.06.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Criticism and Bibliography

Рецензия

УДК 93/94+23/28+930.2+281.93+930.25+651.5+002.2+002.6.048.26+091+651.9+009+283/289+308+304.9+321.021+321.6+321.64+321.74+321.74+355.01+342.721.6+343.43+343.432.3+343.432.4+343.434+343.436+342.727+342.731+342.731.3+342.731.4+343.42+343.422+343.423+343.424+352.9+352.075

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-305-311

Для цитирования

Сушко, А. В. Церковь и «красный террор» на Дону в 1918–1919 гг. в новейшей археографии // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 305–311.

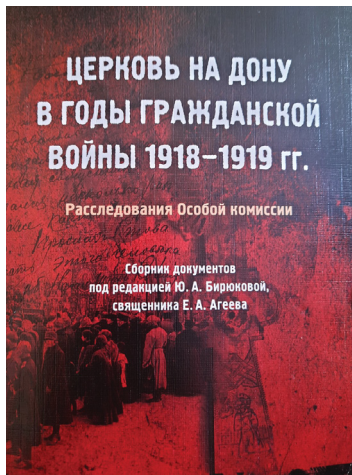
doi 10.28995/2073-0101-2024-1-305-311

Сушко, А. В.

Омский государственный технический университет,
г. Омск, Российская Федерация

Церковь и «красный террор» на Дону в 1918–1919 гг. в новейшей археографии

Важнейшее явление в истории Русской православной церкви (далее – РПЦ) XX в. – террор в отношении ее служителей, часто именуемый «красным», чему немало уделено внимание современными исследователями¹. Одним из регионов, где он был распространен особенно, стал Дон, на протяжении долгого времени находившийся под контролем антибольшевистских Вооруженных сил Юга России под командованием А. И. Деникина. Созданная по его приказу для «выявления сущности большевизма» перед лицом мировой общественности Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков, занималась документированием деятельности карательных органов советской власти, расследуя факты «красного террора».

Обложка книги

Одним из значимых направлений работы комиссии стало расследование гонений на РПЦ на Юге России. Среди материалов комиссии особый интерес представляют опросные листы о преследовании со стороны большевиков, которые заполнили приходы в области Всевеликого Войска Донского в 1919 г. Их и некоторые иные материалы делопроизводства подготовили к изданию известные специалисты по истории РПЦ Ю. А. Бирюкова и Е. А. Агеев². Публикуемые документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Издание снабжено вступительной статьей, где анализируется историография проблемы и охарактеризованы публикуемые источники. Документы основной части сборника разбиты по 10 округам, в 9 из них – представлены с группировкой по благочиниям. В приложениях приведены документы, не вписывающиеся в общую структуру издания: «Список священнослужителей Донской епархии» и «Список сожженных, поврежденных и разграбленных церковей Донской епархии». В сборнике опубликованы фотографии, иллюстрирующие «красный террор» в отношении РПЦ. Книга снабжена именным и географическим указателями. Ее продуманная структура облегчает поиск необходимой информации.

Знакомство со сборником подтверждает суждения историков о значительном размахе гонений на церковь на Дону. В этом смысле регион был одним из «лидеров» среди территорий бывшей Российской империи. Прочтение материалов сборника побуждает к глубокому осмыслению понятия «красный террор», связываемого с деятельностью большевиков, принявших в сентябре 1918 г. известное постановление «О красном терроре». Здесь проблематика издания соприкасается с историей советских спецслужб.

Исследователь А. А. Зданович отмечает: «Применительно к истории органов безопасности в годы Гражданской войны, самое пристальное внимание следует обратить на проблему «красного террора». Здесь для исследования проблемы методологически важно учитывать, что «красный террор» проводила далеко не только централизованная чекистская структура. Эту политику реализовывали местные власти и при ее воплощении в регионах была своя специфика, которую еще только предстоит детально изучить, чтобы затем лучше понять общую картину по стране»³. Материалы сборника подтверждают, что во множестве случаев местные власти не бесчинствовали и к значительной части преступлений против духовенства не имели отношения (особенно, когда их руководители и рядовые красноармейцы были местными жителями)⁴. Проявления «красного террора» были действиями пришлых красноармейцев и солдат-латышей⁵. В отдельных случаях местные большевики даже пытались защитить служителей церкви от возможных расправ⁶. Революционная стихия сметала церковь на Дону как институт дискредитировавшего себя и свергнутого самодержавия руками пришлых в край солдатских масс.

Работа Ю. А. Бирюковой и Е. А. Агеева научно значима. Опубликованные источники будут полезны исследователям истории РПЦ и Гражданской войны в России. Анализ представленного в документах сборника отношения местных большевистских властей, военных и населения к институтам РПЦ способствует лучшему пониманию сущности гонений на церковь и в более широком плане – роли религиозного фактора в Гражданской войне в России.

Примечания

¹ Горохова, М. Е. Восприятие революции 1917 г. русскими эмигрантами первой волны в Праге // История и архивы. 2021. № 3. С. 97–106, doi 10.28995/2658-6541-2021-3-97-106; Гришин, А. А. Протоиерей Сергей Андреевич Сахаров: судьба священнослужителя в обстановке гонений на Церковь 1930-х гг. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 53–64, doi 10.28995/2658-65412023-5-2-53-64. Колдина, А. Г. Кампания по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии за 1922 год // История и архивы. 2022. № 3.

С. 63–71, doi 10.28995/26586541-2022-3-63-71; Никонов, В. В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. № 1. С. 105–117, doi 10.28995/2658-65412022-1-105-117.

² Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследование Особой комиссии / Сборник документов под ред. Ю. А. Бирюковой, Е. А. Агеева. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 392 с.

³ Зданович, А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4. С. 58.

⁴ Церковь на Дону... С. 44–45, 65, 229–231.

⁵ Там же. С. 118, 205, 232, 312–314.

⁶ Там же. С. 205.

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на сборник документов, подготовленный известными историками Ю. А. Бирюковой и Е. А. Агеевым «Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследование Особой комиссии». Книга издана в Волгограде в 2022 г. В ней помещена вступительная историко-ведческая статья о документах Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, созданной по приказу генерала А. И. Деникина. Основу сборника составляют документы с «мест» – опросные листы о преследовании со стороны большевиков, которые заполнили приходы в области Всевеликого Войска Донского в 1919 г. В сборнике опубликованы фотографии, иллюстрирующие «красный террор» в отношении Русской православной церкви на Дону. Издание снабжено необходимым научно-справочным аппаратом, облегчающим поиск необходимой информации. В рецензии подчеркиваются актуальность и научная значимость вводящихся составителями в научный оборот документальных материалов. Региональный и микроисторический подходы стали научной основой для сборника документов, где материалы с территории Дона сгруппированы по соответствующим округам, благочиниям и приходам. Эти подходы, соответственно, легли в основу данной статьи, посвященной анализу сборника документов. Принципы системности и детерминизма позволили охарактеризовать издание, рассматриваемое как явление науки, имеющее свою структуру, в то же время, входящее в общность исторического знания. Основной научный метод, использованный для написания данной публикации – проблемный. В статье приводятся соображения о проблеме «красного террора» в отношении Русской православной церкви. Акценти-

руется внимание на том, что в значительной части публикуемых документов содержатся сведения, свидетельствующие о местных инициативах при совершении актов «красного террора». Они исходили не от представителей власти и не совершались по приказу сверху, а являлись проявлением агрессии по отношению к церкви со стороны пришедшей солдатской массы, оказавшейся в то время на Дону. В заключение автор приходит к выводу, что опубликованные в сборнике документов источники будут полезны исследователям истории Русской православной церкви и Гражданской войны в России. Анализ представленного в документах сборника отношения местных большевистских властей, военных и населения к церковным институтам будет способствовать лучшему пониманию сущности гонений на Русскую православную церковь и в более широком плане – роли религиозного фактора в Гражданской войне в России.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Гражданская война в России, гонения на церковь, красный террор, археография, исторические источники, архивные документы.

Список литературы

Горохова, М. Е. Восприятие революции 1917 г. русскими эмигрантами первой волны в Праге // История и архивы. 2021. № 3. С. 97–106, doi 10.28995/2658-6541-2021-3-97-106.

Гришин, А. А. Протоиерей Сергей Андреевич Сахаров: судьба священнослужителя в обстановке гонений на церковь 1930-х гг. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 53–64, doi 10.28995/2658-65412023-5-2-53-64.

Зданович, А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4. С. 55–61.

Колдина, А. Г. Кампания по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии за 1922 год // История и архивы. 2022. № 3. С. 63–71, doi 10.28995/26586541-2022-3-63-71.

Никонов, В. В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. № 1. С. 105–117, doi 10.28995/2658-65412022-1-105-117.

Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследование Особой комиссии / Сборник документов под ред. Ю. А. Бирюковой, Е. А. Агеева. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 392 с.

Сведения об авторах

Сушко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный технический университет, кафедра истории,

философии и социальных коммуникаций, профессор, г. Омск, Российская Федерация, 8–962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru
В редакцию статья поступила 31.01.2023 г., рекомендована к публикации 20.12.2023 г.

Review

doi 10.28995/2073-0101-2024-1-305-311

For citation

Sushko, Aleksey V. Church and “red terror” on the Don in 1918–1919 in the latest archaeography (In Russ.). *Vestnik Archivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 4, pp. 305–311, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-305-311

Sushko, Aleksey V., Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

Church and the Red Terror on the Don in 1918–19 in the Latest Archeography

Abstract

The article is a review of a documents collection prepared by well-known historians Yulia Alexandrovna Biryukova and Evgeny Anatolyevich Ageev “The Church on the Don during the Civil War of 1918–19. Investigation of the Special Commission.” The book was published in Volgograd in 2022. It contains an introductory source studies article on the documents of the Special Investigation Commission for Investigation of the Bolsheviks’ Atrocities, created on General A.I. Denikin’s order. The collection is based on documents “from the field”: questionnaires about Bolshevik persecution filled in by parishes of the Great Don Host in 1919. The collection contains photographs illustrating the Red Terror against the Russian Orthodox Church on the Don. It contains all necessary scientific reference apparatus to facilitate the search for information. The review emphasizes relevance and scientific significance of the documentary materials introduced into scientific use by the compilers. Regional and microhistorical approaches are scientific basis for the documents collection; the Don materials are grouped by districts, deaneries, and parishes. These approaches, respectively, have formed the basis of this article, which is devoted to the analysis of the collection. The principles of consistency and determinism permit to assess the publication, which is considered as a phenomenon of science with its own structure, while a part of the historical knowledge. The main scientific method used in this publication is problematic. The article offers considerations on the problem of Red Terror towards the Russian Orthodox Church. Attention is focused on the fact that a significant part of the published documents testify

to local initiatives in the acts of Red Terror. They did not originate from the authorities, were not ordered, but manifested newcomer soldiers' aggression towards the Church. The author comes to the conclusion that the published sources may be useful to researchers of the Russian Orthodox Church and the Civil War in Russia. Analysis of the attitude of the local Bolshevik authorities, the military, and the population towards church institutions may contribute to a better understanding of the nature of the Russian Orthodox Church persecution and, more broadly, of the role of the religious factor in the Civil War in Russia.

Keywords

Russian Orthodox Church, Civil War in Russia, persecution of the Church, red terror, archeography, historical sources, archival documents.

References

Gorokhova, M. E. Attitudes towards the Russian Revolution of 1917 in the first wave of Russian emigrants to Prague. IN: *Istoriya i arkhivy*, no. 3, pp. 97–106, doi 10.28995/2658-6541-2021-3-97-106.

Grishin, A. A. Archpriest Sergei Andreevich Sakharov. The fate of a priest under conditions of serious persecutions against the Church in the 1930s. IN: *Istoriya i arkhivy*, vol. 5, no. 2, pp. 53–64, doi 10.28995/26586541-2023-5-2-53-64.

Zdanovich, A. A. “Conceptually we should write not about how we won, but about how on the long road fought and through losses came to the Great Victory...” IN: *Omsk Scientific Bulletin. Ser.: Society. History. Modernity*. 2021. T. 6. № 4. pp. 55–61.

Koldina, A. G. The 1922 campaign of seizure of church valuables in Russia to combat as seen on the pages of the ‘Bor’ba’ newspaper of the RCP (B) Balashov Uezd Executive Committee of the Saratov Gubernia in 1922. IN: *Istoriya i arkhivy*, no. 3, pp. 63–71, doi 10.28995/2658-6541-20223-63-71.

Nikonov, V. V. Seizure of valuables from the temples of the Moscow gubernia in 1922 in the archival documents of the TsGAMO and TsGA of Moscow. IN: *Istoriya i arkhivy*, no. 1, pp. 105–117, doi 10.28995/2658-6541-2022-1-105-117.

Biryukova, Yu. A., Ageyev E. A. (eds.). Church on the Don during the Civil War of 1918–19 Investigation of the Special Commission. Collection of documents. Volgograd, 2022, 392 p.

About the authors

Sushko Aleksey V., doctor of historical sciences, professor, Omsk State Technical University, department of history, philosophy, and social communications, professor, Omsk, Russian Federation, +7-962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru

The article was received in the editorial office on 31.01.2023, recommended for publication on 20.12.2023.

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста/ Vestnik Arhivista / Herald of an Archivist» в 2023 г.

ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ

- Абдрафикова, Г. Х., Издаветов, И. С., Салихов, А. Г.** Источниковедческие аспекты истории ислама в России на страницах журнала «Маглюмат». 1908–1917 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 59–72, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-59-72
- Абдрахманова, Е. Н.** Источниковая база изучения детской повседневности пореформенного Оренбурга на рубеже XIX–XX вв. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 45–58, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-45-58
- Абленецова, О. А.** Оформление таможенных зачетных выписей в 1655–1667 гг.: по материалам архива Успенского Тихвинского монастыря // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 983–994, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-983-994
- Авдашкин, А. А.** Трудомобилизованные из Средней Азии на Урале во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: характеристика архивных источников и попытка переосмысления ракурсов // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1056–1066, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1056-1066
- Аккузинов, А. К.** Всеобщее военное обучение в Казахской ССР во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1044–1055, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1044-1055
- Белова, И. Б.** О странностях левозероковского мятежа в Жиздринском уезде Калужской губернии 7–14 июля 1918 г.: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 100–116, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-100-116
- Богомазова, А. А.** Морские суда Крестного Онежского монастыря в 1657–1660 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 995–1005, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-995-1005
- Бульчечева, Е. В.** Социальный состав арендаторов священных земель в Аттике второй половины IV в. до н. э. по данным эпиграфики // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 331–341, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-331-341
- Веригин, С. Г., Попов, Д. А., Прохорова, М. Н.** Новые документы о финской оккупации Олонцкого района Карелии. 1941–1944 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 131–143, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-131-143
- Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. А.** Крестьянский пессимизм в период коллективизации 1920–1930-х гг.: антисоветская риторика поколения «революционного перелома» // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 753–764, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-753-764
- Гагиева, А. К.** Организация архивного дела в Коми области в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 364–377, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-364-377
- Гарри, И. Р.** Дневник известного бурятского ученого и политического деятеля Базира Барадина «Амдо-Монголия»: источниковедческие аспекты. 1905–1906 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1032–1043, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1032-1043
- Гайдамашко, Р. В.** Рукописные памятники коми-пермяцкой письменности XVIII – начала XX века: история создания и концепция археографического описания // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 675–686, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-675-686

- Гордеев, П. Н.** «Все мы летим в пропасть». Переписка Ф. Д. Батюшкова, Л. В. Собиннова и А. И. Сумбагова-Южина в ноябре–декабре 1917 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 86–99, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-86-99
- Головнев, И. А., Головнева, Е. В.** «Киноатлас СССР»: концепция М. В. Налетного. По архивным материалам 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 739–752, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-739-752
- Дмитриева, З. В., Павлов, А. П.** Вклады Шереметевых в Кирилло-Белозерский монастырь в XVI веке // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 11–21, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-11-21
- Домнин, С. В., Сухова, О. А., Коблова, Н. А.** Паломничество в Святую Землю и российский провинция на рубеже XIX–XX вв.: источниковедческий потенциал Пензенских епархиальных ведомостей // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 713–725, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-713-725
- Жабон, Ю. Ж.** Рукописный текст садханы «Юток-ньинтик» Халха Дамцик Дордже из тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. XIX в. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 22–33, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-22-33
- Ипполитов, В. А.** Революция 1905–1907 гг. в воспоминаниях крестьян Тамбовской губернии // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 726–738, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-726-738
- Князев, М. А.** К вопросу о целях поездки А. И. Гучкова в Псков к императору Николаю II в дни Февральской революции 1917 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 73–85, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-73-85
- Конкин, Д. В.** Из истории налогообложения мусульман Крыма в XIX в.: «татарский сбор», подробности подготовки, взимания и распределения средств. По материалам Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 117–130, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-117-130
- Лиджиева, И. В.** Табельные дни в системе инородческого управления XIX века: установление режима работы служащих // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 700–712, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-700-712
- Лупанова, Е. М.** Ново-Архангельская (Ситхинская) магнитная обсерватория. По архивным материалам середины XIX века // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1021–1031, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1021-1031
- Матханова, Н. П.** Фрагменты мемуарного и автобиографического характера в деловых документах XIX в. на примере отчетов сибирских генерал-губернаторов // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 34–44, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-34-44
- Огуренко, Е. В.** Секретные архивы в провинции в 1940-е – 1960-е гг. на примере Государственного архива Свердловской области // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 401–412, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-401-412
- Пивовар, Е. И., Ханова, И. Е., Катагощина, М. В.** Архивы Азербайджана в системе международных научно-информационных и культурных связей начала XXI века // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 777–788, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-777-788
- Попов, А. В.** Пребывание в 1945–1947 гг. отряда Б. А. Смысловского в Лихтенштейне. По документам Национального архива Княжества Лихтенштейн (Landesarchiv des Fürstentums Liechtenstein) // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1067–1081, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1067-1081

- Сарафанов, Д. Е.** Массовые церковные источники Барнаульского духовного правления второй половины XVIII – начала XIX в.: особенности сохранности материалов в архивах Сибири // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 687–699, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-687-699
- Семенова, Н. Л.** Донесения об «обозрении» губернии в системе делопроизводства второй четверти XIX в. На материалах Оренбургской губернии // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1006–1020, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1006-1020
- Соболева, А. Н.** Дети Бурятии: повседневная жизнь в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 390–400, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-390-400
- Степанова, Л. Г.** Документы Межевого архива о землеустройстве и межевании Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 342–353, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-342-353
- Сушко, А. В.** Комплектование личным составом 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса на примере 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков. 1942 г. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 378–389, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389
- Ткаченко, Д. С.** Аналитические материалы архива Н. И. Евдокимова как источник изучения военно-политической истории Кавказа XVIII–XIX вв. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 663–674, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-663-674
- Урбанаева, И. С., Лощенков, А. В.** Первоисточники учения о стадильности Пути в индо-тибетской Махаяне // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 971–982, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-971-982
- Усачев, А. С.** Кем был в миру патриарх Иоасаф I (1634–1640 гг.)? Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 651–662, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-651-662
- Филиппова, Т. П.** Воспоминания репрессированных ученых об освоении Европейского Северо-Востока СССР в конце 1920-х – начале 1950-х гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 765–776, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-765-776
- Ходяков, М. В.** «Громадная пивка, присосавшаяся к государственному сундуку»: Китайско-Восточная железная дорога в оценках российской прессы начала XX века // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 354–363, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-354-363

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Абдрахманов, К. А.** «С крайним старанием и без всякой оплошности...»: вклад российского купчества в социокультурное и хозяйственно-политическое освоение Центральной Азии в первой половине XIX века // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1123–1137, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1123-1137
- Безгин, В. Б.** Биографии коммунистов поколения «революционного перелома» 1917–1920-х гг. На материалах архивов Тамбовской области // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 835–848, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-835-848
- Белова, И. Б.** «Возвращались с грустью в сердце». Воспоминания беженца Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1150–1160, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1150-1160
- Галимзянова, А. Т.** Казанский педагогический институт в годы «Большого террора». По письмам Х. Гимади в ЦК ВКП(б) и парторганизацию 1938 г. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 849–860, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-849-860

- Гонина, Н. В.** Роль горно-металлургического комбината в формировании городской среды Норильска в 1950–1970-е гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 540–552, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-540-552
- Дюкарев, А. В., Олефир, Е. А.** Локальные особенности коммуникации советской власти и казачьего населения Кубани в 1920–1922 гг.: хроника станции Старонижестеблиевской // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 503–515, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-503-515
- Ефимов, А. А.** Проблемы администрирования строительства служебных зданий при реконструкции имения «Ливадия» в 1910–1911 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 823–834, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-823-834
- Комаров, Д. Е.** Воодушевление российского воинства на завершающем этапе Первой мировой войны 1914–1918 гг. на примере создания памятника «Героям II Отечественной войны» в г. Вязьме в 1916 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 208–220, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-208-220
- Кондаков, Ю. Е.** Особенности ликвидации Духовной миссии в Иерусалиме в 1879 г. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1138–1149, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1138-1149
- Мельников, И. А.** Тихвинская старообрядческая богадельня во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 491–502, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-491-502
- Николашин, В. П., Стрекалова, Н. В.** Об особенностях изучения деятельности коллективных хозяйств в годы нэпа на примере Тамбовской губернии. 1920 е гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1173–1184, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1173-1184
- Петин, Д. И.** Спекуляция аннулированными белогвардейскими деньгами: омский казус 1920 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 221–232, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-221-232
- Ситдиков, А. М.** Организация советской высшей вневоинской подготовки во второй половине 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 527–539, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-527-539
- Старостенко, Э. В.** Съезды военного духовенства Румынского фронта в Яссах в 1917 году // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1161–1172, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1161-1172
- Столетова, А. С.** Низовой сегмент производственного социума России в 1950–1960-е гг.: источники по проблеме восприятия социально-экономического и политического неравноправия // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 233–248, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-233-248
- Суданц, Б. М.** Идеологические и философские аспекты концепции нового мышления в массовой политической литературе в 1988–1991 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1199–1211, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1199-1211
- Суданц, Б. М.** Перестроечная периодическая печать как исторический источник по трансформации образа В. И. Ленина в 1987–1991 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 553–564, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-553-564
- Тимкин, Ю. Н.** Областная организация РКП(б) Вотской автономной области в 1921–1923 гг.: трудности процесса становления. По архивным материалам // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 516–526, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-516-526
- Фандо, Р. А.** Пропаганда антинаучных взглядов Т. Д. Лысенко на страницах французских периодических изданий в 1930–1940 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1185–1198, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1185-1198

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

- Аифертьев, И. А.** О перераспределении полномочий членов Политического бюро ЦК РКП(б) в условиях перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике в первой половине 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1096–1110, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1096-1110
- Бичеев, Б. А.** Дневник путешествия в Монголию калмыцкого ламы Дорджи Сетенова // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 789–803, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-789-803
- Быстрова, И. В.** Операция «Браслет»: британский полковник Э. Джейкоб о визите У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 804–822, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-804-822
- Богомолов, И. К.** К истории публикации брошюры Н. И. Кареева «Южные славяне и Италия на Адриатике». 1916 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 172–183, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-172-183
- Болокина, Л. А.** «Содержался детский дом на средства крестьян». Документы о судьбах детей в период германской оккупации западных районов Калининской области. 1941–1944 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 184–196, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-184-196
- Кашль, М. В.** Церковная дипломатия в СССР 1960-х гг. в частном рапорте епископа Питирима (Нечаева) митрополиту Никодиму (Ротову) о паломничестве в Святую Землю // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 474–490, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-474-490
- Лиджиева, И. В., Шургучиева, Ю. С.** Рапорт переводчика Н. А. Лебедева сенатору Ф. И. Энгелью об оседлом поселении калмыцкого зайсанта Тукчи. 1827 г. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1082–1095, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1082-1095
- Морозова, Т. И.** «...Оказаться в рядах строителей социализма». К политической биографии бывшего члена Исполнительного комитета «Народной воли» М. Ф. Фроленко. 1935 г. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 458–473, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-458-473
- Пахомова, Е. В.** В эпицентре освоения целины: грандиозная кампания в оценке рядового участника А. Ф. Плохотниченко. 1954–1968 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1111–1122, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1111-1122
- Паиков, А. М.** «Главным предметом для моих работ и исследований всегда служили и служат проявления духовной, умственной, интеллектуальной жизни русского народа...»: автобиография народника, религиоведа и социолога А. С. Пругавина. 1898 г. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 430–446, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-430-446
- Петров, Н. И.** Сакрализация портрета императрицы Елизаветы Петровны в Оренбургской губернии в 1760-х гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 144–158, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-144-158
- Плех, О. А., Черникова, Н. В.** Крушение императорского поезда у станции Борки в 1888 г. глазами очевидца // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 159–171, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-159-171
- Скрыдлов, А. Ю.** Первая дискуссия об организации государственной статистики в Российской империи // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 413–429, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-413-429
- Шаповалов, М. С.** Сионист Элияху Мунчик и его письмо об эмиграции евреев в Палестину. 1917 г. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 447–457, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-447-457

Шевякова, К. С. Письмо ученого-нефтяника Ф. А. Требина Л. П. Берии о состоянии нефтяной промышленности Венесуэлы. 1949 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 197–207, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-197-207

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Белозеров, О. П. Участие М. М. Завадовского в выборах в Академию наук СССР: обзор архивных материалов 1939–1946 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 892–905, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-892-905

Зарубина, К. А., Петрищева, Н. С. «Денежные воры» в России: об истории развития фальшивомонетничества в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века. По архивным материалам // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1225–1237, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1225-1237

Петин, Д. И. Работа омских чекистов в отношении бывших белых контрразведчиков: казус Гудимова-Горского // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 576–588, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-576-588

Полторак, С. Н., Зотова, А. В. Людмила Алексеевна Вербицкая: «украинский старт» российского филолога // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 286–300, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-286-300

Рыбаков, В. А. Просопографический портрет руководителей Наркомата юстиции РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По документам РГАСПИ и ГАРФ // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 589–601, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-589-601

Спичак, А. В., Ванюшина, О. В., Кривошеева, Ю. А. Развод крестьян с прелюбодейками в 1863–1917 гг.: особенности, трудности, результаты // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 262–274, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-262-274

Черных, В. В. Правоведы российского лесного законодательства XIX века // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 275–285, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-275-285

ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ФОНДОВ И КОЛЛЕКЦИЙ

Бурлуцкая, Е. В. Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 628–639, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639

Гордина, Е. Д. «...Создадим новую игрушку для советской детворы»: о советских игрушках 1940-х гг. На архивных материалах Горьковской области // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1238–1250, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1238-1250

Лаврёнова, А. М., Софьина, М. В., Софьин, Д. М. Обзор личного фонда великого князя Михаила Александровича в Государственном архиве Российской Федерации. 1878–1918 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 906–921, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-906-921

Мицюк, Н. А. Архивные документы Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества как источник по изучению социальной политики в 1910–1918 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 616–627, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-616-627

Плотникова, А. Г. Материалы Дмитровского исправительно-трудового лагеря в московском Архиве А. М. Горького 1928–1936 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 301–312, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-301-312

Соловьева, С. В., Болотова, Е. Ю. Исследовательский потенциал эпистолярного наследия профессора Б. С. Абалихина. 1959–1993 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 922–931, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-922-931

МУЗЕЙНЫЕ И АРХИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Абилова, Р. О., Кириллова, Я. Ю. Фотографическое наследие казанского аптекаря Арнольда Бренинга: история и состав коллекции. 1904–1937 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 861–875, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-861-875

Бурматов, А. А. Запросы в статистические управления: потенциал для историко-демографических исследований 1950–1970 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 565–575, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-565-575

Попов, А. В. Обзор личного архивного фонда Б. А. Смысловского в Национальном архиве княжества Лихтенштейн – Holmston-Smyslowsky, Arthur Graf von. 1831–1988 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 876–891, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-876-891

Степанова, О. Б. Материалы Е. Д. Прокофьевой о системе здравоохранения на реке Таз в 1921–1963 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1212–1224, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1212-1224

Хохлов, А. А. Историко-антропологический очерк пьянства приходского клира Казанской епархии в середине XIX в. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 249–261, doi 10.28995/2073-0101-2023-1-249-261

ГЕНЕАЛОГИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Баринова, Е. П., Кабытов, П. С. Воспоминания А. Э. Фридрихс как источник о повседневной жизни дворянского рода Племянниковых // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 602–615, doi 10.28995/2073-0101-2023-2-602-615

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Анфертьев, И. А. Издание омскими историками и архивистами труда о боевом пути 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 945–952, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-945-952

Бахтурина, А. Ю. Источники по истории российско-финляндских отношений начала XX в.: проблемы и перспективы публикации // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 932–938, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-932-938

Воробьев, Е. П. Борьба за Царицын в ходе Гражданской войны в России: к изданию коллективной монографии // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 939–944, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-939-944

Нуйкина, Е. Ю. Издание сборника научных статей «Золотые соты» к юбилею профессора Историко-архивного института РГГУ Е. В. Пчелова // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 953–959, doi 10.28995/2073-0101-2023-3-953-959

Петин, Д. И. К историческим образам интервентов в Белой Сибири 1918–1919 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1265–1271, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1265-1271

Ромашин, И. Е. Энциклопедисты петербургской власти. К изданию архивного справочника «Органы власти и управления Санкт-Петербурга. 1775–1993» // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1251–1257, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1251-1257

Рыбаков, Р. В. Издание о роли молодежи в государственном управлении на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1272–1279, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1272-1279

Смирнов, Ю. Н. Завещания и иные семейно-правовые акты ратуши Сергиевского посада конца XVIII – середины XIX в.: опыт современной эдиционной

практики // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1258–1264, doi 10.28995/2073-0101-2023-4-1258-1264

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ / INDEX OF MATERIALS

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / Vestnik arhivista / Herald of an Archivist» в 2023 г. // Вестник архивиста. 2024. No. 1. С. 312–319, doi 10.28995/2073-0101-2021-1-312-319. Index of materials published in the “Vestnik arhivista / Herald of an Archivist” in 2023/ Information. In Russ. IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2024, no. 1, pp. 312–319, doi 10.28995/2073-0101-2024- 1-312-319

РЕДАКЦИЯ медиагруппы: «Вестник архивиста» (печатная версия); сетевые журналы «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.herald-of-an-archivist.com) – на английском языке; «Вестник архивиста.TV» (www.tv.vestarchive.ru) – видеожурнал; «Вестник архивиста.Vk.com» (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

И. А. Анфертьев – доктор исторических наук, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); В. В. Борисов – редактор и системный администратор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); М. Е. Заболотникова – дизайн и верстка (г. Москва, Российская Федерация); З. П. Иноземцева – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); М. С. Исакова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан); С. В. Кулинок – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь); К. И. Ляшенко – магистр истории, заместитель главного редактора (шеф-редактор сетевых журналов) (г. Москва, Российская Федерация); Д. И. Петин – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Сибирском федеральном округе (г. Омск, Российская Федерация); В. Б. Прозорова – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе (г. Париж, Франция); Д. В. Савин – ведущий научный редактор (г. Москва, Российская Федерация); О. Н. Солдатова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of the magazines group: 'Herald of an Archivist' (printed version), 'Herald of an Archivist.ru' (www.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist.com' (www.herald-of-an-archivist.com), 'Herald of an Archivist.TV' (www.tv.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist' (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

I. A. Anfertiev – PhD in History, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); V. V. Borisov – editor and system administrator of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); M. E. Zabolotnikova – design and lead out (Moscow, Russian Federation); Z. P. Inozemtseva – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); M. S. Isakova – PhD in History, director of the magazine branch in Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); S. V. Kulinok – PhD in History, director of the magazine branch in Belarus (Minsk, Belarus); K. I. Lyashenko – Master of History, deputy editor-in-chief (managing editor of the supplements to print magazine – online magazines) (Moscow, Russian Federation); D. I. Petin, PhD in History, director of the magazine branch in the Siberian Federal District (Omsk, Russian Federation); V. B. Prozorova – PhD in History, director of the magazine branch in Europe (Paris, France); D. V. Savin – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); O. N. Soldatova – PhD in History, director of the magazine branch in the Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Допечатная подготовка выполнена в Издательском центре
Российского государственного гуманитарного университета (ИЦ РГГУ).

Подписано в печать 20.03.2024 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 0000

Отпечатано: ИЦ РГГУ, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Prepress by the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities.

Signed to print 00.00.2024. Format 60×84¹/₁₆. Volume of 20 printed sheets.

Printrun of 1000 copies.

Printed in the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities,

Miusskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125047